

100

ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ МИРА

100 великих (Вече)

100 великих городов мира

«ВЕЧЕ»

2006

100 великих городов мира / «ВЕЧЕ», 2006 — (100 великих (Вече))

ISBN 5-9533-1445-0

Города начинались по-разному. Одни вставали на перекрестках караванных путей, другие поднимались в безлюдных пустынях. Есть города-крепости, города-казармы, города, выросшие вокруг речных пристаней или морских портов, монастырей, фабрик или рынков. Грешный Вавилон и святой Иерусалим, вечный Рим и запретная Лхаса, деловая Женева и карнавальный Рио, таинственная Чичен-Ица и гостеприимный Париж, высокогорный Ла-Пас и отвоеванный у моря Амстердам... Новая книга из серии «100 великих» расскажет об истории и судьбе как исчезнувших городов древности, так и о тех, которые пронесли через века свой неповторимый облик.

ISBN 5-9533-1445-0

, 2006
© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Вступление	5
Ниневия – древняя столица Ассирии	7
Грешный и великий Вавилон	10
Иерихон – город пальм	14
Воинственная Спарта	17
Ур Халдейский	22
Старейшина столиц Дамаск	26
Легенды и быль Мерва	30
Мемфис	34
Анурадхапура – древняя столица Цейлона	37
Мохенджо-Даро	40
Ахетатон – город фараона-еретика Эхнатона	43
Древняя Эбла на земле Ханаанской	47
Невеста пустыни Пальмира	51
Самарканд – столица великого Тимура	55
Стовратные Фивы	59
Благородная Бухара	62
Древние Афины	66
Святой град Иерусалим	71
Императорский Пекин	77
Ханчжоу – жемчужина Китая	81
Карфаген должен быть...	84
Многострадальный Ереван	88
Легенды «вечного города»	92
Под звездой Вифлеема	98
Мероэ	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Надежда Ионина

100 великих городов мира

Вступление

В каждом из нас живет путешественник-первооткрыватель: сидит и ждет своего часа, ибо неистребимо желание человека узнать о неизвестных землях, странах и городах. В наших представлениях, причудливо сплетаясь, встают видения чужих и незнакомых стран, встречи с которыми мы ждем с трепетным чувством.

Прошлое скрыто от нас толщей ушедших лет – столетий и тысячелетий, но по материалам археологических раскопок или письменных источников ученые узнают о событиях, происходивших в весьма отдаленное время. Оказавшись в незнакомом городе, человек поначалу невольно теряется, даже самые заядлые путешественники на несколько мгновений чувствуют это. На человека накатывает такая масса новых впечатлений, что ему трудно даже решить, с чего же в первую очередь начать знакомство с городом.

Города начинались по-разному. Одни вставали на перекрестке караванных путей, и вскоре на их базарах и торговых площадях начинала звучать разноязыкая речь. В городских лавках и магазинах можно было видеть северные меха и индийские алмазы, шелковые ткани Востока и узкогорлые сосуды с прохладным вином Средиземноморья.

Другие города поднимались в безлюдных пустынях, где сквозь песок просачивалась столь драгоценная вода. Здесь изнуренный зноем путник мог утолить жажду и отдохнуть в тени городских стен, благословляя того, кто пришел сюда первым и построил город. Одни города вырастали на земле, другие словно выходили из моря... Есть города-крепости, города-казармы и города, которые выросли вокруг пристани, фабрики или рынка.

По-разному начинались города, и по-разному складывались их судьбы. Многие из них когда-то были украшением земли, а теперь их развалины одиноко стоят среди пустынь и джунглей. Но путешествуя по руинам крепостей и храмов, по улицам и площадям древних городов, мы совершаем экскурс не просто любопытства ради. Это, прежде всего, познание человеком самого себя, ибо без знания прошлого не просто нет будущего, без него и жизнь часто теряет всякий смысл. Древние города жили, торговали, бурлили ежедневными заботами; их жители строили дворцы и храмы и создавали шедевры задолго до Рождества Христова. И в этом мире родилась гигантская духовная культура, не состарившаяся и через тысячелетия.

По-разному и возвращались города к жизни. В конце 1880-х годов по всему миру гремела сенсационная слава Генриха Шлимана, раскопавшего легендарную Трою. Ту Трою, которую считали сказкой не только великие поэты И.В. Гете и Д.Г. Байрон, но и все европейские ученые. Но Г. Шлиман не мог, не хотел верить, что Троя погибла безвозвратно, что ничего не осталось от столь могучего когда-то города – ни разрушенных стен, ни хотя бы камней. Немецкий археолог доверился античной сказке и победил всех.

Почти 2000 лет назад при извержении Везувия погибли три цветущих итальянских города – Помпеи, Геркуланум и Стабии. Но с возрождением погребенных городов перед глазами людей нового времени античный мир впервые предстал во всей своей полноте. Древние камни дворцов, храмов и городов рассказали нам о великих и трагических страницах истории.

Знаменитые города мира тем и знамениты, что любой человек может перечислить их достопримечательности независимо от того, был он в этих городах или нет. Стоит только назвать имя французской столицы – и сразу встают перед глазами виденные в фильмах

или на фотографиях огромные Лувр и Собор Парижской Богоматери, знаменитая Эйфелева башня или Вандомская колонна...

О строительной деятельности римского императора Августа еще Светоний писал: «Город Рим, не отвечающий своим внешним видом величию империи и подверженный наводнениям и пожарам, он так украсил, что по справедливости мог хвастаться, что, приняв его кирпичным... оставляет мраморным». Один немецкий ученый назвал Италию «огромным Лувром», но и это определение кажется слабым. Где найти слова, чтобы воспеть красоту каналов Венеции, площадей Пизы и Сиены, центральных кварталов Флоренции и Болоньи, знаменитый на весь мир фонтан Треви?!

Создавая книгу, которую читатель держит в руках, мы хотели рассказать об истории и судьбе как исчезнувших городов древности, так и тех, которые через века и тысячелетия пронесли свой нетленный облик. Не все города вошли в сборник серии «100 великих»: остались в стороне Троя и Микены¹, Помпеи и Тиауанако, Ангкор-Ват и Лос-Анджелес, Хива и Шираз, Загуан и многие другие... Надеемся, что вдумчивый и любознательный читатель сам продолжит этот увлекательный поиск.

¹ О них и найденных в них сокровищах можно подробнее прочитать в книге «100 великих сокровищ».

Ниневия – древняя столица Ассирии

Охота на львов. Рельеф из дворца царя Ашиурбанипала в Ниневии.

VII до н. э.

Многие народы древности бесследно исчезли с исторической сцены. Ничего, кроме археологических находок, не осталось от шумеров, филистимлян, хеттов, сыгравших значительную роль в человеческой цивилизации.

Ассирийцы – редчайшее исключение. Гибель их древней столицы в 612 году до нашей эры и последующее окончательное крушение государства не сопровождались уничтожением ассирийцев как народа или ассимиляцией их с завоевателями. Они «спаслись» в неприступных горах Курдистана и там, среди своих соседей-курдов, нашли убежище на долгие годы.

Через 100 лет после гибели Ниневии ассирийцы упоминаются в дворцовых надписях древнеперсидского царя Дария I. Так, в Сузах археологи обнаружили надпись, сообщавшую о строителях царского дворца: «Земля была вырыта... гравий засыпан, и кирпичи сформованы, и эту работу сделали вавилоняне. Дерево, называемое кедр, было привезено с гор Ливана. Ассирийцы довели его до Вавилона».

Сведения об ассирийцах встречаются и у средневековых арабских историков, которые сообщают, что «потомки ассирийцев продолжают жить на тех же местах». Это подтверждается целым рядом бесспорных фактов, например, армянская церковь с древнейших времен и до наших дней называет епископство города Мосула ассирийским епископством. Сами ассирийцы называют его «курсий д'Нинви», что значит «епископство Ниневии». До сих пор в январе они отмечают «День Ниневии» как самый торжественный праздник. Как и их древние предки, нынешние ассирийцы соблюдают пост «Баута д'Нинви» («Пожелание Ниневии»), который считается самым важным и строгим постом. Они надевают на голову войлочные

конусообразные шапки, какие носили их предки и какие можно увидеть на древних барельефах: такие шапки на Востоке были распространены только среди ассирийцев.

Но о Ниневии рассказывается не только в древних документах, об этом городе упоминается и в самой Библии. В книге «Бытие» (10, 11) говорится: «Из сей земли (Сеннаар. – *Н.И.*) вышел Ассур и построил Ниневию». Случилось это в глубокой древности, но о расширении Ниневии долго не было никаких известий – вплоть до того времени, когда туда был послан Иона. Господь повелел Ионе идти в город великий, в Ниневию, и возвестить там о ее разрушении, так как она всегда была полна гордыни и говорила в сердце своем: «Я – и нет иного, кроме меня».

Но Иона и сам, вместо того чтобы подчиниться Господу, бежал от лица Его. Только после второго повеления Иона послушал Господа и отправился в Ниневию – «великий город перед лицом Бога». Это был чрезвычайно большой город, окружность которого составляла примерно 150 километров. На этой территории располагались не только царские дворцы и храмы, но также сады и пастбища, необходимые для прокорма весьма значительной численности скота.

В исторической литературе основателем Ниневии считается Синахериб, сын царя Саргона. Он перенес сюда столицу из Дур-Шаррукина, обустроил город с невиданной роскошью и окружил его стеной (протяженностью около 12 километров) с 15 воротами. Чтобы снабжать Ниневию водой, по приказу Синахериба с гор провели канал шириной 20 метров. Сложенный из каменных плит, канал этот (длиной более 50 километров) то шел через тоннель, то пересекал долины по акведуку, стоящему на сплошном основании. В одной из найденных надписей ученые прочитали, что Синахериб щедро одевал и кормил строителей канала.

Ниневия была огромным городом, численность населения которого достигала 170 000 человек. Дома в городе были большие и светлые, улицы – прямые, широкие и зеленые. Центральная улица ассирийской столицы, прозванная Царской, в ширину равнялась 26 метрам, что шире Невского проспекта в Санкт-Петербурге. Царская улица была залита асфальтом, по обеим сторонам ее стояли статуи.

Стены дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии были покрыты рельефными плитами. Действующие лица и сцены, изображенные на этих плитах, – это ассирийские воины, штурмующие вражеские крепости, форсирующие реки или готовящие коней к бою; колонны рабов и рабочих, перетаскивающих в корзинах землю и камень и возводящих дворцы. Однако главным героем на всех рельефах является сам царь Ашшурбанипал, который всегда изображается великим и могучим.

В Библии несколько раз упоминается о Ниневии, и многие пророчества предсказывают ее гибель: она станет безлюдной и сухой, как пустыня, потому что всегда была городом крови, грабительства, обмана и убийств. Еще при жизни царя Ашшурбанипала войска мидийского царя Фраорта пытались штурмом взять Ниневию, но тогда город выдержал все нападения противника.

По преданию, Ниневию спас стодневный пост. В дни осады царь повелел «провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его, чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбища и воды не пили. И чтобы покрыты были вретисцем люди и скот, и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего, от насилия рук своих». Бог увидел их добрые дела и отвел от них бедствие, которым угрожал вначале.

Однако при жизни царя Ашшурбанипала участились и выступления покоренных народов, а после его смерти восстание против ассирийских правителей подняли Сирия, Финикия, Иудея, Египет. Отделился и Вавилон, на его престол вступил бывший наместник вавилонского приморья Набопаласар, который заключил союз с мидийским царем Киаксаром.

В 614 году до нашей эры мидийский царь при поддержке вавилонской армии под предводительством Набопаласара осадил Ниневию, но все их усилия были напрасны. Горожане дали завоевателям достойный отпор, и только получив подкрепление со стороны всех подвластных ему народов, мидийский царь преодолел сопротивление ниневийцев.

Этому помогло и одно природное обстоятельство: мидийцам удалось разрушить плотину на реке Хусур, Тигр вышел из берегов и смыл часть городских стен, что позволило мидийцам войти в ассирийскую столицу. Ворвавшиеся в город завоеватели начали беспощадно уничтожать жителей и грабить царские дворцы. Потом они предали город огню и сровняли его с землей, а все богатства Ниневии отправили в Экбатаны.

Поиски столицы ассирийского царства в 1842 году начал французский консул П.Э. Ботта, но они оказались безрезультатными. Через четыре года на земле древней Месопотамии появился другой археолог – Астон Генри Лэйярд, которому и посчастливилось открыть Ниневию.

Грешный и великий Вавилон

Современный Вавилон. Раскопки вблизи ворот Иштар

В 90 километрах к югу от Багдада раскинулись покрытые пылью веков развалины древнего Вавилона, которые представляют собой четыре огромных холма из щебня. Здесь в Междуречье несколько тысячелетий назад зародился один из первых очагов человеческой цивилизации со знаменитыми «висячими садами Семирамиды» и райскими кущами, где, по преданию, прародительница Ева сорвала яблоко, соблазнившее Адама.

В течение всего времени своего существования Вавилон не раз переходил из рук в руки, и со временем он стал столицей одного из самых грозных и могущественных государств древнего мира. Мощное Вавилонское царство просуществовало вплоть до завоевания его персидским царем Киром в 538 году до нашей эры. Почти через два столетия город захватил Александр Македонский, который вначале даже намеревался сделать его столицей своей необъятной державы. Но потом великий завоеватель основал невдалеке другой город, который назвал своим именем.

Вавилон давно перестал существовать, но и сегодня эти величественные руины свидетельствуют о его былой грандиозности. В древности местные жители называли его «Бабили», что означает «Врата бога»; греки трансформировали это название в Вавилон, сами же иракцы до сих пор пишут и произносят это слово как «Бабилон».

Впервые упоминание о Вавилоне встречается в легенде о царе Саргоне, который правил Аккадом примерно в середине III тысячелетия до нашей эры. В ней рассказывается о том, что Саргон Аккадский подавил восстание в подвластном ему Вавилоне. Многие историки свидетельствуют об огромных размерах этого города, хотя до сих пор и не пришли к единому мнению относительно его протяженности. Согласно сообщениям Геродота, посетившего Вавилон около середины V века до нашей эры, город тянулся по обоим берегам

Евфрата в виде огромного четырехугольника шириной и длиной по 22 километра. В нем было по 25 медных ворот с каждой стороны, от ворот шли улицы, которые пересекались под прямым углом. Дома в Вавилоне стояли не вплотную друг к другу, и поэтому между ними оставалось свободное пространство для садов и даже для полей и виноградников.

Лет через 100–150 после Геродота в Вавилоне жил жрец Бероз, который написал большое сочинение о городе. В своей книге жрец рассказал историю Вавилона и Ассирии, изложил много легенд о царях и главные мифы о богах. К сожалению, бесценный труд Бероза почти полностью погиб, до нас дошло только несколько отрывков из него, которые приводит в своих сочинениях христианский писатель Евсевий Кесарийский.

Так печально обстояло дело, и казалось, что вместе с Вавилоном, разрушенным во время упадка Римской империи, погибли и все письменные памятники, которые могли бы рассказать нам о судьбе города. На протяжении 44 столетий город дважды исчезал с исторической арены, но развалины знаменитого Вавилона не исчезли бесследно.

Руины Вавилона привлекли внимание археологов еще в 1850 году, их обследованием занимались А.Г. Лэйард, О. Рассам, Дж. Смит и другие ученые. Среди предметов, обнаруженных в развалинах, было найдено несколько кирпичей с именами царей Нериглиссара и Левинета, однако на большинстве обнаруженных кирпичей значится имя Навуходоносора II. Именно во время правления этого царя, в VI веке до нашей эры, Вавилон достиг своего расцвета. Тогда ему были подвластны земли Аккада и Шумера, и Вавилон превратился в крупный торговый и культурный центр. По Евфрату в город с севера приходили корабли с медью, мясом, строительными материалами, а на север следовали караваны с пшеницей, ячменем и фруктами. В годы царствования Навуходоносора II притекавшие в Вавилон сокровища из Передней Азии употреблялись на перестройку столицы и возведение вокруг нее могучих укреплений.

С 1899 года Берлинский музей доверил начать раскопки в древнем Вавилоне Роберту Кольдевею. Сначала немецкая экспедиция раскопала два ряда вавилонских стен, которые тянулись вокруг города почти на 90 километров. Их длина в два раза превышала окружность Лондона XIX века, а ведь английская столица того времени насчитывала более 2 000 000 жителей.

В начале 1900 года немецкая экспедиция обнаружила еще и третий пояс вавилонских стен. Своей толщиной они не уступали стенам ассирийского Дур-Шаррукина, и потому на них были выстроены казармы для солдат гарнизона, охранявшего город. Если бы все кирпичи этих стен вытянуть в одну линию, то она опоясала бы земной шар по экватору 12–15 раз.

Превратив столицу в неприступную крепость, Навуходоносор приказал высечь в камне надпись:

Я окружил Вавилон с Востока мощной стеной, я вырыл ров и укрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и обил их медными пластинками. Для того, чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские воды, водами...

Но еще больше, чем крепостные стены, Р. Кольдевей (а вместе с ним и весь мир) поразило другое открытие. Уже при пробных раскопках на холме Каср немецкая экспедиция нашла улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями. Эта улица оказалась «Дорогой для процессий бога Мардука», и шла она от Евфрата и Больших ворот до Эсагиле – главного храма Вавилона, посвященного богу Мардуку. На нижней стороне каждой плиты клинописью было выбито:

Я, Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набопаласара, царя Вавилона. Вавилонскую дорогу паломников замостил я для процессии великого владыки Мардука каменными плитами... О Мардук! О Великий владыка! Даруй жизнь вечную!

Роберту Кольдевею удалось раскопать в Вавилоне и знаменитые «висячие сады Семирамиды», которые, однако, были возведены не этой легендарной царицей и даже не во времена ее царствования. Они были построены по приказу Навуходоносора II для его любимой жены Амитис – мидийской царевны, которая в пыльном Вавилоне тосковала по зеленым холмам своей родины. Великолепные сады с редкими деревьями, ароматными цветами и прохладой в знойном Вавилоне были поистине чудом света.

Тот Вавилон, который в течение нескольких лет раскапывала немецкая экспедиция Р. Кольдевея, был построен на развалинах и останках многих других городов, следы которых удалось обнаружить в нескольких местах раскапываемой площади. Это были остатки того Вавилона, который на протяжении своей долгой истории не раз был осквернен, но не покорился ни ассирийцам, ни каким-либо другим врагам. Это были руины того Вавилона, который за 1000 лет до Навуходоносора II был резиденцией прославленного вавилонского царя Хаммурапи.

Древний Вавилон занимает значительное место в Ветхом Завете в связи со своими отношениями с Израилем: он упоминается почти в каждой главе «Книги Иеремии». Кроме того, он примечателен еще и тем, что является первой из четырех великих империй, о гибели которых пророчествовал пророк Даниил. Царство Господа, установленное в доме Давида и поддерживаемое в Иудее, на время прекратило свое существование из-за беззаконий, настали «времена язычников». В «Апокалипсисе» Вавилон назван «тайной», «матерью блудницам и мерзостям земным», где предавались пьянству и буйному веселью.

Но Вавилон был не только городом греха: как пишет Э. Церен в своей книге «Библейские холмы», Вавилон был религиозным «кладезем глубочайшего благочестия». В одной из раскопанных надписей упоминается, что в городе было 53 храма великих богов, 300 святилищ земных и 600 небесных божеств, одному только богу Мардуку было посвящено 55 святилищ. Вблизи храма Эсагиле раскинулся район Этеменанки, во внутреннем дворе которого стояла знаменитая Вавилонская башня. Подобные башни возводились не только в Вавилоне: любой шумеро-аккадский или ассиро-вавилонский город имел свой зиккурат – большой ступенчатый или башенный храм со святилищем на вершине, в которое «бог с небес вступал».

Та башня, о строительстве которой говорится в Библии, была разрушена, вероятно, еще до эпохи царя Хаммурапи. На смену ей была выстроена другая, в память о первой. Сохранились следующие слова царя Набопаласара:

К этому времени Мардук повелел мне Вавилонскую башню, которая до меня ослаблена была и доведена до падения, воздвигнуть, фундамент ее установив на груди подземного мира, а вершина ее чтобы уходила в поднебесье». Сын его Навуходоносор II добавил: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Э-темен-анки так, чтобы поспорить она могла с небом».

По сообщениям Геродота, Вавилонская башня была тем сооружением, где башни возвышались «одна над другой»². На последней башне был воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исклю-

² Всего, по данным Геродота, башен было восемь.

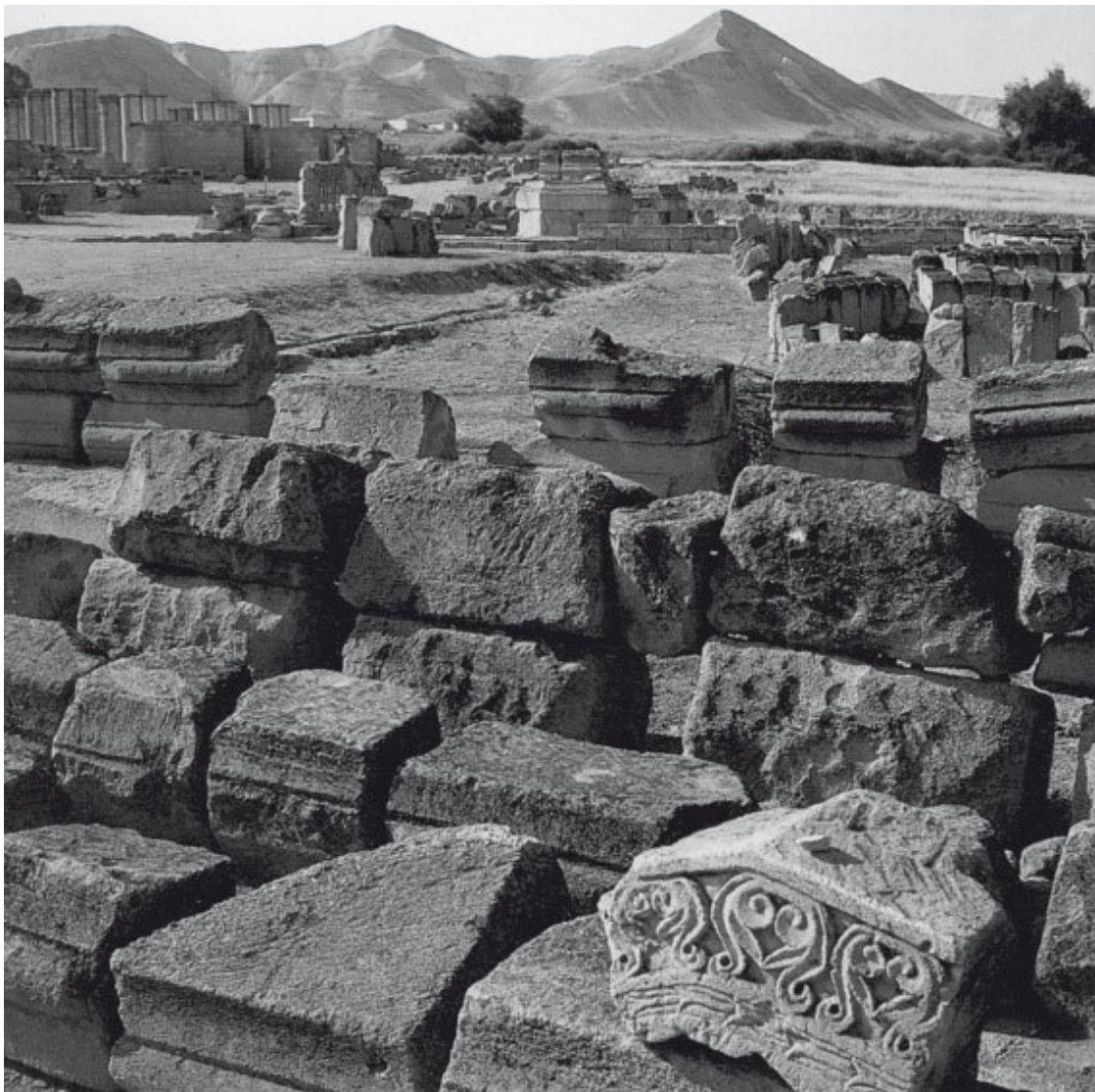
чением одной женщины, которую, по словам халдеев... бог выбирает себе из всех местных женщин.

В Библии говорится о том, что разгневавшийся на людей Бог смешал их языки, так что они перестали понимать друг друга, и рассеял вавилонян по всему миру. Но о разрушении самой башни в Библии ничего не говорится, однако то, что предстало перед глазами экспедиции Р. Кольдевея, было лишь грудой кирпичей, разбитых на тысячи кусков. Персидский царь Ксеркс оставил от Вавилонской башни только развалины, которые в 324 году до нашей эры на пути в Индию увидел Александр Македонский. Гигантские руины поразили его настолько, что он пытался вновь отстроить это сооружение, используя для этого 10 000 человек. Однако великий полководец вскоре заболел и умер – раньше, чем были разобраны развалины.

Сам Вавилон был захвачен Гобрием, военачальником персидского царя Кира. Древний город пал, хотя стены Навуходоносора II продолжали стоять и никто ими так и не овладел. Некоторые древние памятники свидетельствуют, что захвату Вавилона поспособствовало предательство некоторой части его жителей. Священное писание совершенно определенно говорит о полном разрушении города:

Вавилон, краса царств, гордость халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра, не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем; не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся; и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах.

Иерихон – город пальм

Иерихон. Дворцовые руины

История Иерихона насчитывает около десяти тысячелетий. Расположенный ниже уровня моря, город представляет собой оазис среди песков – с прекрасными пальмовыми рощами и фруктовыми садами. Здесь круглый год стоит теплая температура, и потому даже в марте, когда в России еще лежит снег, в городе цветут апельсиновые, абрикосовые и лимонные сады, цветы которых распространяют дивное благоухание. Аллеи из тополей и эвкалиптов окружают поля арахиса, капусты и помидоров...

Иерихон не раз упоминается в Ветхом Завете: например, когда Моисей взошел с равнин Моавитских на гору, лежащую против Иерихона,

показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора.

Иерихон прославился из-за библейской истории, согласно которой он был первым городом, который захватили израильтяне, вступившие на землю Ханаана. Согласно от Иисуса Навина были спрятаны в Иерихоне блудницей Раав, от которой они и узнали, что навели ужас на городских жителей. Шесть дней воины Иисуса Навина обходили Иерихон с ковчегом и в сопровождении священников.

Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город!

...Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро народ услышал голос трубы, воскликнул народ (весь вместе) громким и сильным голосом, и обрушилась вся стена города до своего основания, и весь народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город.

Эрих Церен в упоминавшейся уже книге «Библейские холмы» пишет, что «в тысячелетней истории разнообразных осад, пережитых человечеством, нет ни одного случая, который можно было бы сравнить с осадой Иерихона. Хотя, согласно легендам, часто бывало, что боги благословляли оружие завоевателей». Поэтому даже только из-за одних своих оборонительных стен Иерихон может представлять интерес для археологических исследований.

Раскопки в Иерихоне впервые начали в 1868 году англичане, но успех был незначительным, и они приостановили работу. Через 30 лет сюда пришли немецкие исследователи, которыми руководил профессор Э. Зеллин. Они сразу увидели, что английская экспедиция копала недостаточно глубоко. Начав свои раскопки в 1908 году, немцы почти сразу наткнулись на старинную городскую стену. Археологи тщательно измерили эти удивительные сооружения и стали искать те слабые места, которые могли разрушиться.

Толщина наружной стены равнялась приблизительно полутора метрам, а внутренней – доходила до 3,5 метра: расстояние между ними достигало примерно 3–4 метров. И все-таки эти грандиозные сооружения упали на самом деле, причем обвал больших частей внешних стен происходил наружу, а внутренних – внутрь. Современные ученые считают, что разрушились они из-за землетрясения, случившегося в долине Иордана у Мертвого моря.

Немцы покинули холм Иерихона, состоявший из перемешанных с землей черепков и обломков кирпича. Из Библии они знали, что город впоследствии вновь был восстановлен и передан Вениамину, но позже город захватил Еглон – царь Моава. Иерихон был назван «городом пальм», которые и сейчас произрастают там во множестве – финиковые и бальзамовые. Затем там поселились «сыны пророков», которые сказали, что расположение города хорошо, но вода там нехороша. И тогда пророк Елисей сотворил свое первое чудо: он бросил в воду соль, и вода сделалась здоровой.

До того как Антоний подарил Клеопатре пальмовую рощу Иерихона и бальзамовые сады, о городе мало что было известно. От египетской царицы это место перешло к Ироду Великому, построившему здесь дворец, в котором он впоследствии и умер.

Благодаря своему географическому положению Иерихон издавна был ключом к Палестинскому нагорью, так как здесь сходились множество дорог. В городе собирались богомольцы из стран, расположенных к востоку от Иордана, когда они в дни больших храмовых праздников направлялись в Иерусалим. Сюда же пришел из Назарета и Иисус Христос, когда впервые направил шаги свои к святому городу. Не доходя до Иерихона, Спаситель исцелил слепого от рождения человека, который сидел у дороги и просил милостыню.

...Недалеко от рыночной площади современного Иерихона стоит холм высотой 20 метров. Именно здесь в начале XX века и было открыто то, что осталось от древнего Иерихона – одного из старейших городов мира. Однако на территории раскопок привлекают к себе внимание и остатки мощной, вросшей глубоко в землю башни; а к северу от раскопок древнего Иерихона находятся руины дворца Хишама ибн Аль-Малика – халифа Дамаска из

династии Омейядов. Этот великолепный дворец был построен в VIII веке, но сейчас ученые нашли только остатки двух мечетей и нескольких купален. Основной достопримечательностью дворца Хишама являются сохранившиеся мозаичные картины: особенно примечательна одна из них, на которой изображены «древо жизни», усыпанное золотистыми плодами, и нападающий на газелей лев.

На западной границе современного Иерихона возвышается «Сорокадневная гора» (высота ее – 380 м), которую еще называют «Горой искушения». Именно на этой горе, по преданию, Иисус Христос, искушаемый дьяволом, постился 40 дней и 40 ночей после своего крещения. На вершине горы остались развалины византийской церкви.

По пути к этой горе и находится источник пророка Елисея, а развалины вокруг него обозначают местоположение древнего города, располагавшегося в пяти милях от реки Иордан. Однако некоторые ученые считают, что не на этом месте был расположен новозаветный Иерихон, который, возможно, совпадает (а может быть, совсем не совпадает) с местонахождением небольшой деревушки Ериха, которую иногда называют Иерихоном.

Воинственная Спарта

Торговая площадь в Спарте. Реконструкция

Слава Спарты – пелопонесского города в Лаконии – в исторических хрониках и мире очень громка. Это был один из самых известных полисов Древней Греции, который не знал смут и гражданских потрясений, а его армия никогда не отступала перед врагом.

Спарту основал Лакедемон, царствовавший в Лаконии за полторы тысячи лет до Рождества Христова и назвавший город именем своей жены. В первые века существования города вокруг него не было никаких стен: их возвели только при тиране Навизе. Правда, позднее они были разрушены, но Аппий Клавдий вскоре воздвиг новые.

Создателем Спартанского государства древние греки считали законодателя Ликурга, время жизни которого приходится примерно на первую половину VII века до нашей эры.

Население Спарты по своему составу разделялось в то время на три группы: спартанцев, периеков и илотов. Спартанцы жили в самой Спарте и пользовались всеми правами гражданства своего города-государства: они должны были выполнять все требования закона и допускались ко всем почетным общественным должностям. Занятие земледелием и ремеслом хотя и не было запрещено этому сословию, но не отвечало образу воспитания спартанцев и потому презиралось ими.

Большая часть земель Лаконии была в их распоряжении и возделывалась для них илотами. Чтобы владеть земельным участком, спартанец должен был выполнять два требования: в точности следовать всем правилам дисциплины и предоставлять определенную часть дохода для сиссития – общественного стола: ячменную муку, вино, сыр и т. д. Дичь добывали охотой в государственных лесах; сверх того каждый, кто приносил жертву богам, посылал в сисситий часть туши жертвенного животного. Нарушение или невыполнение этих условий (по любым причинам) вело к потере прав гражданства. Все полноправные граждане Спарты, от мала до велика, должны были участвовать в этих обедах, причем никто не пользовался никакими преимуществами и привилегиями.

Круг периеков составляли тоже люди свободные, но они не были полноправными гражданами Спарты. Периеки населяли все города Лаконии, кроме Спарты, принадлежавшей исключительно спартанцам. Они не составляли политически целого города-государства, так как управление в своих городах получали только из Спарты. Периеки разных городов были независимы друг от друга, и в то же время каждый из них находился в зависимости от Спарты.

Илоты составляли сельское население Лаконии: они были рабами тех земель, которые обрабатывали в пользу спартанцев и периеков. Илоты проживали и в городах, но городская жизнь не была характерна для илотов. Они могли иметь дом, жену и семью, продавать илота вне владений запрещалось. Некоторые ученые полагают, что продажа илотов вообще была невозможна, так как они являлись собственностью государства, а не отдельного лица. До нас дошли некоторые сведения о жестоком обращении спартанцев с илотами, хотя опять же некоторые ученые считают, что в таком отношении больше проглядывало презрение. Плутарх сообщает, что ежегодно (в силу постановлений Ликурга) эфоры торжественно объявляли войну против илотов. Молодые спартанцы, вооруженные кинжалами, бродили по всей Лаконии и истребляли несчастных илотов. Однако впоследствии ученые установили, что такой способ истребления илотов был узаконен не во времена Ликурга, а только после Первой Мессенской войны, когда илоты сделались опасными для государства.

Плутарх, автор жизнеописаний выдающихся греков и римлян, начиная свой рассказ о жизни и законах Ликурга, предупреждает читателей, что ничего достоверного сообщить о них невозможно. Тем не менее он не сомневался в том, что этот политический деятель был лицом историческим. Большинство ученых нового времени считают Ликурга личностью легендарной: одним из первых еще в 1820-е годы засомневался в его историческом существовании известный немецкий историк античности К.О. Мюллер. Он предположил, что так называемые «законы Ликурга» гораздо древнее своего законодателя, так как это не столько законы, сколько древние народные обычаи, уходящие своими корнями в далекое прошлое дорийцев и всех других эллинов.

Многие ученые (У. Виламовиц, Э. Мейер и др.) сохранившееся в нескольких вариантах жизнеописание спартанского законодателя рассматривают как позднюю переработку мифа о древнем лаконском божестве Ликурге. Приверженцы этого направления поставили под сомнение и само существование «законодательства» в исторической Спарте. Обычаи и правила, которые регулировали повседневную жизнь спартанцев, Э. Мейер классифицировал как «житейский уклад дорийской племенной общины», из которой почти без всяких изменений и выросла классическая Спарта.

Однако результаты раскопок, проведенных в 1906—1910-х годах английской археологической экспедицией в Спарте, послужили поводом к частичной реабилитации античного предания о законодательстве Ликурга. Англичане исследовали святилище Артемиды Орфии – один из самых древних храмов Спарты – и нашли много художественных произведений местного производства: прекрасные образцы расписной керамики, уникальные терракотовые маски (больше нигде не встречающиеся), предметы из бронзы, золота, янтаря и слоновой кости. Эти находки в большинстве своем как-то не вязались с представлениями о суровой и аскетичной жизни спартанцев, о почти абсолютной изоляции их города от всего остального мира. И тогда ученые предположили, что законы Ликурга в VII веке до нашей эры еще не были пущены в действие и хозяйственное и культурное развитие Спарты шло так же, как и развитие других греческих государств. Только к концу VI века до нашей эры Спарта замыкается в себе и превращается в тот город-государство, каким его знали античные писатели.

Из-за угроз мятежа илотов обстановка тогда была беспокойная, и потому «инициаторы реформ» могли прибегнуть (как это нередко бывало в древности) к авторитету какого-либо героя или божества. В Спарте на эту роль был избран Ликург, который мало-помалу из божества начал превращаться в исторического законодателя, хотя представления о его божественном происхождении сохранялись до времен Геродота³.

Ликургу пришлось приводить в порядок народ жестокий и возмутительный, поэтому надо было научить его сопротивляться натиску других государств, а для этого сделать всех искусными воинами. Одной из первых реформ Ликурга была организация управления спартанской общиной. Античные писатели утверждают, что он создал Совет старейшин (герусию) из 28 человек. Старейшины (геронты) избирались апеллой – народным собранием; в герусию входили и два царя, одной из главных обязанностей которых было командование армией во время войны.

Из описаний Павсания известно, что периодом наиболее интенсивной строительной деятельности в истории Спарты был VI век до нашей эры. В это время в городе были возведены храм Афины Меднодомной на акрополе, портик Скиада, так называемый «трон Аполлона» и другие постройки. Однако на Фукидида, видевшего Спарту в последней четверти V века до нашей эры, город произвел самое безотрадное впечатление. На фоне роскоши и величия афинского зодчества времен Перикла Спарта казалась уже невзрачным провинциальным городком. Сами же спартанцы, не боясь прослыть старомодными, продолжали поклоняться архаичным каменным и деревянным идолам в то время, когда в других эллинских городах создавали свои шедевры Фидий, Мирон, Пракситель и другие выдающиеся скульпторы Древней Греции.

Во второй половине VI века до нашей эры наступает заметное охлаждение спартанцев к Олимпийским играм. До этого времени они принимали в них самое активное участие и составляли более половины победителей, причем во всех основных видах соревнований. В дальнейшем, за все время с 548 до 480 года до нашей эры, победу одержал только один представитель Спарты – царь Демарат – и только в одном виде состязаний – скачках на ипподроме.

Чтобы добиться согласия и мира в Спарте, Ликург решил навсегда искоренить богатство и бедность в своем государстве. Он запретил употреблять золотые и серебряные монеты, которыми пользовались во всей Греции, а вместо них ввел железные деньги в виде оболлов. На них можно было купить только то, что производилось в самой Спарте; кроме того, они были настолько тяжелые, что даже небольшую сумму надо было перевозить на повозке.

³ Согласно теории В. Эренберга, легенда о Ликурге впервые была пущена эфром Хилоном, который скорее всего сам был автором большинства приписываемых Ликургу законов.

Ликург предписал и уклад домашней жизни: все спартанцы, от простого гражданина до царя, должны были жить в совершенно одинаковых условиях. Специальным предписанием указывалось, какие можно строить дома, какую одежду носить: она должна была быть такой простой, чтобы не было места никакой роскоши. Даже еда должна была быть у всех одинаковой.

Таким образом, в Спарте постепенно разлюбили богатство, так как пользоваться им стало невозможно: граждане меньше стали думать о добре собственном, а больше о государственном. Нигде в Спарте бедность не соседствовала с богатством, следовательно, не было зависти, соперничества и других корыстолюбивых страстей, изнуряющих человека. Не было и жадности, которая частную пользу противопоставляет государственному благу и вооружает одного гражданина против другого.

Одного спартанского юношу, который за бесценок приобрел землю, предали суду. В обвинении говорилось, что он еще слишком молод, а уже соблазнился выгодой, в то время как корысть – враг каждого жителя Спарты.

Воспитание детей считалось в Спарте одной из главных обязанностей гражданина. Спартанец, у которого было три сына, освобождался от несения сторожевой службы, а отец пятерых – от всех существовавших обязанностей.

С семилетнего возраста спартанец уже не принадлежал своей семье: дети были отделены от родителей и начинали общественную жизнь. С этого времени они воспитывались в особых отрядах (агелах), где за ними надзирали не только сограждане, но и специально приставленные цензоры. Детей учили читать и писать, приучали подолгу молчать, а говорить лаконично – кратко и четко. Гимнастические и спортивные упражнения должны были развивать в них ловкость и силу; чтобы в движениях была гармония, юноши должны были участвовать в хоровых плясках; охота в лесах Лаконии вырабатывала терпение к тяжким испытаниям. Кормили детей очень скудно, поэтому недостаток в пище они восполняли не только охотой, но и кражей, так как их приучали и к воровству; но если кто попадался, то били нещадно – не за кражу, а за неловкость.

Достигнувших 16 лет юношей подвергали очень суровому испытанию у алтаря богини Артемиды: их жестоко секли, они же должны были молчать. Даже самый малый вскрик или стон способствовали дальнейшему наказанию: некоторые не выдерживали испытания и умирали.

В Спарте существовал закон, согласно которому никто не должен был быть полнее, чем это необходимо. По этому закону все юноши, не достигшие еще гражданских прав, показывались эфорам – членам выборной комиссии. Если юноши были крепки и сильны, то их удостоивали похвалы; юношей, чье тело находили слишком дряблым и рыхлым, били палками, так как их вид позорил Спарту и ее законы.

Плутарх и Ксенофонт утверждают, что Ликург узаконил, чтобы и женщины выполняли те же самые упражнения, что и мужчины, и сделались через то крепкими и могли рожать крепкое и здоровое потомство. Таким образом, спартанские женщины были достойны своих мужей, так как тоже подчинялись суровому воспитанию.

Женщины Спарты, у которых погибли сыновья, шли на поле битвы и смотрели, куда они были ранены. Если в грудь, то женщины с гордостью смотрели на окружающих и с почетом хоронили своих детей в отчих гробницах. Если же видели раны на спине, то, рыдая от стыда, спешили скрыться, предоставляя хоронить мертвых другим.

Брак в Спарте тоже был подчинен закону: личные чувства не имели никакого значения, потому что все это было делом государственным. В брак могли вступать юноши и девушки, физиологическое развитие которых соответствовало друг другу и от которых можно было ждать здоровых детей: брак между лицами неравных комплекций не допускался.

Однако у Аристотеля о положении спартанских женщин сказано совсем по-другому: в то время как спартанцы вели строгую, почти аскетическую жизнь, жены их предавались в своем доме необыкновенной роскоши. Это обстоятельство заставляло мужчин добывать деньги часто нечестными путями, ибо прямые средства были им запрещены. Аристотель пишет, что Ликург пытался и спартанских женщин подчинить такой же строгой дисциплине, но встретил с их стороны решительный отпор.

Предоставленные сами себе, женщины сделались своевольными, предались роскоши и распущенности, они даже стали вмешиваться в государственные дела, что в конце концов привело в Спарте к настоящей гинекоκραтии. «Да и какая разница, – горестно вопрошает Аристотель, – правят ли сами женщины или же начальствующие лица находятся под их властью?» В вину спартанкам ставилось то, что они вели себя дерзко и нахально и позволяли себе роскошествовать, тем самым бросая вызов строгим нормам государственной дисциплины и морали.

Чтобы охранить свое законодательство от иноземного влияния, Ликург ограничил связи Спарты с иностранцами. Без разрешения, которое давалось только в случаях особой важности, спартанец не мог покинуть город и выехать за границу. Иностранцам тоже было запрещено появляться в Спарте, и если их иногда все же видели на улицах города, то это было лишь послаблением закона. Негостеприимство Спарты было самым известным явлением в древнем мире.

Граждане Спарты представляли собой что-то вроде военного гарнизона, постоянно упражнявшегося и всегда готового к войне или с илотами, или с внешним врагом. Законодательство Ликурга приняло исключительно военный характер еще и потому, что то было время, когда отсутствовали общественная и личная безопасность, отсутствовали вообще все начала, на которых зиждется государственное спокойствие. Кроме того, дорийцы в весьма незначительном числе осели в стране покоренных ими илотов и были окружены полупокоренными или совсем не покоренными ахейцами, поэтому только битвами и победами они могли держаться.

Такое суровое воспитание, на первый взгляд, могло представить жизнь Спарты очень скучной, а сам народ несчастным. Однако из сочинений древнегреческих авторов видно, что столь необычные законы сделали спартанцев самым благополучным народом в древнем мире, потому что везде господствовало только соперничество в приобретении добродетелей.

Существовало предсказание, согласно которому Спарта останется сильным и могущественным государством, пока будет следовать законам Ликурга и останется равнодушной к золоту и серебру. После войны с Афинами спартанцы привезли в свой город деньги, которые соблазнили жителей Спарты и заставили их отступить от законов Ликурга. И с того времени доблесть их стала постепенно угасать...

Аристотель же полагает, что именно ненормальное положение женщин в спартанском обществе привело к тому, что Спарта во второй половине IV века до нашей эры страшно обезлюдела и лишилась своей былой военной мощи⁴.

⁴ Подробнее об этом можно прочитать: Андреев Ю.В. Спартанская гинекокрация //Женщина в античном мире. – М.: Наука, 1995.

Ур Халдейский

Голова быка из царской гробницы в Уре.

Человеку, побывавшему сегодня в той части Ирака, которая, словно руки, с двух сторон обнимает Тигр и Евфрат, трудно поверить, что 5–6 тысячелетий назад это был один из самых густонаселенных и, может быть, самый цивилизованный уголок земли. Сейчас эти места пустынные: с безоблачного неба льет свои знойные потоки солнце, сильный ветер гонит тучи песка, дожди выпадают редко. Лишь на короткое время весной желто-бурая пустыня расцветается зеленью трав и яркой пестротой цветов.

Однако именно в этом угрюмом краю был очаг величайшей цивилизации на земле, здесь возникла древнейшая из известных культур и древнейшее из открытых до сих пор государств. Уроженцем Ура был Авраам – избранник бога Яхве, заключивший с ним «завет» и ставший родоначальником евреев и арабов (через Измаила). Из города Ура, располагавшегося в Южной Месопотамии, Авраам был призван Богом, который сказал ему: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе».

Сейчас на голой и бесплодной пустыне высятся холмы, по названию самого высокого из них арабы называют всю местность «аль-Муккайир» – «Смоляной холм». Впервые изучение этого края началось в 1854 году, когда Д.Е. Тейлор, английский консул в Басре, во время одной из своих инспекторских проверок начал обследовать некоторые районы Месопотамии. Он и определил «Смоляной холм» как место, под которым скрыты развалины библейского города Ура.

На развалинах храмовой башни Д.Е. Тейлор обнаружил цилиндры с надписями, которые упоминали имя царя Набонида, но тогда консул еще не мог прочитать надписи вавилонского царя. Более того, в самой Англии не нашлось никого, кто бы заинтересовался ими. Сообщение Д.Е. Тейлора о его попытках проникнуть в тайны «Смоляного холма» в Лондоне было принято спокойно, даже равнодушно, а потом и вовсе сдано в архив. В своей книге «Библейские холмы» немецкий писатель Эрих Церен отмечает, что Англия, обогатив свои «музеи быками-колоссами с человеческими головами, чуть было не проспала славу первооткрывателей библейского Ура халдеев». Честь этого открытия она разделила с американцами, когда экспедиция Пенсильванского университета в конце XIX века предприняла на заброшенном холме пробные раскопки. Но и американцы не опубликовали ни одного сообщения о результатах своих исследований.

В конце Первой мировой войны попавший в Месопотамию английский солдат К. Томпсон, чтобы скрасить свою однообразную солдатскую жизнь, стал осматривать руины некоторых холмов. Но его ограниченных средств не хватало для серьезных раскопок огромного холма, однако, вернувшись в Лондон, он сумел заинтересовать Британский музей. Новые раскопки Ура начались только в 1922 году, когда музей Пенсильванского университета предложил Британскому музею совместную работу под руководством археолога Л. Вулли. Десять лет продолжались раскопки в Уре, а затем они были приостановлены, чтобы научно обработать и опубликовать накопившийся материал.

В Уре археологи раскопали огромную храмовую площадь, на которой постройки возводились в течение почти 2000 лет – от царей древнейшего шумерского времени до великих царей Персии. Раскопанные экспедицией храмы были ограблены еще в древности, но и сохранившиеся остатки позволили ученым установить многое. Например, что деревянные двери храмов когда-то были облицованы золотыми пластинками, а украшениями стен служили золотые звезды, гвозди и лучи.

Самые грандиозные постройки в Уре относятся приблизительно к рубежу III и II тысячелетий до нашей эры – ко времени правления царей III династии. На центральной площади Ура, как и в других древних городах Месопотамии, возвышался зиккурат – массивная многоступенчатая башня, в которой стояла статуя могущественного бога Нанна, покровителя города, – самое большое и красивое сооружение Ура. Башня называлась «горой Бога», и ее было видно далеко за пределами города. В стенах зиккурата археологи нашли множество глиняных конусов, которые закапывались в землю при закладке здания. На них была надпись:

*«Во славу царственного сына Нанна, сияющего с ясных небес,
внемлющих мольбам и молитвам... я, Варадсин, благочестивый правитель...»*

построил для бога дом его, радость сердца Этеменнигур. Чудо и украшение земли, да стоит он вечно!»

Жилые дома в Уре были достаточно комфортабельны по тем временам. Фундамент дома и нижние части стен, чтобы предохранить их от дождя, были сложены из обожженного кирпича, а остальная часть стен – из кирпича-сырца. В некоторых кварталах Ура дома были высотой в два этажа: в нижнем, кроме обязательного центрального дворика, располагались еще праздничная горница и второй дворик-святилище (оно же было и семейной усыпальницей); во втором этаже находились жилые комнаты, которые выходили на галерею. Такие дома были рассчитаны на одну семью, но с ростом городского населения они стали заселяться несколькими, порой и не родственными семьями.

Население Ура составляли кузнецы, кожевники, рыбаки, сторожа, мастера-строители, жрецы и жрицы разного ранга. У немалой части населения Ура имелись и сельскохозяйственные интересы, но в основном жители были горожанами. Они уже не стремились переселиться за пределы города, несмотря на всю скученность и тесноту в нем. За городом могли безопасно жить только те, у кого уже нечего было отнимать, а большинство жителей Ура имели тесные связи с царским двором, храмами, с крупными мастерскими и т. д.

Экспедиция Л. Вулли вела раскопки и на большом погребальном поле в районе храмов Ура. На протяжении многих столетий из гробниц Ура было расхищено несметное количество сокровищ и бесценных произведений искусства, и все же археологам удалось найти две не потревоженные грабителями гробницы. Перед членами экспедиции предстала неожиданная и поразительная картина сложного погребального ритуала.

В углу огромной ямы (глубиной около 10 метров) был устроен каменный склеп, в который помещали тело умершего владыки. С ним оставались несколько приближенных, которых умерщвляли, прежде чем тоже положить в склеп. Затем на дно огромной усыпальницы, устланной циновками, по наклонному спуску сходили те, кто добровольно отправлялся с покойным царем в загробный мир: жрецы, руководившие всем погребальным обрядом, военачальники со знаками отличия, дамы из придворного гарема – в роскошных одеждах и драгоценных головных уборах, слуги, музыканты, рабы...

Следом за ними въезжали повозки, запряженные быками или ослами, а замыкали шествие воины, которые становились на страже у входа в гробницу, как и подобает солдатам: с медными копьями на боку и медными шлемами на голове. Все участники траурной процессии занимали отведенные для них места на дне могильного рва, и после заключительного священнодействия каждый выпивал чашу со смертоносным напитком и погружался в вечный сон.

Обширное собрание предметов было найдено в царских гробницах Ура, и среди них такие известные, как «золотой козлик в зарослях», «царский штандарт», шлем Мескалам-дуга, головной убор Пу-аби, многочисленные печати со сценами «фриза сражающихся». А еще трапезиевидные арфы, украшенные инкрустированными изображениями животных: орел с львиной головой парит над двумя рогатыми животными, у священного дерева стоят два быка, сцена борьбы между львом и быком, которые поднялись на задние лапы, обхватив передними друг друга. Кроме этих сюжетов, на инкрустациях арфы ученые обнаружили «человека-быка» с рогами и копытами. Это был особый тип музыкальных инструментов, которые можно определить как «инструмент-изображение». Но когда и почему в древнем Уре возникла ассоциация с быком, ученые пока не могут объяснить. Однако имелась в виду, вероятно, не просто фигура животного.

Свирепый бык молодой, круторогий... с бородой лазуритовой, исполненный красоты!

Так говорится в одном из гимнов о Нанна – боге Луны. Лазурит пользовался у шумеров особым почтением. В их мифах постоянно превозносилась красота этого камня, ведь и богиня смерти Ласу обитала в подземном царстве в лазуритовом дворце. Культ этой богини имел прямое отношение к теме смерти и загробного мира, поэтому появление быка с «лазуритовой бородой» в царских гробницах говорит о том, что он участвовал в погребальных церемониях.

В царских гробницах были найдены и две деревянные четырехколесные повозки, относящиеся к III тысячелетию до нашей эры. Колеса и края повозок были инкрустированы длинными рядами серебряных и лазуритовых бусин и украшены серебряными кольцами и амулетами, тоже изображающими быков.

За несколько прошедших тысячелетий дерево, конечно, сгнило, однако археологам удалось реконструировать повозку, так как она лежала в яме совершенно нетронутой. В каждую повозку были впряжены по три быка, их скелеты лежали вместе с остатками сбруи. Перед головами быков находились скелеты конюхов, которые держали животных за поводья. Внутри повозок ученые обнаружили останки возниц, сидящих на своих местах и держащих в руках вожжи так, как их застала смерть тысячелетия назад...

Старейшина столиц Дамаск

Даже кисть художника не может воспроизвести все многообразие и все сочетание красок, поражающих в Дамаске человеческий глаз. Здесь фантастическая смесь потускневших красок храмов, дворцов и мечетей 1000-летней давности и сверкающих новых улиц, площадей, витрин, вывесок и афиш...

О красоте Дамаска повествуют многие арабские книги и легенды. Древнее предание рассказывает, что, когда пророк Мухаммед впервые увидел Дамаск, город показался ему чудесным изумрудом, окаймленным желтым песком. Потрясенный его красотой, пророк боялся, что после Дамаска даже рай не покажется ему достаточно красивым.

Знаменитый средневековый путешественник Ибн Баттута, преодолевший за свою жизнь по суше и по воде 120 000 километров, побывал и на сирийской земле. Дамаск ему так понравился, что он назвал его «раем Востока» и остался в нем на весьма продолжительное время, чтобы закончить здесь свое образование.

Столица Сирии Дамаск – один из древнейших городов мира, ему около 6000 лет. По преданию, недалеко от Дамаска, в деревушке Бейт-Лахья, жила прародительница людей Ева. На одной из окрестных гор туристам и сейчас показывают место, где якобы похоронен ее сын Авель, ставший жертвой первого убийства на земле. Благочестивым паломникам и любопытным туристам показывают даже следы крови Авеля, оставшиеся на камнях...

С Дамаском связано много и других преданий и легенд, но и реальная история города читается как приключенческий роман. Археологи доказали, что на месте нынешнего Дамаска еще в IV тысячелетии до нашей эры стояло городское поселение. В XVI веке до нашей эры хетты, жившие в Анатолии и на севере Сирии, дошли до этого поселения и на своем языке называли его Дамашиа. Полтора века спустя египетский фараон Тутмос III, который вел бесконечные войны с городами-государствами Сирии, захватил и Дамаск: так по-египетски звучало название этого города.

А в начале X века до нашей эры Дамаск сам стал столицей одного из сильнейших арамейских царств. Это государство было очень воинственным, много воевало и завоевы-

вало, но в 732 году до нашей эры ассирийцы захватили Дамаск, а его жителей выселили в Урарту. К середине VI века до нашей эры город отошел к персидской династии Ахеменидов, а после вторжения в Азию войск Александра Македонского начался новый период в истории Дамаска, растянувшийся на целое тысячелетие. Восточный город поневоле «повернулся на запад» и на 10 веков связал свою судьбу с европейской цивилизацией.

Даже краткое перечисление завоевателей, которые нападали на Дамаск, говорит о том, что судьба этого города не была безоблачной и благополучной: они приходили и уходили, оставляя в облике Дамаска и его истории свои следы. После того как войска императора Помпея в 66 году заняли город, он надолго вошел в состав Римской империи. Это было время расцвета Дамаска: в нем расширялась торговля, строились храмы и дворцы, театры и бани, прокладывались новые, по-римски прямые улицы. Одна из таких улиц, разделяющая Дамаск в пределах его старых стен на южную и северную части, сохранилась до нашего времени: она так и называется – Прямая.

Переход от римского правления к византийскому оказался для Дамаска почти незаметным. В городе был учрежден епископский престол, а в его окрестностях выросли десятки церквей и монастырей. Один из крупнейших монастырских комплексов, расположенный в Сейднае, своим возникновением обязан императору Юстиниану. Как свидетельствует предание, первой его настоятельницей была сестра Юстиниана. В маленькой комнатке-часовне хранится икона Богородицы, будто бы написанная с натуры самим евангелистом Лукой. В прежние времена с иконы сочился елей, который еще крестоносцы, как самую великую драгоценность, отправляли по каплям в Европу – дамам своего сердца. Сейчас увидеть эту икону невозможно, даже если открыть сейф, в котором она хранится. Перед ней во множестве висят подношения верующих: иконки, брошки, бусы, золотые изображения ног и рук, подаренные больными и страждущими в надежде на чудесное исцеление.

Тысячелетняя связь Дамаска с греко-римско-византийской культурой окончилась так же внезапно, как и началась. Всего одним штурмом город захватили персы-сасаниды, а уже в 635 году его покорили арабы, и с этого времени начинается история Дамаска как мусульманского города. Когда арабские войска осадили город, их полководец Халид ибн аль-Валид обратился к жителям Дамаска с такими словами:

Именем Аллаха милостивого, милосердного. Вот что дарует Халид ибн аль-Валид жителям Дамаска, если вступит в город: он обещает подарить им безопасность для их жизней, имущества и церквей. Городские стены не будут разрушены, и в их домах не будут размещены мусульмане. С того момента получают они подданство Аллаха и покровительство пророка его, халифов и правоверных. И пока платят они налоги, не учинится им никакого зла.

Поначалу арабы-мусульмане показывали себя защитниками местных христиан от византийского императора, держались осторожно и выполняли данные ими обещания. При халифе аль-Валиде из династии Омейядов в Дамаске была отстроена и украшена знаменитая Великая мечеть. До нашего времени в ней сохранились великолепные декоративные композиции с уникальными архитектурно-ландшафтными изображениями. В одной из таких композиций в своеобразной манере реально изображены архитектурные постройки и деревья, расположенные на берегу реки, через которую переброшены мостики. Вся композиция выглядит настолько натурально, что многие исследователи предполагают, что на ней передан архитектурный ансамбль самого Дамаска с протекающей рекой Барада.

Арабский халиф Муавия в 661 году провозгласил независимость Дамаска от тогдашней арабской столицы Медины, но столицей Дамаск был менее ста лет. Однако и впослед-

ствии город продолжал играть весьма значительную роль, но уже только как центр культуры. Однако сменившие Омейядов халифы из династии Аббасидов старались отнять у Дамаска и эту привилегию.

Если халифы из династии Омейядов в какой-то степени были весьма терпимы к своим христианским подданным, то Аббасиды сочли это непозволительной роскошью. И потому халиф Харун-ар-Рашид, хорошо известный по книге сказок «Тысяча и одна ночь», направил в Дамаск войска во главе с военачальником Бармакидом.

Христиане Дамаска, недовольные политикой Аббасидов, были должным образом наказаны: все построенные при Омейядах церкви халиф Харун-ар-Рашид приказал уничтожить, а членам разрешенных христианских общин отныне надлежало носить отличительные одежды. Давление на христиан в Сирии все росло, и многие из них вынуждены были эмигрировать. Скоро их и вовсе бы не осталось, но тут сами правители спохватились, что без христиан основное бремя налогов ляжет на плечи самих же мусульман.

О бурной истории первых веков ислама напоминают в Дамаске в основном гробницы. Например, в небольшой комнатке в юго-восточной части Великой мечети стоит гробница, в которой, по преданию, покоится голова имама Хусейна – внука пророка Мухаммеда, которого мусульмане-шииты почитали едва ли не выше других своих святых. В этом уголке мечети постоянно слышится персидская речь, так как поток паломников из Ирана никогда не прекращается.

На южном краю Гуты возведена еще одна святыня шиитов – мавзолей «малой Зейнаб», внучки пророка Мухаммеда. Строили и отделявали этот мавзолей иранские мастера, и, таким образом, в Дамаске сложился уголок настоящего Ирана. Точно такие же стены, гробницы, ковры и толпы молящихся паломников можно увидеть в святых местах Шираз, Кума и Мешхеда. Среди других знаменитых гробниц Дамаска выделяется захоронение первого в истории мусульманства муэдзина – эфиопа Баляля, соратника пророка Мухаммеда.

Крестовые походы на Восток обошли Дамаск стороной: город не был взят крестоносцами, хотя они и пытались овладеть им. Но жители Дамаска дали им достойный отпор, и рыцари вынуждены были снять осаду и отступить. В 1147 году Дамаск перешел под контроль прославленного полководца Салах-ад-Дина, которого в средние века воспевали за благородство и милосердие к побежденным крестоносцам. При нем в Дамаске было возведено много прекрасных архитектурных памятников, и сам он похоронен в великолепном мавзолее у стен Великой мечети – под резным деревянным надгробием, на верхушку которого намотана огромная зеленая чалма.

До XIV века Дамаск охранял себя от возможных нападений – крестоносцев, сельджуков и монголов, считая главной своей задачей развитие ремесел, торговли и различных искусств. Но потом в Сирии почти 400 лет господствовали турки, и их владычество закончилось только в 1918 году, а потом последовали годы сопротивления французской оккупации. Только в апреле 1946 года последний французский солдат покинул многострадальную землю Сирии.

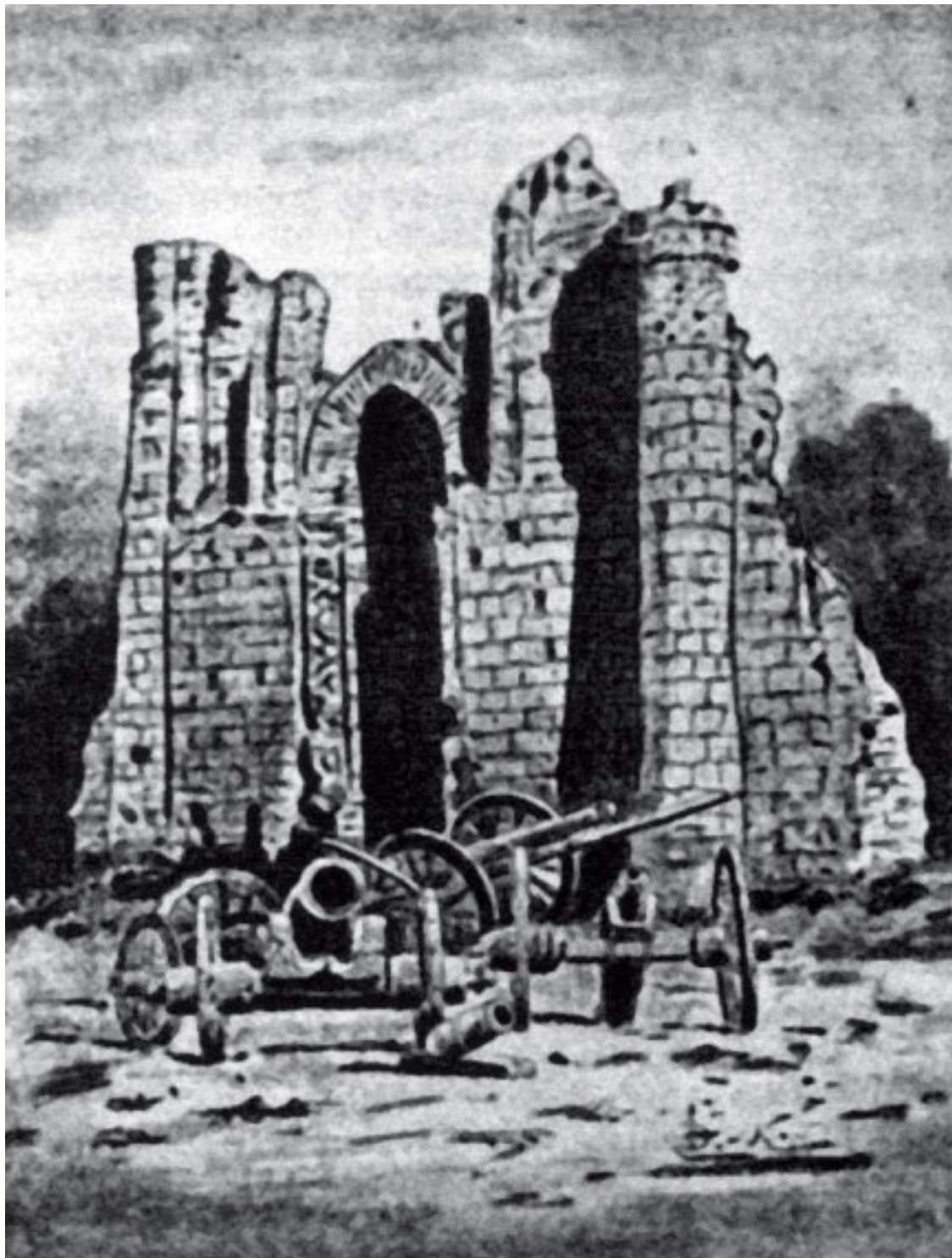
У большинства прославленных арабских городов есть свой постоянный эпитет, навсегда закрепленный за ними. Название Дамаска – аль-Фейха – переводится как «обширный», а иногда и как «душистый». Как и все древние восточные города, Дамаск делится на старую и новую части. Улочки старого города настолько узки, что, раскинув руки в стороны, можно потрогать стены стоящих друг против друга домов.

Чревом и сердцем Дамаска является базар «Сук Хамедие», где все выглядит почти так, как и несколько веков назад, разве только изменился ассортимент ввозимых товаров. На базаре есть улицы портных, сапожников, ювелиров, гончаров, ковровые и многие другие лавки: здесь продают абсолютно все – от антикварного кинжала из знаменитой дамаской стали до самой современной видеоаппаратуры. Зачастую торговля выплескивается прямо

на улицу, занимая все пространство тротуаров. И здесь всегда царит сутолока – пестрая и яркая, как маскарад.

Гордостью и вечной славой Дамаска является всемирно известный христианский богослов и церковный писатель Иоанн Дамаскин. Он родился в ассирийской христианской семье и был визирем одного из арабских халифов. Написанные им произведения прославили и его самого, и город Дамаск. Главным среди них считается сочинение «Источник знаний», которое состоит из трех частей: «Диалектика», «О ересьях» и «Точное изложение веры». В XVI веке многие произведения Иоанна Дамаскина перевел князь Андрей Курбский.

Легенды и быль Мерва

Развалины древнего Мерва

Руины древнего Мерва раскинулись на площади более 70 квадратных километров, далеко выходя за пределы первоначальной городской округи. Они включают в свою территорию несколько разновременных по происхождению городищ и развалины их бывших пригородов, которые лежат близ города Байрам-Али – в оазисе реки Муграб. Эти городища

возникали одно за другим, потом одни медленно угасали, иные внезапно перемещались на другие территории... Рушились покинутые людьми дома, оплывали древние стены, и сейчас только холмы и увалы печально обозначают местоположение бывших кварталов, общественных зданий и рыночных площадей.

Руины старого Мерва давно обратили на себя внимание, предпринимались даже попытки начать здесь археологические раскопки. Однако всестороннее изучение Муграбского оазиса началось только в 1950-х годах, когда сюда была послана археологическая экспедиция под руководством профессора М.Е. Массона.

В истории цивилизации Востока, да, пожалуй, и всего мира, найдется не так уж много древних поселений, удостоенных пышного титула «матери городов». Одним из них является древнетуркменский город Мерв, о котором еще в 985 году знаменитый путешественник и ученый аль-Макдиси сообщал: «Передают, что Катада говорил о словах Всевышнего: «Мать городов в Хиджазе – Мекка, а в Хорасане – Мерв». Мерв представлял собой гигантский мегаполис, равных которому не было в Центральной Азии: даже прославленные Самарканд и Бухара, Варахша и Пенджикент рядом с ним казались провинциальными городками.

Муграбский оазис упоминается еще в священной книге персов «Авесте», где он именуется «Моуру» – третье «место благословения», созданное Ормуздом для жительства, и называется могучим, священным и чистым. Как провинция Ахеменидской державы Мерв упоминается в клинописных текстах на Бехистунском барельефе царя Дария.

На рубеже античности и средневековья Мерв только в пределах городской крепостной стены занимал площадь 235 гектаров, а ведь в мегаполис входили еще ремесленный пригород и обширная сельскохозяйственная округа, во много раз превышавшие площадь самого города. Может быть, потому и к без того пышному титулу Мерва арабские писатели добавляли торжественное имя «Шахиджан» – «Царская душа», «Повелитель Вселенной».

Многие арабские путешественники и географы восхищались красотой Мерва. Ибн-Хродадбех, древнейший из авторов, около 846 года составил «Книгу путей по государствам», в которой сообщает о Мерве как о городе, красота которого пережила века, нисколько не поддавшись губительному действию времени.

Прошлое Мерва загадочно, словно над ним застыл туман тысячелетий: даже о его возрасте в науке нет единого мнения. Проникнуть сквозь этот туман пытались еще античные писатели (Курций Руф и Исидор Харкский, Страбон и Плиний Старший, Птолемей и др.), официальные китайские хронисты, армянские летописцы, а также арабские и персидские историки и географы. В середине XII века выходец из родовитой мервской семьи Абусаид ас-Самани создал 20-томную «Историю Мерва», которая до нас дошла, к сожалению, только во фрагментах. Но даже и этот титанический труд мервского историка не смог прорвать завесу тайн над историей великого города.

Древнейшее ядро Мерва в науке именуют Эрк-Кала – «крепость-цитадель». Средневековая легенда рассказывает, что цитадель эта была возведена по повелению мифического царя Тахумарта. На протяжении II – первой половины I тысячелетия до нашей эры Эрк-Кала была лишь одним из многочисленных населенных пунктов, причем даже не самым главным и не самым крупным. Но впоследствии именно Мерву выпало сыграть видную роль в истории.

Здесь господствовали правители Ахеменидской династии, он находился под властью Александра Македонского, в правление селевкидского царя Антиоха Сотера (конец III века до нашей эры) весь Муграбский оазис был обнесен стеной, длина которой равнялась 230 километрам. Стена эта ограждала богатые земли Мерва от наступающих песков пустыни и одновременно преграждала путь воинственным кочевникам-скифам.

В VI–VII веках вся Маргианская область распалась на небольшие удельные княжества, лишь номинально подчиняющиеся новым правителям – сасанидским шахам. Факти-

чески же правителем Мерва являлся местный феодал, который носил титул «марзубан». Мерв в ту пору и вплоть до монгольского нашествия становится видным культурным центром не только Хорасана, но и всей Средней Азии. Отсюда вышло немало выдающихся деятелей, например, высоко просвещенный человек и тонкий дипломат Бузуртмиhr – визирь царя Хосрова Великого, знаменитый врач, философ и путешественник Барзуе, несравненный певец и музыкант Барбут, про которого говорили, что у него на каждый день есть новая песня.

В Мерве в IX веке проходила деятельность врача-христианина Ибн-Масы, который работал в городской больнице и славился как один из выдающихся врачей своей эпохи. Он оставил после себя труды о режиме питания, влиянии на организм человека отдельных видов пищи, значении для здоровья водных процедур, правилах кровопускания. Ибн-Маса был еще и незаурядным ботаником: он подробно описал внешние признаки растений, указал места их произрастания, интересовался микологией... Аль-Бируни в своей «Фармакогнозии» неоднократно ссыался на труды Ибн-Масы.

Первоначально официальной религией в Мерве был зороастризм, именно сюда последний сасанидский царь Йездегерд принес Великий священный огонь и поместил его в одном из храмов-аташкедов. В городе существовала и крупная христианская община. Во время раскопок археологи откопали в северо-восточной части Гяур-калы («Крепости неверных») остатки христианского монастыря, возведенного на руинах одного из парфянских зданий. Монастырь имел овальный план, в него входил внутренний двор, окруженный сводчатыми кельями.

В Мерве были и буддистские общины. В юго-западном углу Гяуркалы располагался буддистский монастырь с высокой ступой, которая была возведена в III веке. Но особым почитанием в Мерве пользовался храм Кей-Марзубан, который в описаниях арабского географа Ибн-аль-Факиха выглядел так:

Был в Мерве большой старинный дом... Дойдя от земли до высоты человеческого роста, он поднимался к крыше на четырех изображениях по его сторонам – двух мужчин и двух женщин, и внутри его были удивительные изображения – неизвестно, что такое.

И пришли некие люди, заявили, что оно принадлежит им и что их предки построили его; разрушили его и выбрали дерево, которое было в изображениях, а он был домом удивительно сделанным. В год, когда он был разрушен, Мерв и его селения постигли великие бедствия, и люди Мерва утверждали, что он был талисманом для процветания.

Большим уважением пользовался у местных жителей памятник «Султан-Санджар», о котором старинная легенда повествует следующее.

Была у султана необыкновенная жена – красавица-пери, данная ему с небес на трех условиях: чтобы он никогда не смотрел, как она причесывается; никогда не смотрел на ее пятки, когда она будет ходить, и никогда не обнимал ее за талию. При нарушении этих условий жена немедленно будет опять взята на небо.

Султан счастливо жил со своей необыкновенной женой, но его постоянно терзали мысли об этих странных условиях. И вот однажды он все-таки решил подсмотреть, как она причесывается. Султан увидел, что жена сняла голову, положила ее на стол и стала расчесывать волосы золотым гребнем. Через некоторое время он осмелился посмотреть на пятки жены и увидел, что она не ходит, а плавает в воздухе. Разгневалась красавица-пери и улетела на небо.

Сильно загоревал султан, и не в силах вынести тоски созвал он своих священников и просил их помочь ему вернуть жену. Горячие молитвы духовных особ вернули султану его сокровище, и так прошло еще два счастливых года, а потом султан опять не утерпел: он обнял жену за талию и почувствовал, что она без костей.

На этот раз жена-пери решила оставить мужа навсегда, несмотря на все его мольбы. А при прощании сказала: «Если ты желаешь меня видеть, построй мечеть, чтобы была выше всех мечетей, и наверху сделай отверстие. В это отверстие я буду показываться тебе каждую пятницу».

Султан так и сделал. И когда строительство мечети было завершено, он увидел в отверстие свою жену. Такие свидания повторялись до тех пор, пока султан не почувствовал близкую кончину. Тогда жена явилась ему в куполе мечети, бросила гребенку, но та не упала, а застряла между кирпичами. Султан приказал достать гребенку и положить ее в ящик, а ящик вставить в заветное отверстие.

Этой легенде верили и русские, поэтому не раз делали попытки овладеть драгоценным ларцом. Сам мавзолей султана Санджара, последнего представителя могущественной сельджукской династии, был возведен примерно в первой половине XII века и поражал современников и последующие поколения своими размерами и четкостью архитектурной композиции. В начале XV века Исфизир писал о мавзолее, что «это одна из величайших построек царств вселенной и до такой степени прочна, что порча не может коснуться ее». Однако время не пощадило этот памятник, и постепенно усыпальница султана Санджара потеряла свой величественный первоначальный облик.

Мервская цивилизация отличалась высочайшим уровнем технологий, утраченных еще в далеком прошлом и заново открытых лишь совсем недавно. В античном мире, например, очень ценилось «маргианское железо», из которого изготавливались стальные изделия высокого качества. Плутарх в своем «Сравнительном жизнеописании» писал об «ослепительно ярко сверкавших» стальных шлемах и панцирях парфянских воинов. Плиний тоже свидетельствовал, что в Риме отдавали предпочтение именно «маргианскому железу», так как только его можно было сравнить со знаменитыми китайскими изделиями.

Во время археологических раскопок античных слоев Мерва были найдены виноградные и вишневые косточки, зерна пшеницы и риса, семечки дыни, арбуза и огурцов. Причем все они по своей величине значительно превосходили косточки и зерна современных сортов винограда и злаков. Арабский географ IX века ал-Истархи восторженно писал: «Мерв – лучший из городов Хорасана относительно съестных припасов: хлеб в Мерве таков, что более чистого и приятного на вкус хлеба нет в Хорасане, а сухие плоды Мерва – виноград (изюм) и прочие предпочитают таковым из других мест; славится изобилием их Герат, много их и в других местах, но вкусом и достоинством их превосходят мервские».

Археологические раскопки предоставили ученым и образцы высококачественных хлопчатобумажных тканей. «Собирается в Мерве самый мягкий «мервский» хлопок и выделяются хорошие «мервские» ткани, которые вывозятся в разные страны» – так писал ал-Истархи. Спрос на «мервские» ткани был настолько велик, что багдадские халифы даже организовали в Мерве специальную мастерскую, ткани из которой поступали в их сокровищницу. После смерти халифа аль-Мустафи в его сокровищнице обнаружили 65 000 отрезов «мервской» ткани и 13 000 «мервских» чалм, которые хранились там вместе с золотом и драгоценными камнями.

Мемфис

Более 6000 лет назад на территории современного Египта существовало два государства: Верхний Египет занимал нижнюю часть долины Нила, а Нижний Египет располагался в дельте Нила. Когда оба эти государства объединились, у разделявшей их прежде границы, у стыка долины и дельты Нила, на левом берегу реки вырос город Мемфис – столица объединенного Древнеегипетского царства.

Основал город царь Менес, по повелению которого было повернуто течение Нила, омывавшего прежде подножие Ливийских гор: течение Нила было направлено на несколько километров восточнее. Геродот в своих сочинениях указывал на место, где были выстроены плотины, находившиеся в 18 километрах к югу от Мемфиса. На отнятой таким образом у Нила земле сначала была возведена крепость «Белые стены», а потом вокруг нее фараон Менес построил город, который сначала был назван «Маннофер» (или «Мен-нефер»), что означает «хорошее место». В нем поселились фараон со своим войском, его приближенные и жрецы, и вскоре огромные богатства стали стекаться в Мемфис. В течение многих веков город видел в своих стенах все известные народы Азии, Африки и Европы.

С развитием торговли через город прошли два важнейших торговых пути, что и превратило Мемфис в один из крупнейших рынков того времени. Из стран Юго-Западной Азии сюда привозили различные ткани и оружие, из Восточной Африки – слоновую кость, золото и ароматические вещества. Здесь же продавались товары и египетского производства – зерно, гончарные изделия, украшения из драгоценных металлов.

В течение нескольких тысячелетий Мемфис оставался первым городом Египта и крупнейшим торговым центром Восточного Средиземноморья. Он достиг своего расцвета во время правления IV и V династий и при первых фараонах VI династии; затем он был покинут, но снова воскрес при фараонах XVIII династии, которые освободили Египет от чужеземных завоевателей. Но после перенесения столицы сначала в Фивы, а потом в Александрию город постепенно стал терять свое значение самой древней столицы Египта.

Ко времени завоевания Египта греками Мемфис еще сохранял свое величие и роскошь, хотя Страбон уже говорил о нем как об умирающем городе. Через несколько веков после Страбона наступило время, когда слово в слово оправдались грозные предостережения пророка Иеремии: «Готовь себе нужное для переселения, дочь – жительница Египта; ибо Ноф (Мемфис) будет опустошен, разорен, останется без жителя». В 640 году Мемфис был до основания разрушен арабами, но его развалины еще много веков спустя выглядели величественными.

В XII веке их увидел арабский писатель Абд эль-Латифа, который отмечал, что нужно затратить по меньшей мере полдня, чтобы пересечь их с юга на север. «Это было такое соединение чудес, которое подавляло ум и которое напрасно бы пытался описать самый красноречивый человек... Чем больше смотришь на эти развалины, тем больше растет чувство восторга, когда на каждом шагу встречаешь новый предмет удивления».

Вся огромная равнина была усеяна громадными развалинами, свидетельствующими о былом величии Мемфиса: виднелись фундаменты обширных зданий, местами стояли даже стены и монументальные ворота, возведенные из трех монолитов. Особенно поразили арабского писателя два колоссальных льва и статуя фараона Рамсеса II высотой около 13 метров, не считая пьедестала. Местные жители рассказывали ему, что люди, оставившие после себя все эти чудеса, были гигантами и владели всеми тайнами чародейства.

Во времена Абд эль-Латифы статуя Рамсеса II – современника юности Моисея – лежала в глухом месте в глубокой яме, лицом к земле. В нескольких шагах от нее, окруженные легким забором, лежали бесформенные обломки, собранные по окрестным полям.

В настоящее время статуя самого воинственного фараона Древнего Египта покоится на каменных подставках, чуть в стороне лежит на земле вторая, точно такая же, статуя Рамсеса II. Среди травы возвышается сфинкс из отполированного и великолепно отделанного алебаstra. С величайшим мастерством древний скульптор передал силу и мощь льва и спокойное величие его человеческого лица.

От Мемфиса сохранились и самые древние на всем земном шаре колонны: они невысокие и стоят в 2 ряда. За ними раскинулся огромный двор, когда-то окруженный стеной из гладких известняковых блоков. От стены в настоящее время остались только развалины, но уцелели ворота, через которые и вступали на территорию двора, где находился ансамбль из храмов, гробниц и колоннад. Сейчас это все разрушено, только от храма Лотоса осталась стена с тремя расширяющимися наверху пилястрами, напоминающими цветок лотоса.

Когда-то на южной окраине Мемфиса, в Саккара, был расположен некрополь, памятники которого свидетельствовали о блестящей культуре Египта III тысячелетия до нашей эры. Перед входом в наиболее роскошные гробницы египтяне строили перистиль с колоннами, а над дверью писали молитву богу Анубису и просили, чтобы он даровал им хорошее погребение «после счастливой и продолжительной старости» и облегчил умершему путешествие по загробному миру. За перистилем помещалась поминальная комната, которая всегда была доступна для живых: сюда приносили яства, необходимые умершему во время его долгих загробных странствий.

В 1850 году здесь оказался французский археолог О. Мариетт и увидел выглядывавшую из песка голову сфинкса. Молодому ученому сразу же вспомнилось место из географических описаний Страбона: «В Мемфисе есть храм Сераписа, расположенный среди такой пустыни, что ветры нанесли на него целые горы песка, из которых мы увидели лишь выглядывающих сфинксов: одних полусасыпанных, других полностью скрытых песком».

Огюст Мариетт нашел четыре гробницы, которые оказались нетронутыми, остальные же были разрушены или обворованы. Центральной среди всех сооружений некрополя была

пирамида фараона Джосера⁵, но лучше других сохранилась гробница Хер-Нейт – царицы I династии. Ее погребальная камера была вырыта в известковой скале: пол и потолок ее покрывали деревянные бревна, а стены были выложены кирпичом.

После многомесячных трудов и немалых препятствий со стороны местных властей О. Мариетту удалось отрыть аллею из 141 сфинкса, которая привела его к Серапеуму – подземному склепу священных быков, лежащих в гробах из цельного красного или черного гранитного монолита. Склеп был давно разворован, но на стенах остались надписи. С большим трудом ученый подбирал стелы с именем священного быка Аписа, и за три года он собрал до 7000 предметов, половина из которых связана с культом Аписа.

Главным богом в Мемфисе был Птах – покровитель искусства и ремесел, а земным воплощением его был священный бык Апис, который обитал в специально построенном для него храме. Апис всегда присутствовал на земле: как только священный бык умирал, жрецы подыскивали нового, в котором бы проявилось присутствие бога Птаха. Дело это было нелегким, так как избираемый теленок должен был отвечать 28 требованиям (например, определенному цвету шерсти, форме рогов и др. признакам). Находка нового Аписа являлась важным событием и потому всегда встречалась с радостью и ликованием, ведь всякое промедление считалось знаком божьего гнева. Могущественная каста жрецов не пропускала случая воспользоваться этим обстоятельством и, сообразуясь с политическими обстоятельствами, находила или не находила нового Аписа. Иногда стойло в мемфисском храме оставалось пустым в течение нескольких десятилетий.

Когда же новый Апис отыскивался, его вели в Мемфис, и празднества длились здесь 8 дней. Затем быка ставили в храм бога Птаха, где он и оставался всю свою жизнь, пользуясь великими почестями: ему прислуживали молодые девушки, а жертвоприношения перед ним совершали первосвященники или даже сам фараон. Любое движение божественного быка (взмах хвоста, поворот головы и т. д.) воспринималось как предзнаменования и воля бога Птаха.

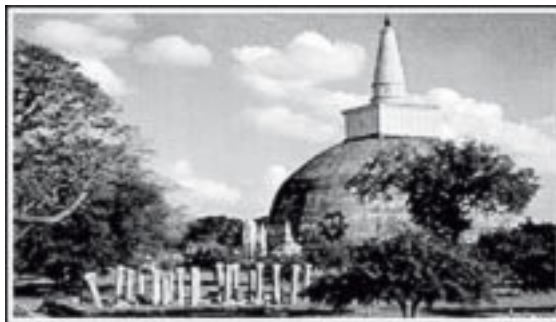
Со смертью Аписа весь Египет предавался скорби и облекался в траур. Но если, достигнув 28 лет – возраста, в котором «умер» бог Птах, священный бык не умирал, то его умерщвляли насильственно: жрецы в траурных одеждах вели его на берег Нила и осторожно топили.

Церемония погребения продолжалась 70 дней: она совершалась с таким великолепием и так возбуждала религиозные чувства народа, что некоторые египтяне в порыве благочестия жертвовали весьма значительные суммы на сооружение могилы очередного Аписа. Только в эти 70 дней в подземелья Серапеума допускался народ, толпами приезжавший со всех концов Египта. Если за эти дни находили нового Аписа, то по окончании траура начинались народные празднества.

На одно из таких торжеств в июне 525 года до нашей эры попал персидский царь Камбиз, возвращавшийся из неудачного похода в Эфиопию. Одновременно он получил известие, что его армия была погребена в песках пустыни, а флот, которому он приказал покорить Карфаген, отказался выступить против этого города. И Камбиз подумал, что торжества в Мемфисе затеяны по случаю его неудач. Разгневавшись, он казнил все городское начальство, приказал высечь жрецов и собственноручно убил молодого Аписа. Затем он приказал своим солдатам разграбить все мемфисские храмы, а потом сжечь и сам город. Когда Камбиз очнулся от своего безумия, то сам пришел в ужас от того, что за несколько дней успело натворить его войско.

⁵ Подробнее о ней можно прочитать в книге «100 великих чудес света».

Анурадхапура – древняя столица Цейлона

Древние хроники, выдавленные стилем на листьях талипотовой пальмы, сообщают, что первое государство на Цейлоне основал индийский царевич Виджайя. Изгнанный из отчего дома за строптивость, он набрал отряд смельчаков и ушел искать счастье за море. Произошло это в VI веке до нашей эры, с того времени и ведет свое начало история Цейлона.

Греки называли этот остров Тапробаном, арабские купцы времен Синдбада-морехода нарекли его Серендибом, а Цейлоном его называли англичане. Местные же жители с древнейших времен именовали свою родину «Шри-Ланка»⁶, что означает «благословенная земля». Этот великолепный остров называют «каплей, оторвавшейся от Индии»: он является своего рода мостом между Индией и странами, лежащими дальше к востоку. Цейлон многое перенял от Индии, его культура развивалась под индийским влиянием, идеология и религия тоже в значительной степени заимствованы из Индии. Отсюда на Цейлон пришел и буддизм – с одной из миссий, во главе которой стоял Махинда – сын индийского царя Ашоки, особенно ревностного приверженца буддизма.

Древнее цейлонское предание гласит, что

однажды царевич Махинда встретил в лесу охотившегося цейлонского царя Деванампийатиссу. Царь пригласил путешественника к себе в гости, и тот довольно быстро обратил хозяина в буддизм.

Впоследствии Махинда поселился в Махинтале – недалеко от того места, где встретил царя Шри-Ланки. Он жил в пещере, и Деванампийатиссу часто приезжал к отшельнику – посоветоваться о важных государственных делах или просто житейских проблемах. Там же цейлонский царь построил несколько храмов и монастырей, а когда Махинда умер, то над его могилой возвели самую высокую в стране дагобу. Вокруг нее впоследствии и выросла Анурадхапура, со временем превратившаяся в один из крупнейших и процветающих городов Востока.

Город, по преданию возникший в IV веке до нашей эры, просуществовал несколько веков и был столицей цейлонских царей династии Махавамса. Это была столица с поистине 1000-летней историей, и в этом отношении она превзошла многие города мира. В период расцвета территория Анурадхапуры превышала 12 километров в диаметре, в ней проживало более 3 000 000 человек.

«Поэмами в камне» называют на Цейлоне древние столицы острова – Анурадхапуру и Полоннаруву. И это не случайно: остатки древних городов напоминают пожелтевшие страницы «Махавамсы» и «Динавамсы» – древних исторических хроник Шри-Ланки.

⁶ С 1972 года остров и государство Цейлон называется Шри-Ланка.

После того как цейлонскую столицу из Анурадхапуры перенесли в другой город, жители покинули ее, но она осталась наиболее почитаемым собранием буддистских памятников. Ежегодно их посещают многочисленные паломники со всех концов Шри-Ланки и из других стран.

Первым из европейцев, кто посетил место древней столицы Цейлона, был итальянец Ф. Неграо (1630), который сделал обмеры нескольких каменных колонн. Более подробно памятники Анурадхапуры в 1679 году описал Роберт Нокс. Судя по старинным хроникам и сохранившимся памятникам, Анурадхапура возводилась по определенному плану. Четверо городских ворот были ориентированы по сторонам света, окружавшие город оборонительные стены уже в I веке достигали в высоту более трех метров. Во II веке стены Анурадхапуры надстроили и дополнили сторожевыми башнями.

Древняя Анурадхапура состояла из внутреннего города, который образовывали царский дворец и важнейшие религиозные сооружения, и выросшего позднее внешнего города. К внутреннему городу примыкал знаменитый парк Махамегха, заложенный при царе Мутасиве, а его преемник, известный правитель Деванампийатиссу, передал парк в дар буддистской общине.

При Деванампийатиссе в Анурадхапуре был посажен черенок, взятый от росшего в Северной Индии дерева, под которым произошло просветление Будды. Черенок прижился, и выросшее из него дерево, известное в буддистском мире под названием «бо» (или «бодхи»), сохранилось до наших дней. Оно слывет самым древним растением на земле, возраст его известен довольно точно – около 2250 лет.

Большинство построек частного и общественного характера в древней Анурадхапуре сооружалось из дерева. Из камня прежде всего создавались Будды и ступы – вместилища буддистских реликвий. Но и впоследствии, с распространением каменного строительства, дерево не потеряло своего значения.

В честь Будды цейлонские цари воздвигли много храмов, дагоб и других культовых сооружений. Высоко в небо устремилась одна из самых древних и почитаемых ступ Цейлона – Руванвалисая, построенная, по преданию, еще царем Дутагамини во II веке до нашей эры. Как и много веков назад, сюда приходят монахи-бхикшу и верующие буддисты-миряне. Часто приезжают в древнюю столицу студенты и школьники, чтобы еще раз вспомнить свою великую историю и лучше понять настоящее.

Как уже указывалось выше, в Анурадхапуре осталось много старинных памятников, особенно много дагоб, которые (по предположениям некоторых ученых) произошли скорее всего от могильных курганов. Сначала дагобы, как и ступы, представляли собой полушария, немногим отличающиеся от холмов и курганов. Впоследствии дагобы стали вытягиваться вверх, обрастая при этом дополнительными деталями, каждая из которых имела точный смысл и определенное значение. Так дагобы превратились в настоящие гробницы.

Старейшими из памятников Анурадхапуры считаются дагобы Тхупарама и Абхаягири. Одновременно с ними в городе был построен «Медный дворец», представлявший собой сооружение странное и удивительное: это было 9-этажное здание с 900 комнатами. В Анурадхапуре среди множества дагоб можно было видеть лес из резных каменных колонн. Все столбы имели одну высоту – 4 метра; их было 40 рядов по 40 колонн в каждом, то есть ровно 1600 колонн. Когда-то они были украшены серебряными пластинами, а поддерживаемая ими крыша – медными листами, отчего дворец и получил свое название. Вот что написано в хронике «Махавамса» о «Медном дворце»: «Карнизы его были украшены драгоценными камнями и золотом. Было в нем множество комнат – каждая с окнами – яркими, как глаза».

В дворцовый комплекс входили две больницы – для людей и для животных; в театральном здании перед публикой выступали сказители. На каждые 10 деревень государством

назначался врач, получавший государственное жалованье. Вода на рисовые поля текла из огромных водохранилищ, которые летописи уважительно называют «морями».

Созданные искусными руками цейлонских зодчих огромные сооружения в Анурадхапуре стали замечательными памятниками искусству сингальских мастеров. Столетия донесли до нас и образцы светского искусства древних сингалов. «Влюбленные» – так называют скульптурную композицию, которая была выполнена 2500 лет назад на стене анурадхапурского храма Усурумунья. Легенда из поколения в поколение передает историю

о любви царского сына к девушке из касты «неприкасаемых». Закон и обычай строго запрещали им даже находиться вместе, но чувства оказались сильнее. Царевич пожертвовал богатством и славой и женился на «неприкасаемой».

Анурадхапура просуществовала до XI века, а потом подверглась опустошительному нашествию войск чольских правителей, после которого уже не смогла возродиться в былой своей славе. Главным городом и культурным центром Цейлона стала Полоннарува.

Мохенджо-Даро

Среди экспонатов одного из музеев города Дели есть небольшая статуэтка из темного металла. Только что закончив танец, застыла, гордо подбоченясь, нагая девушка. Уверенная в успехе, она словно ждет восхищенных аплодисментов от зрителей.левой рукой, от запястья до плеча унизанной браслетами, танцовщица оперлась о колено, не без кокетства показывая, что она немного устала – то ли от танца, то ли от тяжести браслетов.

Эта статуэтка была найдена при раскопках Мохенджо-Даро – одного из древнейших городов мира. В 1856 году на территории нынешнего Пакистана, у небольшой деревушки Хараппа, археолог Александр Каннигам нашел камень цвета слоновой кости, на котором были высечены горбатый бык и неизвестные знаки, отчасти напоминавшие иероглифы.

Холм, где обнаружили эту находку, был буквально «сложен» из красного обожженного кирпича, которым много лет пользовались строители железной дороги и крестьяне окрестных деревень. Так постепенно исчезал с лица земли один из уникальных городов древности – Хараппа.

И только в начале 1920-х годов, после открытия города Мохенджо-Даро, мир узнал о существовании в долине Инда древнейшей цивилизации. Мохенджо-Даро отдален от Хараппы на расстояние почти 3000 километров, но оба города имеют между собой много общего. Разница заключалась лишь в том, что Мохенджо-Даро сохранился лучше.

Индийские ученые Р. Сахни и Р. Банерджи откапывали улицы городов-близнецов и находили в них одинаковые прямоугольные кварталы с четкой планировкой, застроенные

одинаковыми кирпичными домами. На огромной площади почти в 260 гектаров разместились целые кварталы и отдельные сооружения Мохенджо-Даро – «Холма мертвых» (так переводится это название). Холм был увенчан буддийской молитвенной ступой, построенной во времена существования Кушанского царства – через 15 веков после гибели великого города.

Некоторые ученые и археологи, устремившиеся сюда из многих стран мира, долго отрицали самостоятельность индийской цивилизации в этом районе, считая ее восточным вариантом шумерской культуры. Другие исследователи, наоборот, полагали, что Хараппа и Мохенджо-Даро не были похожи на своих ровесников из Элама, Шумера и раннединастического Египта. У городов Двуречья была иная планировка, а строительным материалом служил кирпич-сырец. Только с постепенным освобождением из-под земли новых кварталов и строений миру явилась цивилизация, которую теперь называют протоиндийской.

Письменные источники шумеров рисуют иной образ жизни городов Двуречья и иное мировоззрение их жителей. И тогда ученые стали искать упоминания о вновь открытых городах в «Ригведе» – древнейшем литературном памятнике Индии. Но и там они обнаружили лишь туманные упоминания о «пура», населенном «хитрыми купцами». Однако легенды и предания о богатом и прекрасном городе в долине Инда существовали с незапамятных времен. Но свободные и красивые люди, населявшие этот город, прогневали богов, и те обрушили город в пропасть. Как бы подтверждая эти легенды, музеи в результате археологических раскопок пополнялись все новыми и новыми экспонатами. Вот высеченная из камня голова жреца, женские украшения, доски с изображениями жертвенных животных и, наконец, иероглифы, не расшифрованные до сих пор.

До середины 1960-х годов ученые считали, что Мохенджо-Даро не имел укреплений, хотя за 15 лет до этого английский археолог М. Уилер расчистил сооружения, которые можно было бы принять за оборонительные. Цитадель, располагавшаяся в центре Мохенджо-Даро, когда-то была обнесена мощными крепостными стенами толщиной 9 метров. Но полной уверенности в том, что это оборонительные укрепления, у археологов не было. Дальнейшие раскопки показали, что в южной части города тоже была массивная стена, сложенная из кирпича-сырца и облицованная обожженным кирпичом. Но не было установлено, для чего она предназначалась: для защиты от врагов или же для охраны города от наводнений.

От цитадели широкая прямая улица вела к зданию, которое ученые называли «Залом заседаний». Рядом с ним размещалось вместительное зернохранилище, а неподалеку, на массивном кирпичном фундаменте с вентиляционными проемами, когда-то высилось двухэтажное строение из гималайского кедра.

Мохенджо-Даро был прекрасно распланированным городом: все его улицы проходили строго с севера на юг и с востока на запад, и таким образом они были хорошо защищены от ветров. По строительному уставу ни один дом не должен был выступать за общую линию. Главные улицы пересекались переулками под прямым углом, и потому в городе не было закоулков и тупиков. Длина главной улицы в Мохенджо-Даро составляла 80 метров, ширина – 10 метров, по ней одновременно могли проехать несколько воловьих повозок.

За стенами цитадели размещался нижний город, состоявший из кирпичных домов с плоскими крышами, которые одновременно служили и балконами. Здания возводились из кирпича, который обжигался в открытых ящиках, как и до сих пор это делают индийские крестьяне. Дома в Мохенджо-Даро достигали высоты 7,5 метра, вместо окон в них делались вентиляционные отверстия с решетками из глины и алебастра. Чтобы в дом не попадала пыль с главных улиц, вход в него делался в переулке. Стены и пол обшивались циновками, в домах были сделанные из кирпича ванны, а грязную воду сливали в глиняные сосуды с маленькими отверстиями для просачивания: эти сосуды ставились на землю.

В каждом квартале были общественные колодцы, превосходная для того времени система канализации и водопровод, по которому подавалась на вторые этажи зданий нагретая солнцем вода. В Мохенджо-Даро была и большая общественная баня с кабинами и детским отделением. Из бани вода вытекала по сточной трубе в главный крытый канал, который проходил по каждой улице: все каналы вливались в большую яму, находившуюся за городом.

Большую часть домашней утвари жители Мохенджо-Даро делали из меди или бронзы; для сельскохозяйственных работ изготавливали лемеха и серпы, для ремесленников – топоры, пилы, лопаты, для воинов – мечи, пики, копья и кинжалы...

Из одежды женщины города носили только короткие юбки с приколотой к ним брошкой, жемчужным поясом или лентой и веерообразный головной убор, в прохладную погоду набрасывали на плечи накидку. Мужчины были еще скромнее в одежде, довольствуясь лишь набедренной повязкой. Никто не носил обуви, зато прическе уделялось огромное внимание, причем большими щеголями были мужчины. Если женщины чаще всего только заплетали косу, то мужчины делали прямой пробор и связывали волосы лентой, иногда собирали их узлом.

Насколько женщины были непритязательны в одежде, настолько взыскательны они были к украшениям. Все носили серебряные украшения и налобные повязки, пояса из позолоченной бронзы, шпильки для волос с фигурными головками и гребни из слоновой кости.

Несмотря на многочисленные исследования, ученых до сих пор продолжают волновать существенные для истории этой цивилизации вопросы. Кто возвел эти города, процветавшие 40 столетий тому назад? К какой расе относились обитавшие здесь люди и на каком языке они изъяснялись? Какая у них была форма правления?

Признаки упадка культуры Мохенджо-Даро стали замечаться около 1500 года до нашей эры. Дома строились небрежнее, и уже не было в городе той строгой линии улиц. О причинах гибели Мохенджо-Даро в ученом мире выдвигалось много различных версий. Одни исследователи считали, что всему виной резкое изменение русла Инда, вызванное сильным тектоническим сдвигом. Исследования геологов показывают, что землетрясения не раз нарушали нормальную жизнь в Мохенджо-Даро и в конце концов привели к возникновению гигантского озера. Вода часто затопляла город, поэтому для защиты от наводнений и была возведена укрепленная стена. Однако эти предположения еще требуют доказательств. Другие ученые полагали, что город и его население погибли от нашествия арийцев, которые перебили всех жителей Мохенджо-Даро и разрушили их дома. Обнаруженные скелеты людей, живших в городе в последние годы его существования, версию о нашествии чужеземных племен не подтверждают. Так что окончательного ответа о причинах гибели Мохенджо-Даро наука еще не дала.

Ахетатон – город фараона-еретика Эхнатона

Вид раскопок центральной части Ахетатона

В 1368 году до нашей эры на египетский престол вступил Аменхотеп IV – самый необычный из древнеегипетских фараонов, реформы которого породили исключительно интересный период в истории Египта. До него система мистико-религиозных представлений древних египтян была чрезвычайно сложной и запутанной. Поклонение многочисленным богам шло еще со времен обожествления животных, например, бога мертвых Анубиса изображали в образе человека с головой шакала, бог солнца Гор (который воплощался в фараоне при его коронации) изображался летящим соколом или человеком с головой сокола, бог Тот – с головой ибиса, богиня Хатор – с головой коровы и так далее. Их культ дополнялся поклонением верховным божествам – Ра, Амону и Птаху. Каждого из них сопровождал целый пантеон родственных божков, которые имели власть в каком-нибудь одном номе или городе. Столь громоздкая система дробила Египет и мешала его объединению.

Фараон Аменхотеп IV упразднил культ бога Амона вместе с поклонением другим – крупным и мелким – богам. Жрецы бога Амона составляли тогда самую большую и влиятельную прослойку в обществе, настолько сильную, что могли даже противопоставить свое влияние власти фараона.

Аменхотеп IV порвал с фиванским жречеством и прежней официальной религией. Уже в первые годы царствования рядом с храмом бога Амона в Фивах, в саду с благоуханными деревьями, он возвел храм богу Атону – «единому всеозаряющему животворящему Солнцу» – и верховным жрецом нового бога объявил себя.

На шестом году царствования разрыв Аменхотепа IV с фиванским жречеством оформился окончательно: фараон запретил богослужения в честь Амона и всех прежних богов, громадные владения жрецов были конфискованы, бесчисленные храмы закрыты по всей

стране, имена богов соскабливались со стен общественных зданий. Сам он сменил свое имя Аменхотеп («Амон доволен») на Эхнатон («Угодный Атону») и вместе с семьей, воинами, ремесленниками, новыми жрецами, художниками, скульпторами и слугами покинул Фивы – государственную столицу и центр культа бога Амона.

Поднявшись по течению Нила, фараон вышел на берег в широкой долине, окруженной неприступными скалами. На сверкающей золотой колеснице, в сопровождении приближенных Эхнатон прибыл к месту, где намечалось воздвигнуть храм богу Атону. Здесь совершилось «жертвоприношение большому отцу его (Атону) хлебом, вином, откормленными быками, безрогими тельцами, птицами, пивом, плодами, фимиамом, зеленью всякою доброю в день основания Ахетатона – Атону живому». Эта надпись была высечена на одной из 14 пограничных стел новой столицы, на другой стеле сохранилась клятва фараона никогда не переступать этих границ.

Чтобы в несколько лет на пустом месте построить большой великолепный город, мало было согнать туда много народу. Простую рабочую силу можно было использовать при возведении зданий, но для их отделки нужны были искусные мастера, которые и покрыли огромный храм бога Атона резными изображениями и надписями. Рядом с храмом, под прямым углом к нему, располагался главный дворец – самое большое гражданское здание древнего египетского зодчества. Площадь его составляла 700×300 метров, и это не считая смежных личных дворов и храма царской семьи. Основная часть дворца, как и храма Атона, была сделана из белого камня. Весь он был украшен золотом, изразцами, живописью, резными изображениями и надписями.

Возведенный город с храмами, садами, дворцами, богатыми кварталами вельмож, парками и прудами был объявлен «землей бога Атона». В этом городе даже тип древнеегипетского храма стал совершенно другим. Все прежние храмы вели из света во мрак культовой молельни, которая озарялась лишь светильниками у алтарей. Сумрачного состояния души требовала сама природа древних богов, рассчитанная на устрашающее почитание.

Культ бога Атона носил совсем иной характер. Главным ритуальным обрядом сопровождался восход солнца, при котором оживали берега Нила, распускались голубые и белые лотосы, из зарослей папируса поднимались стаи птиц, оглашая пробуждающийся мир своими криками. В этот момент в храме, который представлял собой громадный открытый солнцу двор, жители Ахетатона приносили солнцу свои дары: цветы, овощи и плоды. Храм был празднично оформлен пилонами, статуями фараона и живописью. Стоя на верхней площадке главного алтаря, Эхнатон взмахивал кадильницей с фимиамом, а музыканты, аккомпанировавшие на арфах и лютнях, придворные, жрецы и все молящиеся произносили нараспев слова гимна:

Прекрасен твой восход на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни! Встают люди, омывают тело, воздевают руки, радуясь рождению нового дня!.. Ты даешь жизнь и отдаленным странам, оплодотворяя дождем их земли. Как многочисленны и прекрасны творения твои: люди, животные, цветы, травы – все, что есть на земле, в воде и в воздухе!

Новые идеи фараона-реформатора проявились также в поэзии и живописи, архитектуре, скульптуре, да и в обыденной жизни. Эхнатон не вел войны, поэтому он нигде не изображен захватывающим земли или карающим врагов. Поэтому рельефы, живописные и скульптурные портреты представляют его человеком, погруженным в философские размышления, с богатым внутренним миром: в изображениях фараона угадывается некоторая созерцательность, обостренное, почти чувственное ощущение полноты бытия со всеми его радостями и горестями.

Эхнатон умер рано, когда ему не было еще и 35 лет, и не оставил ни сыновей, ни достойных сподвижников. Некоторые исследователи даже предполагают, что он был отравлен, так как на одной из росписей изображено покушение на него.

Новые фараоны делали все, чтобы вычеркнуть из истории память о своем предшественнике и его новом боге. Они стерли, растоптали и уничтожили все, что было создано Эхнатоном. Особенно старался военачальник Херемхеб, воцарившийся на египетском престоле якобы по «воле бога Амона». Не имея законных прав на трон, он с особым рвением преследовал память о фараоне Эхнатоне. По приказу Херемхеба началось уничтожение Ахетатона, к тому времени уже и так окончательно покинутого. Прекрасный город громили с ненавистью: разбивали и крушили великолепные храмы и дворцы, статуи и рельефы. Потом руины Ахетатона постепенно занесло песком, и их на несколько тысячелетий укрыла пустыня. На том месте, где некогда сверкали белизной набережные, до 1880 года в царстве солнца и тишины тянулась узкая полоса посевов, а в тени густых пальмовых рощ приютились три небольшие деревушки.

Открыли город фараона-реформатора, как это часто случается, совершенно случайно. В конце 1880-х годов одна женщина из маленькой деревни Телль-эль-Амарна нашла несколько глиняных табличек с какими-то надписями. Она поняла, что это – те самые «древности», которыми так интересуются иностранцы. Чтобы увеличить рыночную ценность своей находки, она разломала таблички на несколько частей, которые и предложила торговцам-перекупщикам. Те отнеслись к ним довольно скептически и предложили за них весьма низкую цену. Только один из торговцев понял, что таблички покрыты какой-то письменностью, и предложил их различным музеям Европы.

Однако и ученые, испытавшие много разочарований из-за восточных подделок, отнеслись к табличкам из эль-Амарны недоверчиво. Лишь сотрудники Берлинского музея не только установили подлинность глиняных фрагментов, но и решили купить все письменные таблички, к тому времени оказавшиеся во всех частях света.

Так в начале 1890-х годов в районе Телль-эль-Амарны начались первые раскопки, к которым приступил англичанин Уильям Мэтью Флиндерс Питри. Он был по образованию химиком и математиком, потом занялся коллекционированием древностей, а затем, в течение почти 50 лет, был «землекопом с метром и теодолитом в руках». Однако Ф. Питри, который до этого открыл уже много интереснейших памятников египетской истории, к раскопкам в эль-Амарне вскоре потерял интерес. Начавшая было приоткрываться тайна так и осталась неразгаданной.

Только в 1907 году Германское восточное общество решилось взяться за раскопки таинственных холмов близ эль-Амарны. Руководил этими работами Л. Бурхардт, которому принадлежит честь открытия всемирно известного теперь бюста Нефертити – необыкновенного памятника, подарившего человечеству совершенно новую страницу истории древнеегипетского искусства⁷.

Первая мировая война прервала исследования в эль-Амарне, и они были продолжены только после ее окончания. Археологические находки постепенно восстанавливали короткую историю Ахетатона – «могущественного города лучезарного Атона, великого в своем очаровании... и полного богатств».

Большую часть огромной территории города-резиденции фараона Эхнатона сегодня уже можно себе представить. Она была построена на месте, до того никем не заселенном, и потому вопрос об ограниченности городской территории тогда не возникал. А так как Ахетатон существовал весьма недолгое время, то вопрос о земле и в дальнейшем не мог стать проблемой, поэтому для города были характерны широко раскинувшиеся дома усадебного типа.

⁷ Подробнее об этой находке можно прочитать в книге «100 великих сокровищ».

Планировка и богатых, и бедных домов не отличалась разнообразием, более того, характерная особенность всех построек – однотипность их планов. Существенным отличием бедных домов от богатых было лишь то, что к бедным не пристраивали молельни, хозяйственные службы, помещения для рабов и слуг.

Типичный богатый дом в Ахетатоне – это обычно целая усадьба, занимавшая площадь 68×55 метров. В центре ее находилось жилое здание, вокруг которого располагались сад, молельня и другие постройки. Вся усадьба обносилась стеной с двумя входами: от главного входа дорожка вела к небольшому дворику, откуда, поднявшись по нескольким ступеням, попадали в крытый подъезд дома. К подъезду примыкало небольшое помещение, через которое проходили в большую продолговатую комнату с 4 круглыми колоннами: это была своего рода приемная для гостей и одновременно комната, где отдыхали хозяева.

За приемным залом находилась центральная комната всего дома – большое помещение тоже с четырьмя колоннами, но уже квадратными. Отсюда двери вели в остальную часть дома – спальню хозяина, комнаты членов семьи и т. д. Все помещения освещались через окна, расположенные вверху наружных стен – почти у самой крыши. Чтобы осветить центральную комнату, стены ее были сделаны большей высоты, чем у соседних помещений.

Большие и хорошо спланированные дома знати располагались у самых дорог; дома поменьше – за ними, но тоже близко к дороге, а дальше, на кривых улочках с узкими проходами, беспорядочно ютились хибарки бедноты.

Жрецы солнечного бога Атона размещались в огромном районе с роскошными порталами и улицами для процессий, с украшенными колоннами молельнями, со скульптурами и рельефами. По замыслу Эхнатона все помещения иногда оформлялись в виде нильского берега: тонкие колонны напоминали стебли папируса, в росписях стен и пола повторялись цветы и бутоны лотоса, а также порхающие в зарослях птицы. Эти мотивы и раньше встречались в египетском искусстве, но никогда прежде в них не было такого богатства сюжетов и красок, такой свободы и изящества исполнения, такого увлечения красотой линий и цвета...

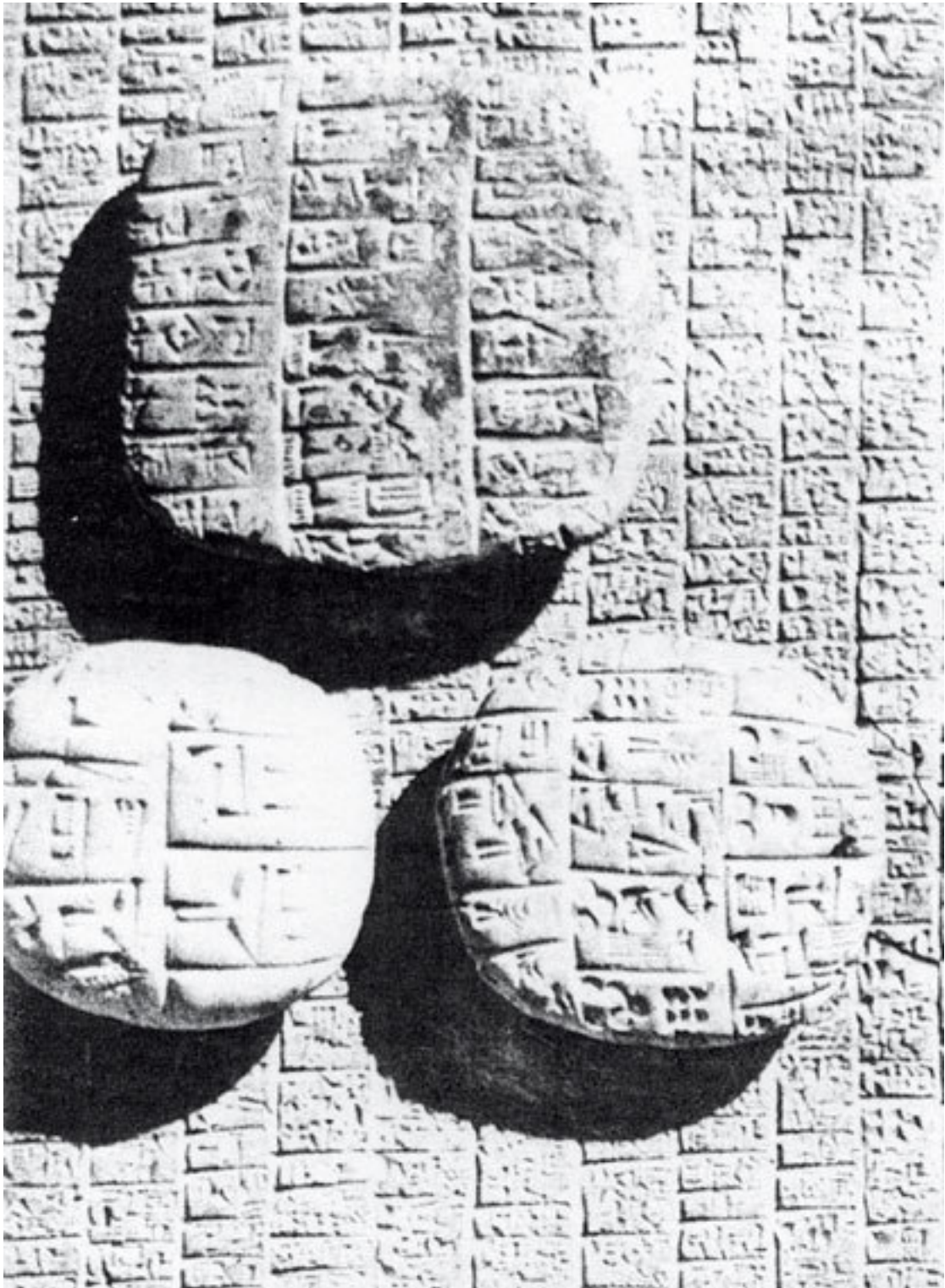
Эта же естественность, сменившая канонизированную стилизацию поз и жестов, проявилась и в изображении людей, например, Эхнатон часто запечатлен в семейном кругу – с женой Нефертити и дочерьми. Среди найденных в эль-Амарне памятников мало таких, где фараон изображен без Нефертити.

Основывая новую столицу Ахетатон, фараон Эхнатон обещал царице воздвигнуть в ней ее собственное место для почитания солнца – «сень Рэ». У Нефертити было свое большое и великолепное судно, качавшееся у дворцового причала рядом с ладьей фараона.

К сожалению, сейчас от дворца Нефертити остались одни развалины, однако известно, что в северо-восточном конце сада находилась длинная постройка, тянувшаяся вдоль северной стены дворца. Внутри этого зала столбы, поддерживающие потолок, стояли в один ряд – каждый на крохотном островке между перемежающимися водоемами. Эти водоемы были сделаны в виде огромных букв «Т»: в верхнем ряду они были повернуты отвесным концом вниз, а в нижнем – вверх. Вклиниваясь отвесными концами ряд в ряд, буквы «Т» образовывали строгий узор. Перила и пол вокруг водоемов, а также откосы стенки перил были сплошь расписаны растительным орнаментом и изображениями цветов.

Такова была эта «великолепная усадьба Солнца», украшенная небольшими храмиками, полная водных затей и утопающая в зелени и цветах. После Нефертити эти владения перешли к ее дочери Ми-йот.

Древняя Эбла на земле Ханаанской

До середины XX века об этом городе почти ничего не знали. На исторической карте Ближнего Востока III тысячелетия до нашей эры обозначались только две могущественные державы – Египет и Аккадское царство. Многие ученые и археологи считали, что других значительных цивилизаций между долиной Нила и Месопотамией просто не существовало.

Однако неожиданное открытие крестьян из деревушки Телль-Мардих и дальнейшие археологические раскопки в районе сирийского города Алеппо изменили такое мнение.

Сначала крестьяне нашли базальтовую чашу, которую сдали в городской исторический музей. А в 1964 году сирийское правительство предложило итальянскому археологу Паоло Матье приступить к раскопкам холма Телль-Мардих. Раньше тут находилось незначительное поселение, но именно здесь, на севере Сирии, было сделано сенсационное открытие. Паоло Матье долго изучал художественные изделия, которые раньше были найдены в разных районах Сирии, и пришел к выводу, что все они должны были исходить из одного центра. Некоторые исторические хроники таким центром называли Эблу – город, существовавший в Сирии с древности, но никто из ученых не знал, где он располагался. Город Эбла упоминался лишь в одном шумерском тексте – в победных реляциях царя Саргона и его внука Нарамсина – и считался заштатным. А оказалось, что Эбла – столица могущественного государства на Ближнем Востоке, соперничавшего в третьем тысячелетии до нашей эры с Египтом и Аккадским царством. В 1968 году археологи раскопали цоколь базальтовой статуи, на котором была надпись на аккадском языке. Надпись сообщала, что статуя – это дар царя Эблы покровительнице города богине Иштар: «Для богини Иштар, я вазу изготовил Иббит-Лим, сын Игреш-Хепа, царя народа Эблы». Так было установлено, что под холмом Телль-Мардих находилась некогда могущественная Эбла.

В 1975 году экспедиция П. Матье обнаружила самый большой из когда-либо раскрытых сирийских архивов – 17 000 глиняных табличек с текстами XXV–XXIII веков до нашей эры. Это было величайшее открытие! До сих пор древнейшими считались письменные источники Месопотамии на шумерском языке. Таблички, найденные в Эбле, исписаны частью шумерской клинописью, частью неизвестным доселе языком, который ученые называли «эблаитом». Открытие царского архива было поистине сенсационным, ведь в нем содержались самые разнообразные сведения: о дворцовых делах, исторические хроники, отчеты о военных походах, договоры и соглашения, описи закупленных и проданных товаров, переписка между чиновниками и правительственными учреждениями, литературные произведения. Дешифровка этих текстов продолжается и поныне, однако уже сейчас можно составить представление о политическом и государственном устройстве Эблы, ее экономике, торговле и культуре.

Периодом расцвета города было время с 2400 по 2250 год до нашей эры. Эбла тогда настолько окрепла, что подчинила своему влиянию огромную территорию – от побережья Средиземного моря до границ Аккадского царства. Причем не путем завоеваний⁸, а с помощью высокой культуры, развитой экономики и торговли. Эбла находилась на скрещении торговых путей между Месопотамией и Анатолией (современная Турция), поэтому именно торговля обеспечивала городу процветание. В столицу везли лес с прибрежных гор, шитые золотом ткани, керамику и шкуры, подчас товары доставляли из очень отдаленных мест.

Во главе государства стоял маликум (правитель, царь), которому подчинялись местные царьки, связанные с метрополией особыми соглашениями. Царь вершил все дела с помощью совета старейшин, в котором были представлены самые богатые семейства. Дань Эбле золотом и серебром выплачивали Ашур на Тигре и Мари на Евфрате, но однажды мятежный Мари отказался от своих обязательств. Войска Эблы решили усмирить непокорных, и уже вскоре полководец Эннадаган направил в столицу донесение о жестокой расправе над бунтовщиками: «Горы трупов я нагромоздил». В административном отношении Эбла была разбита на кварталы: делами каждого из них заведовали 20 чиновников, имевших в своем подчинении помощников. Свой особый штат был и у цариц, которые иногда осуществляли высшие руководящие функции. Следует отметить, что женщины Эблы играли большую роль

⁸ Силой оружия покорен был только город Мари.

в жизни общества. Так, например, посвящала царя в должность и вводила его на престол маликтум (царица). Ни в какой другой древневосточной цивилизации женщины не выполняли такие функции.

Царский дворец был не только официальной резиденцией правителей страны, но и центром ее экономической и культурной жизни. В многочисленных дворах и помещениях его располагались мастерские скульпторов и живописцев, краснодеревщиков, ювелиров, гончаров и других ремесленников. Во дворце была и школа, в которой готовили государственных писцов и чиновников, причем обучение велось на двух языках – шумерском и эблаите. Здесь на глиняные таблички переписывали литературные тексты, заносили в хронику важнейшие исторические события из жизни государства.

На некоторых табличках, написанных неуверенной рукой учеников, сохранились даже пометки учителя. Глиняные таблички рассказали, например, и о том, как проходили экзамены в этой школе. Школьник-писец писал табличку под контролем «старшего брата» – дубзузу. Затем учитель проверял написанную табличку, согласовывал отметку с «директором» школы и только после такого обсуждения ставилась окончательная отметка.

После каждого сезона археологических раскопок в районе Алеппо ученый мир все больше и больше узнавал об Эбле. До этих открытий ученые не могли и предполагать, что в ту далекую эпоху заключались и разрывались международные договоры. В одном их документов говорилось, что царь Эблы обращается с просьбой к царю Ассирии, чтобы тот гарантировал и облегчил торговлю Эблы в самых далеких районах от ее границ, хотя Эбла и сама осуществляла политический и экономический контроль над 17 тогдашними государствами.

Дешифровка глиняных табличек помогла ученым установить и классово-социальную структуру эблаитского общества. Жители Эблы делились на две группы – думу-ниты (привилегированные горожане) и бар-аны (немногочисленные иностранцы). Думу-ниты (что означает «сыны Эблы») были коренными эблаитами, родились в Эбле и пользовались всеми правами и привилегиями своей страны. К ним относились представители самых разных профессий: гончары, скульпторы, плотники, текстильщики, мельники, пекари и др. Вторая группа – собственно иностранцы, а также рабы, военнопленные, купцы и состоявшие в эблаитской армии наемники. В самой Эбле проживало около 40 000 человек, остальные 220 000 – в других местах.

В городе-государстве Эбла было много храмов, посвященных различным богам. Обслуживанием храмов занимались жрецы и жрицы, но из глиняных текстов видно, что духовенство и храмы не играли ведущей роли в политике и экономике государства: в основном они занимались религиозной деятельностью. В древний период Эблы жрецы не были связаны только с поклонением богам и отправлением их культов в храмах. Жрецы занимались также пророчеством, ходили из города в город, предсказывая события и провозглашая послания богов (а их в эблаитском пантеоне было около 500).

Жители древней Эблы всегда старались задобрить своих богов обычно путем жертвоприношений их статуям. Как правило, дарили пиво, хлеб, масло, овец, коз и другую живность. Однако были дары и из драгоценных металлов – золота и серебра: кубки, браслеты, кинжалы, фигурки животных, миниатюрные колесницы и тележки. Встречались золотые и серебряные статуи богов, например, одна из глиняных табличек сообщает, что статуя бога Дагана отлита из пяти килограммов серебра.

Кроме подношения богам даров, эблаиты отмечали и различные праздники, посвященные им: очищение – праздник бога Сикип, помазание – праздник бога Игиш. В праздники статуи богов переносили из города в деревни, а потом возвращали их назад.

Архивы Эблы содержат сведения о пяти царях, правивших здесь с 2400 до 2250 года до нашей эры. В 2350 году до нашей эры город разрушил царь Саргон I Аккадский: соседство с воинственным и могущественным Аккадом оказалось для Эблы трагическим. В 2250 году

войска аккадского царя Нарамсина (внука Саргона I) вторглись в город, разорили и сожгли царский дворец. После этого Эбле удалось возродиться, и она просуществовала еще два-три столетия, пока окончательно не погибла под ударами кочевников.

Невеста пустыни Пальмира

Пальмира. Колоннада главной улицы

Честь открытия Пальмиры история приписывает итальянцу Пьетро делла Валле. В XVII веке путешественники долго и с большими трудностями добирались до Пальмиры, но, когда они вернулись в Европу, им просто не поверили: город в сирийской пустыне? Разве такое может быть? Однако в следующем столетии в Англию были привезены рисунки, с опубликования которых и началась мода на Пальмиру. Потом появились путевые очерки и подробные описания древнего города: среди авторов была и русская путешественница Л. Пашкова, которая опубликовала в одном французском журнале очерк о Пальмире. Самую интересную находку того времени сделал тоже наш соотечественник, петербуржец С.С. Абамелек-Лазарев: он обнаружил и опубликовал греко-арамейскую надпись с подробным изложением таможенных правил – так называемый «Пальмирский тариф»⁹.

С древних времен местные жители называли и до сих пор называют Пальмиру «Тадмором», что означает «быть чудесным, прекрасным». Город как бы продолжает окружающую природу, и потому красота его тихая и естественная. Из желтого песка долины, окруженной лиловыми холмами, поднимаются колонны с кудрявыми, словно кроны пальм, капителями. До нашего времени Пальмира сохранилась неперестроенной, и потому золотые, нагретые солнцем стены ее зданий до сих пор украшают вырезанные листья и гроздья винограда, верблюды и ослы.

В истории имеется много удивительных парадоксов: например, Помпеи сохранила нам вулканическая лава, а Пальмиру – человеческое забвение. Город был брошен людьми и забыт на долгие столетия. А когда-то все начиналось с Эфки – подземного источника с теплова-

⁹ В настоящее время этот документ хранится в Эрмитаже.

той, чуть отдающей серой водой. Отчаянные путешественники, странники и купцы устраивали здесь привал, разбивали на ночь шатры, поили усталых верблюдов, коней и ослов. Со временем возле Эфки вырос целый перевалочный пункт – бойкий перекресток купли-продажи. В первом тысячелетии до нашей эры на этом караванном пути, ведущем от Дамаска к берегу Евфрата, он превратился в город таможен, постоянных дворов и харчевен, город менял, торговцев, разносчиков, коновалов, бродяг, воинов, лекарей, жрецов самых разных религий, беглых невольников и мастеров самых разных профессий. Здесь продавали рабов и рабынь из Египта и Малой Азии, из Индии и Аравии привозили пряности и ароматические вещества, постоянно был спрос на вино, соль, одежду, сбрую, обувь... Высоко ценилась и крашенная пурпуром шерсть: купцы, расхваливая свой товар, дружно утверждали, что по сравнению с пальмирскими другие пурпурные ткани выглядят блеклыми, словно их посыпали пеплом.

Под сводами Триумфальной арки всегда стоял многоязыкий гул, но Триумфальной ее называли европейцы. В их представлении арки и ворота всегда ставились для прославления славных военных побед или в честь великих полководцев. Но пальмирские зодчие решали в данном случае другую задачу: двойные ворота Триумфальной арки были поставлены под углом и как бы скрадывали излом улицы, спрямляли ее.

Эти монументальные ворота из базальта, гранита и мрамора были возведены около 200 года. Огромная 20-метровая арка опирается на двойные колонны, а две небольшие арки по краям ведут в боковые улицы. Главной торговой магистралью Пальмиры была улица Больших колоннад, пересекавшая город из конца в конец. Во всю ее длину (более 1 км) тянулись четыре ряда 17-метровых колонн, за которыми располагались жилые дома, склады и лавки.

В стороне от улицы Больших колоннад находился театр, построенный в самом оживленном квартале Пальмиры. С правой стороны он примыкал к зданию сената: театр и сенат располагались на квадратной площади, окруженной портиками в ионическом стиле. Порттики были украшены статуями римских и пальмирских полководцев, чиновников и других знаменитых людей города.

В Пальмире было много храмов, строили их весело и на совесть. Городские жители были многоязычным народом: скитальцы пустыни, они никак не хотели подчиняться единому богу. В своих религиозных ритуалах они чаще всего поминали Бэла – бога неба, которому был посвящен один из самых интересных храмов на Ближнем Востоке. Величественный храм выделялся среди всех остальных строений Пальмиры, площадь его центрального зала равнялась 200 квадратным метрам.

В Пальмире был сооружен и храм в честь бога Набо – сына бога Мардука, повелителя вавилонского неба. Бог Набо ведал судьбами смертных людей и был посыльным у богов разноплеменного пальмирского пантеона. Выходец из Месопотамии, он уживался с финикийским богом Баальшамином, арабской богиней Аллат и олимпийским Зевсом.

А земными делами Пальмиры ведали заседавшие в сенате вожди, жрецы и богатые купцы. Их решения утверждал губернатор, назначаемый из Рима, но во время правления императора Адриана город получил некоторую свободу: были снижены налоги, отозван губернатор, а власть передана местному вождю.

Шли годы, пролетали десятилетия, и постепенно Пальмира превратилась в один из самых процветающих городов Ближнего Востока. Богатства города привлекали внимание Парфянской и Римской империй, враждовавших между собой. В I веке римляне завладели Пальмирой, сохранив за ней некоторую самостоятельность. Но со временем пальмирские вожди перестали слушать римский сенат и начали проводить свою собственную политику.

Жители Пальмиры были мирными людьми, армия их была немногочисленной и в основном несла караульную службу. Но вот в 260 году персидский царь Шапур разгромил легионы императора Валериана, а самого его захватил в плен. Персидские войска подошли к самым стенам Пальмиры, и тогда римляне обратились к пальмирскому правителю Оденату

с мольбой о помощи. И произошло то, что потом будет вызывать недоуменное восхищение летописцев и историков: Оденат, собрав лучших пальмирских лучников, разгромил персидскую армию.

Оправившись от разгрома, персы вновь выступили против римлян, и опять решающая роль в разгроме врага принадлежала пальмирцам. В благодарность римский император назначил Одената вице-императором Востока – вторым человеком в Римской империи. Однако правитель Пальмиры понимал, что любая его попытка возвыситься вызовет в Риме страх и озлобление. Однако уже независимо от его воли и Пальмира, и он сам приобретали все большее влияние на Ближнем Востоке. И действительно настало время, когда Рим стал бояться своего союзника. Лишить Одената титула и армии было не за что – он оставался верен присяге, объявить его врагом Рим уже не смел. И тогда Рим прибег, как это случается весьма часто, к проверенному и испытанному средству – убийству. Римские власти страны Сури в 267 году пригласили Одената для обсуждения текущих дел в Эмессу¹⁰ и там убили его вместе со старшим сыном Геродианом. По некоторым историческим сведениям, в убийстве Одената принимала участие его жена Зенобия, которая была мачехой Геродиану. Она будто бы хотела устранить их обоих, чтобы освободить дорогу к власти своему малолетнему сыну Вабаллату.

Римский император Галлиен надеялся, что второй сын Одената по малолетству своему не сможет управлять Пальмирой. Однако он не учел, что энергичная вдова, умнейшая и образованнейшая Зенобия сама была готова заняться государственными делами. По совету своего учителя, знаменитого философа Кассия Лонгина, она возвела на престол Вабаллата и стала при нем регентшей, фактически управляя самостоятельно. С большой осторожностью Зенобия выжидала часа изгнания с Ближнего Востока римских легионов, чтобы навеки утвердить в новом царстве власть своей династии.

До поры до времени Зенобия тщательно скрывала свои намерения в надежде, что ее сын унаследует трон отца. Но могущественный Рим боялся усиления окраин и сохранил за правителем Пальмиры лишь титул вассального царька. И тогда Зенобия объявила Риму войну.

Римляне были твердо убеждены, что войска Пальмиры откажутся идти в бой под командованием женщины. И сильно просчитались! Пальмирские начальники присягнули на верность Зенобии, а перешедшая на ее сторону армия вскоре овладела Сирией, Палестиной, Египтом, а на севере достигла проливов Босфор и Дарданеллы.

Военные победы Зенобии встревожили Рим, и император Аврелиан решил выступить против ее армии. После поражения при Эмессе Зенобия решила отсидеться в Пальмире, но длительную осаду выдержать не удалось. Оставалось только вывезти из города все богатства и отступить за Евфрат, а там спасут ширина реки и меткость прославленных пальмирских лучников. Но конница императора Аврелиана следовала по пятам, и у самой реки Зенобию захватили в плен.

Так семнадцать веков назад пала Пальмира. Дальнейшая судьба мятежной Зенобии таинственна и порождает у историков много догадок и предположений: будто бы своевольная царица была убита, будто бы в золотых цепях ее провели по Риму, будто бы выдали замуж за римского сенатора и она жила до самой старости.

Взяв Пальмиру, римские войска сбили статую Зенобии, но сам город не тронули. При императоре Диоклетиане здесь даже возобновилось строительство: резиденция Зенобии была превращена в римский военный лагерь, здесь расширили казармы, улучшили водопровод, возвели христианскую базилику...

¹⁰ Современный город Хомс.

Однако пальмирцы не хотели мириться с чужеземным господством и несколько раз поднимали восстания за независимость, но неудачно. Пальмира была разграблена и уже не смогла вернуть своего бывшего могущества. Постепенно городская знать покинула город, лишённые связей с Востоком ушли купцы, без дела остались водители караванов, чиновники, искуснейшие ремесленники... И Пальмира начала чахнуть, постепенно превращаясь в заурядный пограничный пост и место ссылок.

После римлян сюда пришли арабы, которым горожане даже не могли оказать серьёзного сопротивления. Впрочем, они уже и не жили в городе, а сбились за стенами святилища бога Бэла, налепив там множество темных и тесных глинобитных лачуг. Потом сюда на долгие годы пришли турки, которые и сами ничего не хотели знать о культуре подвластных им народов, и другим не давали ее изучать. Никому не было дела до блистательной истории умирающего города, а многочисленные землетрясения довершили разрушения уцелевших храмов, дворцов и колоннад, и наступавшие пески Сирийской пустыни окончательно поглотили развалины Пальмиры.

Только в XX веке Пальмирой заинтересовались всерьёз. Уверенно рос интерес России к этому городу: Русский археологический институт в Константинополе снарядил сюда экспедицию, исследователи и ученые сделали много рисунков, фотографий, схем, планов и топографических карт Пальмиры. Большой вклад в изучение истории и культуры Пальмиры внес русский ученый Б.В. Фармаковский, который в одной из своих статей писал: «Величественные памятники искусства древней Пальмиры давно уже привлекали внимание ученых и любителей прекрасного. Отрезанные от мира громадной безводной пустыней и расположенные среди леса пальм в далеком, роскошном оазисе развалины Пальмиры... всегда возбуждали воображение, всегда представлялись чем-то сказочно великолепным...»

Древняя Пальмира была одним из выдающихся культурных центров на Востоке. И здесь было общество, у которого искусство было важнейшей потребностью жизни, которое любило и преклонялось перед его создателями».

Возвышающиеся в пустыне колоннады легендарной Пальмиры манят к себе путешественников, которые с удивлением открывают для себя две Пальмиры – два Тадмора: одна из них – древняя, другая – новая, молодая. В одной из них уже давно не живут люди, она стала вечным музеем, в другой с 1928 года стали селиться бедуины и бедный народ. Именно в этом году сирийское правительство издало закон о строительстве новой Пальмиры. Город стал благоустраиваться, были проложены новые улицы, проведено электричество... Трудолюбивые жители заложили здесь пальмовые рощи, сады и огороды, вспахали поля и развели скот. По древней традиции пальмирцы занимаются и торговлей, а еще ткнут ковры, шьют национальные одежды и продают их туристам.

Самарканд – столица великого Тимура

Афрасиаб – городище древнего Самарканда, где за многие века накопились 10—15-метровые толщи археологических напластований. Это огромное холмистое плато площадью более двух квадратных километров расположено на окраине современного Самарканда. Само название «Афрасиаб» в науке отождествляется с именем легендарного правителя-тирана, повелителя среднеазиатских кочевников, который жил более 2000 лет назад. Однако городище это упоминается и в связи с завоеваниями Александра Македонского, значит, было оно еще древнее. По словам летописцев, Афрасиаб существовал «со времен неведения».

Самарканд – современник Древнего Рима: возраст его культурных нижних слоев восходит к I тысячелетию до нашей эры, именно в них таятся остатки Мараканды – главного города древней страны Согд, во многом загадочной еще и сегодня. Эту твердыню армия Александра Македонского атаковала в IV веке до нашей эры, здесь же протекали главные события борьбы согдийцев, возглавляемых Спитаменом.

Своего расцвета античная Мараканда достигает в I–III веках, когда Согдиана входила в состав Кушанского царства. Границы города разрослись тогда за пределы Мараканды времен военных походов Александра Македонского, но кризис рабовладельческого строя в Средней Азии привел снова к сокращению территории города. В VI–VII веках, с началом феодализации страны, вокруг Мараканды появляются сотни замков дихкан – мелкопоместных рыцарей, но ядро города остается на старом месте.

Много кровавых событий помнит Афрасиаб, а в самом начале XIII века монгольское нашествие прервало мирную жизнь Средней Азии, были разрушены города и уничтожены многие памятники искусства и материальной культуры. Войсками Чингисхана Афрасиаб был стерт с лица земли так, что на поверхности не осталось ровным счетом ничего: крепостные стены города были срыты, дворцы и дома сожжены, знаменитый водопровод, который в течение нескольких веков подавал воду в цитадель, разрушен. Там, где когда-то шумели сады, заворошились песчаные барханы...

Однако город не умер, более того, на рубеже XIV–XV веков начался его новый расцвет. Это случилось во время правления великого завоевателя Тимура (Тамерлана), который решил сделать Афрасиаб-Самарканд столицей своей империи. Рюи Гонзалеса де Клавихо, испанского посла при дворе Тимура, Самарканд так очаровал, что он написал о нем книгу: «Тимур всячески хотел возвеличить этот город. Какие бы страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил он людей, чтобы они населяли город. Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам».

Теперь отсюда, из Самарканда, решаются судьбы народов и стран, здесь исключительного расцвета достигли ремесла и искусства. Тимур хотел сделать свою столицу недостижимо прекрасной и грандиозной, превосходящей все другие города мира. Поэтому деревни вокруг Самарканда получили новые названия и отныне звались так: Багдад, Дамаск, Каир – величайшие города мира должны были казаться деревнями по сравнению с новой столицей Тимура. Вокруг Самарканда шумели 13 садов, самый большой из них был настолько обширен, что однажды (как рассказывают древние хроники) там заблудилась лошадь архитектора и ее искали целый месяц.

Архитектурный ансамбль Самарканда, тянувшийся от Железных ворот на восток в виде улицы, был обстроен по сторонам парадными гробницами и культовыми строениями. На окраине Самарканда, на склоне холма Афрасиаб, раскинулись мавзолеи Шахи-Зинда. Эту волшебную улицу никто не планировал и не проектировал, ансамбль возник сам по себе, а строили его сотни лет – один мавзолеем за другим. «Шахи-Зинда» означает «живой царь», культ которого существовал еще задолго до прихода сюда ислама. Во времена расцвета Афрасиаба культ этот был настолько велик, что проповедники ислама не стали с ним бороться. Используя его во славу новой религии, они создали легенду о Мохаммеде Кусаме ибн-Аббасе – двоюродном брате Пророка.

Древняя легенда рассказывает, как

однажды войско Мохаммеда Кусамы было застигнуто «неверными» в святую минуту, когда все воины совершали намаз. «Неверные» воспользовались их временной небоеспособностью и всех зарубили. Остался без головы и сам Мохаммед Кусам, однако, и лишившись головы, он не растерялся: взял свою голову в руки и спустился в глубокий колодец, через который прошел в рай. Многие герои впоследствии старались спуститься в этот колодец, чтобы узнать тайны обезглавленного царя.

И хотя, как установили ученые, Мохаммед Кусам в Самарканде никогда не был, его гробница стала первым мавзолеем комплекса Шахи-Зинда. Сейчас мазар Мохаммеда Кусамы окружен другими мавзолеем, но им здесь тесно. Погребение возле могилы великого святого обеспечивает блага на том свете, поэтому многие вельможи и муллы хотели, чтобы их гробницы стояли как можно ближе к усыпальнице Мохаммеда Кусамы. Давно уже нет Железных ворот, за которыми когда-то вздымались два грандиозных сооружения – соборная мечеть Тимура и стоявшее напротив медресе Сарай-Мульк-ханым, от него осталась лишь руина мавзолея, который в народе связывают с именем легендарной Биби-ханым.

У Тимура было много жен, но только одна любимая – красавица Биби-ханым. Великий повелитель был в далеком походе, когда она собрала лучших зодчих Самарканда, которые в час, указанный звездами, приступили к возведению мечети.

Строил мечеть юный архитектор, который, пленившись красотой Биби-ханым, стал жертвой безумной и безответной любви. Уже блистают прекрасной глазурью стройные стены мечети, уже купол ее соперничает

с небесным сводом, осталось только замкнуть арку портала... Но медлит влюбленный зодчий, ведь окончание работ означает разлуку с Биби-ханым.

А между тем в Самарканд спешит гонец с известием о возвращении великого Тимура, и торопит Биби-ханым завершить работу. Архитектор согласен только за дерзкую награду – поцелуй красавицы. Что оставалось делать? И Биби-ханым разрешила поцеловать себя лишь через приложенную к щеке подушку. Но поцелуй влюбленного зодчего был так страстен и горяч, что и через подушку отпечатался на щеке красавицы.

Прибыв в Самарканд, грозный Тимур с восхищением рассматривал здание мечети. Однако, отбросив легкое покрывало с лица жены, он увидел и след на ее щеке. Разъяренный Тимур потребовал назвать имя виновника; когда бросились искать зодчего, которого ждала неминуемая смерть, тот забрался на вершину минарета и на заранее сделанных крыльях улетел в Мешхед...

Сам Тимур похоронен в мавзолее Гур-Эмир, который находится возле небольшого пруда на площади Регистан. Сначала Гур-Эмир предназначался для погребения Мухамеда Султана – любимого внука Тимура, но теперь здесь похоронены сам Тимур, его сыновья и другой внук – великий средневековый ученый Улугбек, при котором мавзолей и превратился в фамильную усыпальницу Тимуридов. Голубой ребристый купол мавзолея поднимается на высоту 40 метров, деревянные двери с инкрустацией из слоновой кости ведут в парадный зал... Лучи солнца, прорываясь сквозь мраморные решетки, полосами ложатся на восемь надгробных плит, сами могилы находятся внизу – в подземелье.

Центральной площадью старого Самарканда является Регистан, к ней со всех сторон подходят улицы, радиально пересекающие территорию Старого города. В древние времена через площадь протекал мощный канал, оставивший массу песчаных отложений. Песчаные наносы, вероятно, и дали название этому месту, так как «Регистан» в буквальном переводе означает «место песка», «песчаное поле».

До XV века Регистан был крупной торгово-ремесленной площадью, однако потом его значение как базарной площади отступило на второй план. При хане Улугбеке, который был правителем Самарканда с 1409 по 1447 год, Регистан становится площадью парадно-официальной: здесь стали совершаться торжественные смотры войск, провозглашались ханские указы и т. д.

Сейчас на самаркандском Регистане возвышаются три медресе: два из них (Шир-Дор и Тилля-Кари) были сооружены в XVII веке, а третье воздвигнуто еще в XV веке – при жизни Улугбека. Исторические хроники сообщают, что это медресе входило в интересный, но не дошедший до нас ансамбль монументальных построек, которые были возведены вокруг площади Регистан. Напротив медресе, по другую сторону площади, была построена ханака – странноприимный дом для дервишей. По словам султана Бабура, посетившего Самарканд в XVI веке, ханака славилась своим величественным куполом, который был «таких колоссальных размеров, что... равного ему нет в целом мире». Однако ханаку разрушили довольно скоро, и на ее месте выстроили медресе Шир-Дор.

Судя по старинным описаниям, к югу от медресе Улугбека находилось здание главной соборной мечети Самарканда, возведенное на средства влиятельного и богатого вельможи Алике-Кукельташа. Неподалеку от нее были выстроены бани, считавшиеся самыми лучшими и красивыми не только в междуречье Сырдарьи и Амударьи, но и во всем Хорасане. Они назывались «баними мирзы», и главной их достопримечательностью был пол, выложенный из различных пород камня.

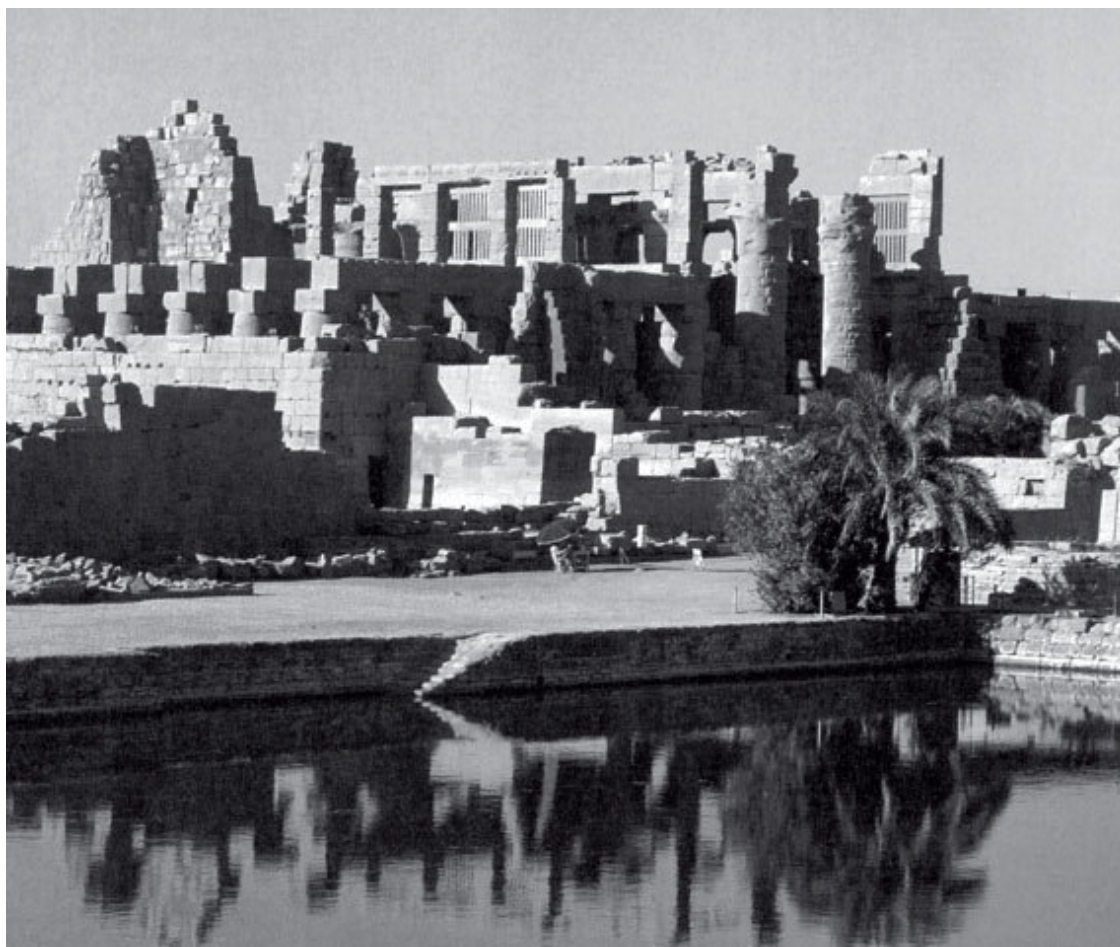
Медресе Улугбека начали возводить в 1420 году по указаниям самого ученого. Прямоугольное здание с четырьмя башнями-минаретами по углам, оно имело большой квадратный

внутренний двор, по всем сторонам которого располагались худжры (кельи). Медресе Улугбека со своим богатым архитектурным убранством, великолепными мозаиками, геометрическими орнаментами и изображениями звездного неба на тимпанах главного портала было подлинным храмом науки. Сейчас, входя в арку портала с площади, нужно спускаться на несколько ступенек вниз. Однако при возведении медресе поверхность площади Регистан была иной: пол арки портала находился выше уровня площади, и на него, наоборот, приходилось подниматься по нескольким ступеням широкой лестницы.

Но время не пощадило это великолепное сооружение: исчезли вторые этажи худжр, увенчания порталов и минаретов, поднятые на барабанах купола дарсхана – все это сильно исказило высотные пропорции медресе. И тем не менее даже неискушенный глаз ощущает удивительную соразмерность всех его частей и горделивую стройность пропорций.

Во времена Улугбека Самарканд был центром научной жизни Средней Азии, сюда съезжались знаменитые математики, астрономы, историки... В медресе, для которого Улугбек лично подбирал преподавателей, и его обсерватории ученые прикасались к тайнам науки. Купцы и ремесленники, паломники и поэты, странники и дипломаты – все стремились сюда, все дороги вели в «драгоценную жемчужину мира» – сверкающий город Самарканд.

Стовратные Фивы

Город Уасет, который в Библии упоминается под именем Но, греки называли «стовратными Фивами». Знаменитая столица фараонов простиралась на правом берегу Нила. Около реки поднимались величественные храмы бога Амона, за ними тянулись дворцы фараонов и важных сановников и теснились узкие, темные и прохладные улицы. Шум и движение жизни наполняли этот цветущий город.

Совсем другой вид имел город на левом берегу реки. Там тоже поднимались величественные здания и храмы, но они стояли особняком, далеко один от другого, и окружены были глиняными домиками. Все здесь было тихо и торжественно. Если на правом берегу Нила над городом стоял непрерывный гул, то здесь царили тишина и неподвижность, нарушаемые лишь отправлением религиозных культов. А между тем к этому берегу тоже причаливали тысячи барок и длинные процессии двигались по долине к горе. Но привозили эти барки умерших, и процессии шли за гробами. Это были другие Фивы – город мертвых. В этой Долине царей находятся 62 гробницы, принадлежащие в основном фараонам. Все они давно и хорошо изучены, но не все открыты для посещения.

В самом центре Долины царей, в окружении других усыпальниц, расположилась гробница фараона Сиптаха. Он правил недолго и, по-видимому, не оставил памяти о себе. И тем не менее его гробница с огромным саркофагом украшена очень богато. Длина ее вместе с коридором составляет 105 метров, что значительно больше, чем у многих других гробниц¹¹.

¹¹ В Долине царей была найдена гробница Тутанхамона, о которой можно подробнее прочитать в книге «100 великих

Блистательные Фивы подарили всему человечеству свет величественной цивилизации и красоту своих древних святилищ. Наивысший расцвет город пережил в эпоху Нового царства (1580–1085 гг. до н. э.). Фиванское искусство этого периода призвано было укреплять твердую централизованную власть внутри страны и расширять ее внешнее влияние. Поэтому фараоны старались придать еще больший блеск и пышность своей столице и храмам своих богов.

Во время правления фараонов XIX династии, при кажущемся внешнем спокойствии, продолжалась борьба фараона со знатью и жрецами. Рамсес II не рискнул, подобно фараону Эхнатону, явно порвать с вновь усилившимся жречеством бога Амона, однако все же хотел несколько ослабить его влияние. Иногда фараон лично исполнял обязанности верховного жреца, иногда назначал на этот пост преданного жреца из другого города.

Два великих храма были в Фивах – Карнак и Луксор, и оба были посвящены богу солнца Амону-Ра. Каждое утро он – юный и могучий – восходил на небе, чтобы дать жизнь всему сущему на земле. А к вечеру старел и умирал, чтобы наутро вновь родиться юным и могущественным. Такой круговорот жизни боги предначертали и людям – стареть и умирать, чтобы потом вновь возродиться...

Главным центром строительства был храм бога Амона в Карнаке, возле которого было вырыто священное озеро. Расширение этого храма должно было показать торжество культа бога Амона после поражения Ахетатона и удовлетворить фиванских жрецов, а также прославить мощь новой династии фараонов. Масштабы строительства были поистине грандиозными. Никогда прежде колонны, пилоны и монолитные статуи не достигали таких колоссальных размеров; никогда раньше убранство храмов не отличалось такой пышностью. Большой гипостильный зал Карнака занимал площадь в 5000 квадратных метров. На этой огромной территории возвышался целый лес исполинских колонн (высотой с 3-этажный дом), возведенных из песчаника.

Строить гипостильный зал начал фараон Сети I, а заканчивал уже его сын Рамсес. Сверху донизу колонны гипостильного зала были покрыты барельефами с изображениями победных походов фараонов. Эти картины образуют целую эпопею в барельефах, картинах и надписях, где фараоны представлены в разные моменты своей мирной и военной жизни. Эпический характер этих картин вызвал у ученого Г. Вильсона предположение, что Гомер был в Египте, видел эти барельефы и, вдохновленный ими, написал батальные песни своей «Илиады».

В середине гипостильного зала поднимались 12 «папирусных колонн», высотой в 21 метр и более 10 метров в окружности: каждую из них не могли обхватить и пять человек. Капители этих колонн сделаны в форме раскрытых цветков папируса.

Воздвигнутый Рамсесом II храм затмил все, что было построено до него. Он строился очень много лет: один зодчий умер, и его место занял другой. Десятки тысяч рабов погибали на изнурительных работах, но их никто не считал. На место умерших пригоняли других, а храм все строился и рос, утверждая могущество фараона и всемогущих богов.

Однако в архитектурных формах карнакского храма уже сочеталось старое и новое. Зодчие XIX династии должны были вернуться к архитектурным традициям Фив, которые были прерваны Эхнатоном. Но после Ахетатона в египетском зодчестве появилось и много нового, от чего мастера уже не могли и не хотели отказываться.

Фиванские жрецы и высшая знать стремились заглушить все то, что еще сохранялось от их поражения при фараоне Эхнатоне. Жречество, сохраняя каноны в религии, вело борьбу с отступлениями от них в искусстве. Особенно показательным это отразилось на царских статуях. Наряду с прежними типами скульптуры, в Фивах появляются и своего рода

светские образы фараонов и цариц. Лучшим из таких памятников является статуя Рамсеса II, которая сейчас находится в Турине. Скульптор, создавая образ могучего правителя, как того требовало официальное искусство, решил эту задачу уже новыми средствами. Здесь не видно чрезмерно выдающихся мускулов, прямой, кажущейся нестигаемой шеи и бесстрастно смотрящих вдаль глаз – то есть всего того, что было присуще прежним образам фараонов.

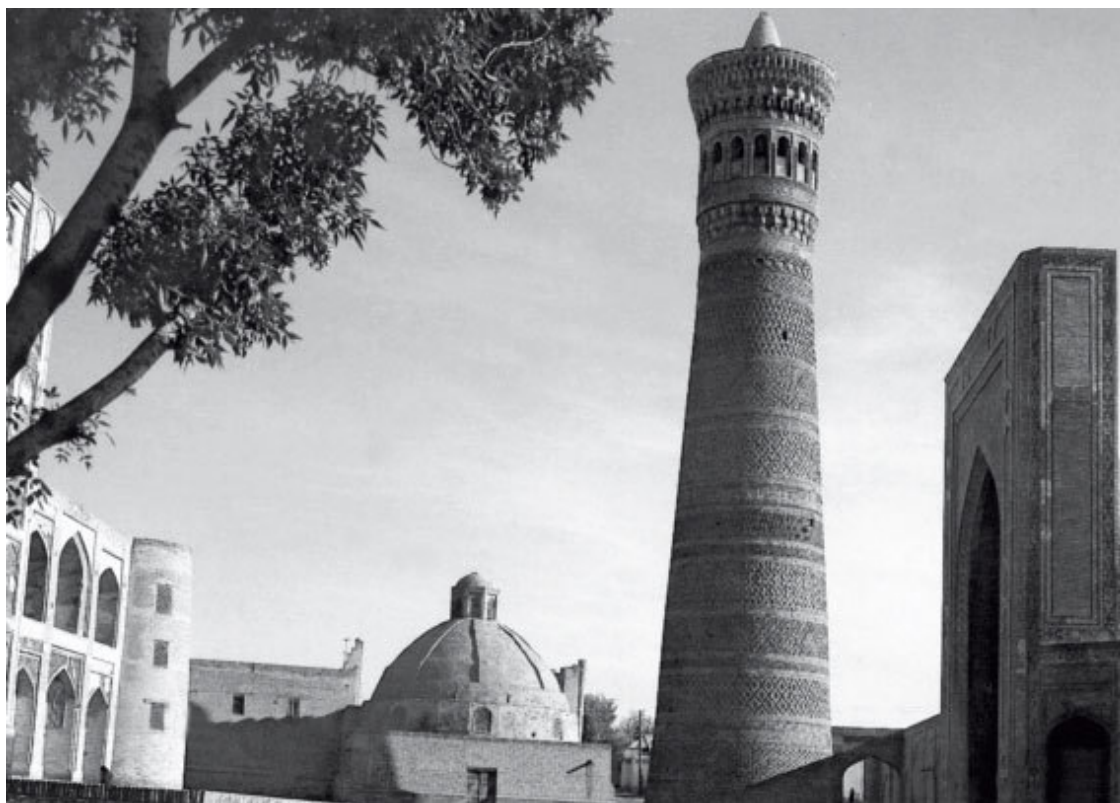
Непривычен был уже и сам факт изображения фараона в бытовом одеянии и с сандалиями на ногах. Основное впечатление силы и могущества достигнуто скульптором не обобщением образа фараона – «сына бога Ра», а созданием образа земного владыки Египта. Это достигалось спокойной позой статуи со слегка наклоненной головой и внимательно смотрящими вниз глазами. Вероятно, именно так сидел Рамсес II в тронном зале во время приема сановников иностранных посольств.

Вторым святилищем бога Амона-Ра был храм в Луксоре, стены которого были покрыты золотом, а пол – серебром. Храмы соединялись между собой 3-километровой аллеей вырубленных из камня сфинксов с бараньими головами. Эту аллею называли «тропой богов», так как во время праздников и религиозных торжеств священная барка со статуей бога Амона шествовала из одного храма в другой.

Сейчас Луксор – небольшой пыльный городок с несколькими десятками тысяч жителей, но славе его может позавидовать любой столичный город. Его называли «городом дворцов» и здесь обитали те, «чья слава покорила весь мир».

В 663 году до нашей эры Фивы были разрушены войсками ассирийского царя Ашшурбанипала, и от самого города мало что осталось. Но до сих пор величественные руины храмов Луксора и Карнака, которые сейчас находятся под открытым небом, производят неизгладимое впечатление на всех посетителей.

Благородная Бухара

Приехал царевич Сиявуш, женился на дочери царя Афрасиаба и воздвиг крепость (Арк). И положила та крепость начало городу Бухаре.

Так говорится в одной из легенд о рождении этого удивительного города, история которого насчитывает более 2000 лет. Однако данные археологических раскопок более прозаичны: к настоящему времени достаточно подробно изучен период средневековой Бухары, что же касается ранней истории города, то сведения о ней очень скудны. Археологические исследования показывают, что уже в античные времена на территории нынешней Бухары существовало крупное поселение. Памятники тех далеких времен раскопать очень трудно, так как Бухара (в отличие от многих других среднеазиатских городов) всегда оставалась на одном месте, и новые постройки в ней наслаивались на остатки прежних сооружений. И хотя нет данных о первоначальной территории города, плане, фортификации и даже его названии, ученые не сомневаются, что поселение это было городским.

Как феодальный город Бухара начала складываться в VI веке, когда тюркский предводитель Шири-Кишвар, подавив восстание бедноты, сделал город своей столицей. Город, называвшийся тогда Нумиджгат, возник в низовьях Зеравшана – там, где река, уже отдавшая свои воды полям и садам, терялась в камышовых зарослях. Коренное население Бухары было тогда иракского происхождения: оно исповедовало зороастризм, о чем говорит построенное здесь святилище огня.

В VII веке правитель Бидун восстанавливает цитадель и сооружает в ней замок, «по плану подобный созвездию Большой Медведицы». С тех пор крепость Арк и стала ядром феодальной Бухары: в ней расположились дворцы, правительственная канцелярия, храм, казначейство и тюрьма. Вокруг цитадели и начинает слагаться собственно город – шахристан, обведенный четырехугольником крепостных стен. С западной стороны простиралась

площадь Регистан, за которой тянулись поместья феодалов, где среди зелени садов высились укрепленные замки. Вне шахристана стал формироваться торгово-ремесленный пригород (рабад), который в 850 году тоже был обнесен стенами.

Но эти стены не спасли город от нашествия армии правителя Арабского халифата. Защитники Бухары наносили сильные удары по арабским войскам, но путем обмана и вероломства тем удалось захватить город. Когда военачальник Кутейба взял Бухару, он потребовал, чтобы половина домов в городе была передана арабам, а жители близлежащих окрестностей должны были поставлять им дрова, съестные припасы и клевер для конницы.

Целое столетие в истории Бухары связано с арабским завоеванием, что, конечно же, отразилось на жизни города. Однако военные действия в течение столь длительного времени и неоднократные народные выступления не нанесли Бухаре серьезного ущерба: город ни разу не был взят штурмом и разграблен. В трудных случаях бухарцы предпочитали заключать пусть самый тяжелый мир, нежели держать изнурительную оборону.

После арабов в Бухару пришел Чингисхан, который отдал город на разграбление. Нашествие монголов превратило эти цветущие оазисы в груды развалин: от пожара сгорела большая часть города, уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, построенные из кирпича. Однако ни войны, ни раздоры местных феодалов не могли остановить развитие Бухары, которая росла сказочно быстро. Строительство здесь не прекращалось даже и тогда, когда Бухара, вошедшая в состав империи Тамерлана, потеряла свое политическое значение и отошла на задний план, так как великий завоеватель сделал своей столицей Самарканд. После распада империи Тамерлана и последовавшего за этим завоевания страны узбеками Бухара мало-помалу вновь начала приобретать значение столичного города.

Самым ранним из сохранившихся в Бухаре исторических памятников является мавзолей Саманидов. Народные предания связывают возведение мавзолея с именем Исмаила Самани – самого выдающегося представителя этой династии, правившего в 892—907-е годы. Однако научные исследования приводят к выводу, что перед нами фамильная усыпальница многих представителей этой династии.

Архитектурная композиция здания очень проста: это куб, увенчанный полушаром. Здание имеет очень толстые стены (до 1,8 м), благодаря чему мавзолей и сохранился. Все фасады усыпальницы равнозначны: в середине каждой стены – большая стрельчатая арка, включенная в орнаментальную прямоугольную раму, составленную из кирпичных кружков. По верху мавзолея, опоясывая все его стороны, идет аркада из больших стрельчатых окон – по 10 с каждой стороны.

Почти девять столетий возвышается над древней Бухарой минарет Калян – «Великий минарет», который виден еще издалека, с какой бы стороны вы ни приближались к городу. Он был воздвигнут караханидом Арслан-ханом после того, как старый минарет, находившийся у стен цитадели, срыли, а соборную мечеть передвинули в сторону города. Минарету Калян была придана оригинальная форма, послужившая впоследствии предметом неоднократных подражаний: он строг, величав и уравновешен в своих монументальных формах, а его пропорции и членения выдержаны с большим вкусом. Минарет представляет собой массивную, слабо суживающуюся кверху колонну, сложенную из квадратного жженого кирпича на алебастровом растворе. Минарет увенчан сталактитовым карнизом, на котором возведен павильон-фонарь с 16 стрельчатыми окнами. Все это завершается вторым, уже сильно выступающим, сталактитовым карнизом.

Мостиком-переходом минарет соединяется с мечетью Калян, из которой можно попасть внутрь башни и по узкой, крутой лестнице, насчитывающей 105 ступеней, подняться наверх – в ротонду: здесь пред вами откроется прекрасный вид для полного обозрения Бухары. Пять раз в день через 16 арочных просветов неслись отсюда голоса муэдзинов, призывая правоверных на молитву. Однако «Великий минарет» служил и другим целям:

в беспокойную пору дозорные день и ночь следили с вершины Каляна за окрестностями, чтобы не пропустить приближение врага. Позднее, в XVIII–XIX веках, минарет был местом публичной казни: с его 46-метровой высоты сбрасывали на мостовую осужденных, поэтому он и заслужил еще одно название – «Башня смерти».

Сама мечеть Калян пережила несколько этапов постройки, но дошедшее до нас здание восходит к 1514 году, когда в Средней Азии правили первые Шейбаниды. Ее называют еще «Джума мечеть» («Пятничная мечеть»), и она является одной из самых грандиозных мечетей Средней Азии. Масштабами своими она почти не уступает соборной мечети в Герате, которая в XV веке перестраивалась по указанию великого узбекского поэта и мецената Алишера Навои.

Мечеть Калян занимает большую площадь (180×130 м) и имеет традиционный двор, окруженный галереями. Вокруг двора располагаются купольные галереи, где 288 куполов покоятся на мощных столбах, а внутри галерей царят полумрак и прохлада. Во время празднеств в бухарской мечети могли одновременно разместиться до 10 000 человек.

В XVI–XVII веках Бухара вновь достигла своего бывшего расцвета, что сказалось и на ее архитектурном облике. Город был коренным образом перестроен, изменилась его планировка, появились ансамбли, которые и определили лицо города, сохранившееся до наших дней. Однако внутри стен старой Бухары всегда была страшная теснота, еще в X веке из-за антисанитарии, нечистот и зловония город называли «отхожим местом страны». Положение усугублялось еще и тем, что многочисленные кладбища, ранее находившиеся за городскими воротами, после возведения в XVI веке новых стен оказались в черте города.

Скученность жилищ в Бухаре достигала невероятных масштабов, и зодчим приходилось проявлять чудеса небывалой изобретательности, сооружая 2–3-этажные каркасные жилища. Например, в старой еврейской махалля жилые дома в несколько этажей представляли собой прижатые друг к другу и сильно вытянутые вверх строения с внутренним двором-колодцем, в который выходили окна: на дне таких колодцев всегда было темно, грязно и душно.

Бухара была разбита на большое число гузаров (кварталов), которые представляли собой исторически сложившуюся административно-бытовую систему города. Жители издавна селились в Бухаре слободами, что нашло свое отражение и в названиях многих гузаров: в Пухтабофон жили лучшие ткачи, Ахтари – оскопители баранов, коз и телят, Зубда – продавцы пахучих трав, Лойхуракон – едоки глины, Гарибия – безродные и т. д.

Дворец эмира на площади Регистан – это небольшая, но высокая и неприступная крепость с одними воротами. В средние века вход в него шел по пандусу, круто поднимающемуся вверх через башенные ворота и крытый проезд. В одной из стен дворца на недостижимой высоте виднеется окошечко, в которое эмир показывался народу. Под ним располагался бухарский арсенал – небольшой навес, из-под которого выглядывали пушки.

Рядом с входными воротами висела огромная плеть (камчин) – символ эмирской власти. В верхнем ярусе ворот Арка были установлены вывезенные из Коканда трофейные часы-куранты, которые звонили каждый час. Во время религиозных праздников, отъезда и приезда эмира, а также во время выдачи войскам денег в цитадели играл оркестр.

Внутри цитадели, под самым пандусом, находились помещения страшной «канакханы» – камеры для заключенных. Персидские клопы (кана), которые обитали в этих печально известных камерах, впивались в тела узников, доставляя им жестокие мучения. Под террасой, располагавшейся справа от входа, умерщвляли женщин, обвиненных в прелюбодеянии или в занятиях «самой древней профессией». Несчастных привязывали к доске, которую потом сталкивали вниз: жертвы почти всегда умирали, не достигнув земли. Площадь перед входом в эмирский дворец не раз обагралась кровью, когда здесь совершались тоже печально знаменитые бухарские казни – вспарывание горла ножом.

Недалеко от эмирского дворца красуются башня и высокий столб – все, что осталось от древнего дворца Тамерлана, так называемого «Белого замка». Предания рассказывают, что с этого столба когда-то бросились вниз 40 придворных, чтобы подхватить бумагу, которую ветер выхватил из рук их повелителя.

Средневековые царило в Бухаре еще и в середине XIX века, и мало кто мог заглянуть в этот скрытый мир. За несколько веков до этого только несколькими русским посольствам удалось побывать в Бухаре, а некоторым путешественникам их любопытство стоило жизни. В 1823—1824-е годы здесь побывали англичане Муркрафт и Дэври, но на обратном пути они по приказу эмира были отравлены, а дневники их бесследно исчезли.

В 1837 году в Бухаре встретились русский прапорщик Виткевич и британский лейтенант Бёрнс. О том, что им удалось узнать, они тоже не успели рассказать миру: англичанин вскоре был убит, а Виткевича в тот день, когда он должен был докладывать царю Николаю I о своем путешествии, нашли мертвым в номере петербургской гостиницы.

Но в настоящее время громкая слава этого древнего города привлекает тысячи туристов со всех концов земного шара. Около 140 исторических памятников далекого прошлого сохранилось в Бухаре, и почти о каждом из них сложены легенды и предания.

Ни один город не имел столько названий, как Бухара. Русский ученый Б. Бартольд считал, что название «Бухара» происходит от санскритского слова «Бихара», что означает «монастырь». «Бухара-и-Шариф» («Благородная Бухара») – с почтением произносили на всем Востоке в знак особого уважения к городу талантливых мастеров, зодчих и великих ученых древности.

«Благородная Бухара» – это своего рода учебник оригинального зодчества для архитекторов и строителей. Войдите в любое медресе – медресе Улугбека, медресе Абдализ-хана или Кош-медресе, – и вы сразу увидите, как извилист коридор, по которому вы идете. Это делалось для того, чтобы горячий воздух быстрее остывал, циркулируя по зданию непрямым путем. И еще для того, чтобы входящий лучше обдумывал цель своего визита, идя по этим длинным коридорам...

Древние Афины

Акрополь

Олива – священное для греков дерево, дерево жизни. Без него невозможно представить греческие долины, зажатые между горами и морем, да и сами каменистые склоны гор, где оливковые рощи чередуются с виноградниками. Оливы взбираются почти к самым вершинам, они господствуют и на равнинах, своей сочной зеленью скрашивая желтоватую почву. Они тесным кольцом окружают деревни и выстраиваются вдоль городских улиц. Неприятельные и жизнелюбивые, оливы уходят своими корнями не только в каменистую почву Греции, но и в причудливый мир ее мифов и легенд.

Местом рождения священного дерева считается Акрополь – холм, вокруг которого и раскинулась греческая столица. Города античного мира обычно появлялись возле высокой скалы, на ней же возводилась и цитадель (акрополь), чтобы жителям было где укрыться при нападении врагов.

Начало Афин теряется во временах баснословных. Первый царь Аттики Кекроп, прибывший в страну в 1825 году до нашей эры, построил на Акрополе крепость с царским дворцом. При Кекропе состоялся и известный спор между богом Посейдоном и богиней Афиной за обладание Аттикой. Олимпийские боги во главе с Зевсом выступали судьями в этом споре, когда Афина и Посейдон принесли свои дары городу. Ударом трезубца рассек Посейдон скалу, и из камня ударил соленый источник. Глубоко вонзила в землю свое копьё Афина, и на этом месте выросла олива. Все боги поддержали Посейдона, а богини и царь Кекроп – Афины. По другому преданию, Посейдон произвел лошадь, но и она была признана

для жителей Аттики менее полезной, чем оливковое дерево. Разгневанный проигрышем бог послал на равнину вокруг города огромные волны, от которых можно было укрыться только на Акрополе. За жителей заступился громовержец Зевс, да и сами горожане умилились Посейдона, пообещав воздвигнуть в его честь храм на мысе Сунийон, что впоследствии и сделали.

Первоначально весь город и состоял только из крепости, только потом вокруг Акрополя стали селиться люди, стекавшие сюда со всей Греции как в безопасное от нашествий кочевых племен место. Постепенно здесь образовались группы домов, которые затем были объединены вместе с крепостью в единый город. Предание, которому следовали и греческие историки, указывает, что произошло это в 1350 году до нашей эры, и приписывает объединение города народному герою Фезею. Афины лежали тогда в небольшой долине, окруженной цепью скалистых холмов.

Превращать Акрополь из крепости в святилище первым стал властитель-тиран Писистрат. Но он был умным человеком: придя к власти, он приказал приводить к себе во дворец всех бездельников и спрашивал их, почему они не работают. Если выяснялось, что это бедняк, у которого нет вола или семян, чтобы вспахать и засеять поле, то Писистрат давал ему все. Он считал, что безделье таит в себе угрозу заговора против его власти. Стремясь обеспечить население Афин работой, Писистрат развернул в городе большое строительство. При нем на месте царского дворца Кекропа был возведен Гекатомпедон, посвященный богине Афине. Греки так высоко почитали свою покровительницу, что отпустили на волю всех рабов, участвовавших в строительстве этого храма.

Центром Афин была Агора – рыночная площадь, где размещались не только торговые лавки; это было сердце общественной жизни Афин, здесь располагались залы для народных, военных и судебных собраний, храмы, алтари и театры. Во времена Писистрата на Агоре были воздвигнуты храмы Аполлона и Зевса Агорая, девятиструйный фонтан Эннеакрунос и алтарь Двенадцати богов, который служил прибежищем для странников.

Строительство храма Зевса Олимпийского, начатое при Писистрате, затем по многим причинам (военным, экономическим, политическим) было приостановлено. По преданию, место это с древних времен было центром, где поклонялись Зевсу Олимпийскому и Земле. Первый храм здесь был устроен еще Девкалионом – греческим Ноем, впоследствии здесь указывали гробницу Девкалиона и трещину, в которую стекала вода после потопа. Каждый год, в февральское новолуние, жители Афин бросали туда пшеничную муку, смешанную с медом, как приношение усопшим.

Храм Зевса Олимпийского начал строиться в дорическом ордере, но ни Писистрат, ни его сыновья не успели закончить его. Заготовленные для храма строительные материалы в V веке до нашей эры стали использовать для возведения городской стены. Возобновили строительство храма (уже в коринфском ордере) при сирийском царе Антиохе IV Эпифане в 175 году до нашей эры. Тогда были построены святилище и колоннада, но из-за смерти царя и на этот раз возведение храма не было завершено. Разрушение недостроенного храма было начато римским завоевателем Суллой, который в 86 году до нашей эры захватил и разграбил Афины. Он вывез¹² несколько колонн в Рим, где они украсили Капитолий. Лишь при императоре Адриане было закончено строительство этого храма – одного из самых больших сооружений античной Греции, по размерам своим равнявшегося футбольному полю.

В открытом святилище храма возвышалась колоссальная статуя Зевса, выполненная из золота и слоновой кости. Позади храма стояли четыре статуи императора Адриана, кроме того, много статуй императора стояло в ограде храма. Во время землетрясения 1852 года одна из колонн храма Зевса Олимпийского рухнула, и сейчас она лежит, распавшись на

¹² Впоследствии также поступали венецианцы и генуэзцы.

составляющие ее барабаны. К настоящему времени от 104 колонн, которые были самыми большими в Европе, осталось только пятнадцать.

Ученые предполагают, что Писистратом (или при Писистратах) был заложен и знаменитый Парфенон, впоследствии разрушенный персами. Во времена Перикла этот храм отстроили заново на основании вдвое больше прежнего. Парфенон воздвигли в 447–432 годах до нашей эры архитекторы Иктин и Калликрат. С четырех сторон его окружали стройные колоннады, а между их беломраморными стволами виднелись просветы голубого неба. Весь пронизанный светом, Парфенон кажется легким и воздушным. На его белых колоннах нет ярких рисунков, какие встречаются в египетских храмах. Только продольные желобки (каннелюры) покрывают их сверху донизу, отчего храм кажется выше и еще стройнее.

В скульптурном оформлении Парфенона участвовали самые известные греческие мастера, а художественным вдохновителем был Фидий – один из величайших скульпторов всех времен. Ему принадлежат общая композиция и разработка всего скульптурного декора, часть которого он выполнил сам. А в глубине храма, окруженная с трех сторон двухъярусными колоннами, горделиво высилась знаменитая статуя девы Афины, созданная прославленным Фидием. Ее одежда, шлем и щит были сделаны из чистого золота, а лицо и руки сияли белизной слоновой кости. Творение Фидия было настолько совершенно, что правители Афин и иноземные властители не решались возводить на Акрополе другие сооружения, чтобы не нарушать общей гармонии. Парфенон и сегодня поражает удивительным совершенством своих линий и пропорций: он похож на корабль, плывущий через тысячелетия, и можно до бесконечности смотреть на его пронизанную светом и воздухом колоннаду.

На Акрополе находился и храмовый ансамбль Эрехтейон с прославленным на весь мир портиком кариатид: на южной стороне храма, у края стены, шесть высеченных из мрамора девушек поддерживали перекрытие. Фигуры портика – это, по сути, опоры, заменяющие столб или колонну, но они прекрасно передают легкость и гибкость девичьих фигур. Турки, захватившие в свое время Афины и не допускавшие по своим исламским законам изображений человека, уничтожать кариатид, однако, не стали. Они ограничились лишь тем, что стесали лица девушек.

Единственным входом на Акрополь являются знаменитые Пропилеи – монументальные ворота с колоннами в дорическом стиле и широкой лестницей. По преданию, однако, есть и тайный вход на Акрополь – подземный. Он начинается в одном из старых гротов, и 2500 лет назад по нему уполз из Акрополя священный уж, когда армия персидского царя Ксеркса напала на Грецию.

В античной Греции Пропилеями (буквальный перевод – «стоящие перед воротами») называли торжественно оформленный вход на площадь, в святилище или крепость. Пропилеи афинского Акрополя, сооруженные архитектором Мнесиклом в 437–432 годах до нашей эры, считаются самым совершенным, самым оригинальным и в то же время самым типичным сооружением подобного рода архитектуры. В древности в обыденной речи Пропилеи называли «Дворцом Фемистокла», позднее – «Арсеналом Ликурга». После завоевания Афин турками в Пропилеях действительно был устроен арсенал с пороховым погребом.

На высоком пьедестале бастиона, некогда охранявшего вход на Акрополь, высится небольшой изящный храм богини победы Ники Аптерос, украшенный невысокими барельефами с изображениями на темы греко-персидских войн. Внутри храма была установлена позолоченная статуя богини, которая так понравилась грекам, что они простодушно упростили скульптора не делать ей крыльев, чтобы она не могла покинуть прекрасные Афины. Победа непостоянна и перелетает от одного противника к другому, поэтому афиняне и изображали ее бескрылой, чтобы богиня не покинула город, одержавший великую победу над персами.

После Пропилей афиняне выходили на главную площадь Акрополя, где их встречала 9-метровая статуя Афины Промехос (Воительницы), также созданная скульптором Фидием. Она была отлита из трофейного персидского оружия, захваченного в битве при Марафоне. Пьедестал был высоким, и позолоченный наконечник копья богини, сверкавший на солнце и видимый далеко с моря, служил своеобразным маяком для мореплавателей.

Когда в 395 году Византийская империя отделилась от римской, Греция оказалась в ее составе, и до 1453 года Афины входили в состав Византии. Великие храмы Парфенон, Эрехтейон и другие были превращены в христианские церкви. Вначале это нравилось и даже помогало афинянам, новообращенным христианам, так как позволяло им совершать новые религиозные ритуалы в привычной и знакомой обстановке. Но к X веку сильно уменьшившееся население города стало неудобно чувствовать себя в огромных величественных постройках прошлых времен, да и христианская религия требовала другого художественно-эстетического оформления храмов. Поэтому в Афинах стали строить значительно меньшие по размерам христианские церкви, к тому же совершенно другие по художественным принципам. Самая старая церковь византийского стиля в Афинах – это церковь Святого Никодима, построенная на развалинах римских терм.

В Афинах постоянно чувствуется и близость Востока, хотя трудно сказать сразу, что именно придает городу восточный колорит. Может быть, это мулы и ослики, запряженные в повозки, какие встречаются на улицах Стамбула, Багдада и Каира? Или сохранившиеся кое-где минареты мечетей – немые свидетели бывшего владычества Великой Порты? А может быть, наряд гвардейцев, стоящих на страже у королевской резиденции – ярко-красные фески, юбочки выше колен и войлочные туфли с загнутыми вверх носами? И конечно, это древнейшая часть современных Афин – район Плака, восходящий еще ко временам турецкого господства. Этот район сохранили в том виде, в каком он существовал до 1833 года: узкие, не похожие друг на друга улочки с небольшими домами старой архитектуры; лестницы, соединяющие улицы, церквушки... А над ними возвышаются величавые серые скалы Акрополя, увенчанные мощной крепостной стеной и поросшие редкими деревьями.

За небольшими домиками расположились римская Агора и так называемая Башня ветров, которую в I веке до нашей эры подарил Афинам богатый сирийский торговец Андроник. Башня ветров – это восьмигранное сооружение высотой чуть больше 12 метров, грани его строго ориентированы по сторонам света. На скульптурном фризе Башни изображены ветры, дующие каждый со своей стороны.

Башня была построена из белого мрамора, а наверху ее стоял медный Притон с жезлом в руках: поворачиваясь по направлению ветра, он показывал жезлом на одну из восьми сторон Башни, где в барельефах было изображено восемь ветров. Например, Борей (северный ветер) изображался старцем в теплой одежде и полусапожках: в руках он держит раковину, которая служит ему вместо трубы. Зефир (западный весенний ветер) предстает босоногим юношей, который из полы своей развевающейся мантии рассыпает цветы... Под барельефами, изображающими ветры, на каждой стороне Башни помещены солнечные часы, которые показывают не только время суток, но также оба поворота солнца и равноденствие. А чтобы можно было узнать время в пасмурную погоду, внутри Башни помещена клепсидра – водяные часы.

Во времена турецкой оккупации почему-то считалось, что в Башне ветров похоронен философ Сократ. Где умер Сократ и где точно находится гробница древнегреческого мыслителя – у древних писателей прочитать об этом нельзя. Однако в народе сохранилось предание, указывающее на одну из пещер, которая состоит из трех камер – частью естественных, частью специально вырезанных в скале. Одна из крайних камер имеет еще особое внутреннее отделение – наподобие низкого круглого каземата с отверстием вверху, которое закрывается каменной плитой...

Нельзя в одной статье рассказать обо всех достопримечательностях Афин, ибо каждый камень здесь дышит историей, каждый сантиметр земли древнего города, на которую невозможно вступать без трепета, священен... Недаром греки говорили: «Если ты не видел Афин, то ты – мул; а если видел и не был восхищен, то ты – пень!»

Святой град Иерусалим

Иерусалим. Вид с Масличной горы

Иерусалим – святой город для многих миллионов жителей нашей планеты. Первое упоминание о нем относится к середине II тысячелетия до нашей эры, с тех пор Иерусалим входил в состав или становился столицей целого ряда государств, в которых господствующими религиями были иудаизм, христианство и ислам. Это наложило определенный отпечаток и на архитектуру всего города в целом, и на характер отдельных его святынь.

По преданию, именно в Иерусалиме находится «Пуп земли» – на Храмовой горе, с которой Господь Бог и начал творить земную твердь. Храмовая гора была тем местом, где Авраам готовился принести в жертву своего сына Исаака, поэтому ее еще называют Мориа – «явление Божие».

В Библии об Иерусалиме впервые упоминается в «Книге Иисуса Навина» (10,1), где сказано, что Адониседек был царем Иерусалима, прежде чем Израиль захватил его, и было это за 400 лет до того, как царь Давид полностью завладел этим городом. Во второй «Книге Самуила» об этом говорится так:

И пошел царь с воинствами своими в Иерусалим против Иевусеев, живших в этой стране; и они сказали Давиду: ты не войдешь сюда, ибо даже слепые и хромые отразят тебя... Но Давид взял крепость Сион... поселился в крепости, и обстроил ее кругом от вала до середины.

Возможно, название городу дали хананеи, хотя город называли также и Иевусом. Иерусалим был взят иудеями у иевусеев и предан огню, но не все иевусеи были изгнаны из него. Когда царь Давид начал царствовать над всеми коленами Израиля, некоторые иевусеи поселились в районе укрепленного Иерусалима. Эта крепость впоследствии была тоже взята, и Иерусалим стал царским городом.

Сам град Давидов располагался на невысоком холме Офел. В ходе археологических раскопок ученые установили, что город строился на террасах, которые поддерживались мощными стенами. Остатки этих стен толщиной около 2,5 метра были обнаружены археологами на восточном склоне холма, кроме того, удалось раскопать остатки сооружений и зданий, относящихся к эпохе иудейских царей (VIII–VII вв. до н. э.).

На территории Города Давида находятся Силоамская купель и источник Гихон, который известен также под названием «Фонтан Марии» (по преданиям, Пресвятая Дева Мария приходила сюда стирать). От этого источника в основном зависело водоснабжение древнего Иерусалима. К юго-западу от «Фонтана Марии» находится Силоамский пруд, в котором Иисус Христос исцелил человека, слепого от рождения. Сегодня над прудом высится минарет мечети, построенной на развалинах древнего христианского храма.

При царе Соломоне Иерусалим, расположенный на холмистой и сильно пересеченной местности, сильно разбогател, и в нем был построен Первый иерусалимский храм. Храм был возведен по плану, данному для скинии Моисеевой, только в больших размерах и с теми приспособлениями, какие были необходимы в богатом и неподвижном святилище, поэтому он был великолепнее скинии.

Вавилонский царь Навуходоносор в 589 году до нашей эры захватил Иерусалим, сжег город и до основания разрушил Храм Соломона, а народ иудейский был уведен в рабство. В разрушенном Иерусалиме остался пророк Иеремия, плакавший на развалинах города, который он называл «столицей, слывшей совершенством красоты и радостью всей земли». Только через 70 лет, при персидском царе Кире, иудеи возвратились в Иерусалим и положили основание Второму иерусалимскому храму.

Почтенный возраст Иерусалима приближается к 4000 годам, и за этот период город пережил много превратностей судьбы. К временам Иисуса Христа он уже входил в состав Римской империи, а в период Иудейской войны, когда в 70 году уже новой эры иудеи подняли восстание, Иерусалим был разрушен римлянами. В старинных хрониках записано об этом так: «Римский легат прошел несколько шагов за плугом, запряженным волами, и этим символическим жестом «закопал» город».

Долгое время город лежал в развалинах, и только в 136 году он был заново отстроен императором Адрианом и назван «Элия Капитолина». Когда император Константин принял христианство, он разрушил все языческие капища в Иерусалиме, а в 326 году его мать, царица Елена, начала возводить храм над Гробом Господним. Но храм этот простоял менее 300 лет: в 614 году Иерусалим был захвачен и разграблен Персией, потом он перешел в руки турок, в 1099 году его захватили крестоносцы, от которых его освободил султан Саладин. Иерусалим пережил еще несколько осад, пока в 1517 году не попал под влияние Османской империи.

Исторически Иерусалим состоит из Старого и Нового города. При разделе Палестины в 1948 году к Израилю отошел в основном Новый город, который от мусульманской части отделен массивной стеной. Старый Иерусалим – музейный город: он остался таким, каким был много веков назад, и никогда не подвергался реконструкции или перепланировке. Пройти сюда можно только пешком: автомобили остаются у белоснежных ворот, за которыми тянутся узкие улочки, сплошь застроенные маленькими лавочками.

В Старый город сегодня можно попасть через одни из семи действующих ворот, например, через Шхемские, построенные в XVI веке на месте, где был проход в стене, существовавшей еще во времена царя Ирода. Даже и сейчас в основании стены у Шхемских ворот видны гигантские тесаные блоки, оставшиеся от того времени. Эти ворота издавна считались отправной точкой путешествий в Шхем и Дамаск, и потому их называют еще и Дамаскскими. Через эти ворота когда-то пришел в Иерусалим праотец Авраам, через них же перед

иудейской Пасхой въехал в город на ослице и Иисус Христос, принимая восторженные приветствия народа иудейского.

Наибольшей популярностью у туристов пользуются Яффские ворота, получившие свое название от начинавшейся у них дороги на Яффу. Построены они были в середине XVI века, а в 1898 году для проезда германского императора Вильгельма в них была пробита широкая брешь, оставшаяся с тех пор незаделанной. Справа от Яффских ворот (с внутренней стороны) расположилась так называемая «Цитадель Давида», но именуют ее так больше в духе народных традиций. В действительности оборонительные сооружения на этом месте впервые были возведены во времена хасмонеев. Впоследствии царь Ирод на фундаменте этого сооружения построил цитадель для защиты царского дворца. Цитадель имела три башни, названные Гиппикус, Фасаэль и Мариамна – по именам друга, брата и жены царя Ирода. Цитадель издавна являлась мощнейшим оборонительным сооружением Старого города, в частности, именно она явилась единственным укреплением, которое крестоносцы не смогли взять приступом. Но бурные века истории не прошли для Цитадели бесследно, и от времен царя Ирода до нас дошли лишь ее фундамент и нижняя часть башни Фасаэль.

Место, где стоит гробница царя Давида, находится вне стен Старого города. По мнению некоторых исследователей, оно даже не является местом достоверного захоронения царя Давида, однако многовековые народные предания настаивают на том, что именно здесь похоронен прославленный царь Израиля.

Здание, в котором находится усыпальница царя Давида, увенчано минаретом. Это произошло в XVI веке, когда стоявший на этом месте христианский храм был превращен турками в мечеть пророка Давида. На первом этаже здания разместился просторный каменный саркофаг, накрытый бархатным покрывалом. На саркофаге в день празднования независимости Израиля можно увидеть небольшие серебряные короны: число их равняется числу лет существования современного государства Израиль.

Непосредственно от Цитадели начинается **Армянский** квартал Старого города. Армяне обосновались в Иерусалиме в IV веке нашей эры, спасаясь от преследований у себя на родине. В этом квартале разместился Армянский монастырь, на территории которого находится Кафедральный собор Святого Иакова – первого христианского епископа Иерусалима. Возведение собора относится к XII веку, и потому он является памятником раннего христианского зодчества.

Рядом с Кафедральным собором расположена резиденция армянского патриарха, воздвигнутая в 1853 году. В этом же здании находится хранилище древних манускриптов и бесценных реликвий, в числе которых и скипетр последнего царя Армении.

Неподалеку от духовной семинарии находится церковь Масличного дерева – дом жреца Анна. Прежде чем отправить Иисуса Христа в дом первосвященника Каиафы, Его привели и привязали к старому масличному дереву именно в этом месте.

В Армянском квартале расположился и Ассирийский ортодоксальный монастырь, а в нем богато украшенная по фасаду церковь, относящаяся к XII веку. Построена она на месте предполагаемого дома Марии – матери Святого апостола Марка. Согласно преданиям, именно в этот дом пришел Святой апостол Петр, выведенный из темницы ангелом.

В этой церкви находится каменная купель, покрытая серебром, в которой была крещена Пресвятая Дева Мария. Обращает на себя внимание и позолоченный резной трон патриарха, расположенный возле алтаря. Монахи этой церкви отправляют свои службы на арамейском языке – языке времен праотца Авраама.

На юго-западе к Армянскому кварталу территориально примыкает **Еврейский** квартал Старого Иерусалима. В нем особенно выделяется заново отстроенный комплекс из четырех действующих синагог, первоначально возведенных в XVI веке сефардскими евреями. Эти синагоги являлись центром еврейской общины: по преданию, рабби Иоханан бен Заккай,

величайший знаток талмудического учения своего времени, именно здесь в последний раз молился перед уходом из Святого города, осажденного римлянами. Здесь же на протяжении веков посвящался в сан главный раввин сефардов, носивший титул «Ришон Лецион» («Первый в Сионе»).

Все четыре синагоги, разместившиеся в одном здании, представляют собой скромных размеров молельни. Самой большой из них является синагога имени рабби Иоханана бен Заккая. Ее стена у амвона украшена росписью по иерусалимским мотивам в голубых и золотых тонах. Из этой синагоги три двери ведут в помещения других синагог...

В северо-восточной части Старого города находится **Мусульманский** квартал со знаменитыми мечетями «Купол скалы»¹³ и Аль-Акса («Отдаленнейшая»). В VI веке на части территории Храмовой горы византийским императором Юстинианом была возведена христианская базилика «Введение Богородицы во храм». Но когда войска халифа Омара захватили Иерусалим, то на ее руинах возвели мечеть, которую потом называли Аль-Акса. Строительство мечети Аль-Акса обычно приписывают Абдул Малику ибн-Марвону, знаменитому багдадскому халифу из династии Омейядов, который построил ее будто бы в 693 году. Однако некоторые историки считают, что честь возведения мечети принадлежит его сыну – халифу аль-Валиду; другие сходятся на том, что строительство мечети начал отец, а закончил сын, проявлявший большой интерес к архитектуре.

Землетрясение 747 года сильно повредило «Отдаленнейшую» мечеть, и она нуждалась в срочном ремонте, особенно восточная и западная ее части. Халиф Абу Джафар аль-Мансур (уже из династии Аббасидов) хотел отремонтировать ее, но достаточных средств у него не было. И тогда он приказал снять золото и серебро с дверей мечети, продать их и на вырученные деньги сделать ремонт. Восстановление мечети Аль-Акса было закончено только через 25 лет, но уже через три года новое землетрясение разрушило большую часть здания. После захвата Иерусалима крестоносцами часть мечети была превращена в церковь, которую называли «Палатиум» (или «Тамплум Соломонис»): в ней разместилась резиденция рыцарского Ордена тамплиеров, в другой части расположились жилые помещения для членов Ордена.

Султан Саладин, изгнавший крестоносцев из Иерусалима, приказал вернуть мечети Аль-Акса ее прежний вид: по его указанию пол и стены мечети покрыли плитами, а внутреннее убранство ее обогатилось новой мозаикой. «Отдаленнейшая» мечеть построена в виде прямоугольника, все пропорции которого очень четко соблюдены. Два ряда колонн делят длинный зал на три примерно равные части. В северном крыле зала обозначено место, откуда вознесся на небо пророк Мухаммед. Пол мечети застлан толстыми коврами, а сквозь витражи, помещенные высоко под потолком, льется мягкий неяркий свет.

Мечеть имеет огромное подвальное помещение более древней кладки, которое известно под названием Соломоновых конюшен: эти подземные помещения рыцари-тамплиеры действительно использовали в качестве конюшен.

Северо-западная часть Старого Иерусалима занята **Христианским** кварталом. Заселение его началось в IV веке, когда над развалинами римского языческого храма византийский император Константин воздвиг храм Гроба Господня, много претерпевший впоследствии от пожаров, землетрясений и войн. Этот храм можно представить себе наподобие русских церквей, отделенных оградой от других мест. На самом деле это не так: около главного храмового здания сделано много различных пристроек, так как все стараются быть поближе к Гробу Господню. В настоящее время храм принадлежит общинам римских католиков, православных греков, армян, коптов, сирийцев и эфиопов.

¹³ Подробнее о ней можно прочитать в книгах «100 великих чудес света» и «100 великих сокровищ».

Русские паломники издавна пользовались особыми привилегиями в Святой земле, находившейся под управлением турецкой администрации. Со всех посетителей Храма Вознесения турки брали плату, но богомольцы из России от нее освобождались. Русские цари присылали греческому духовенству, состоявшему при Гробе Господнем, не только золото и «мягкую рухлядь» (меха), но также великолепные иконы, драгоценные предметы церковного искусства и богослужебные книги. А в 1841 году возникла идея учредить в Иерусалиме Русскую духовную миссию. Тогда в Святейшем синоде Российской империи решили утвердить постоянное пребывание на Святой земле русского архимандрита и нескольких монахов. Официальное открытие миссии состоялось в 1847 году. Тогда Палестина являлась частью Османской империи, и, когда вспыхнула Русско-турецкая война, всему составу русской духовной миссии пришлось вернуться на родину.

После заключения в 1858 году мира с Турцией в Иерусалим был направлен новый состав миссии, и в том же году здесь было учреждено Русское императорское генеральное консульство. Русская духовная миссия выполняла в Иерусалиме и дипломатические функции, подчиняясь одновременно Святейшему синоду и Министерству иностранных дел России.

В 1859 году был образован Палестинский комитет, который впоследствии стал называться Российским императорским палестинским обществом. Эта организация заботилась о быте русских паломников, занималась просветительской деятельностью, вела научно-археологические изыскания, издавала свои журналы. На пожертвования царского дома Романовых и простых паломников Палестинское общество приобретало в Святой земле участки земли, на которых строились православные храмы и возникали русские поселения.

В 1889 году Палестину посетил великий князь Сергей Александрович. Увлекавшийся древностями, он за свой счет производил на приобретенных Россией землях раскопки: по некоторым сведениям, именно великий князь Сергей Александрович обнаружил и доказал, где находится Голгофа – место распятия Спасителя.

На основании Ветхого Завета нельзя было устраивать кладбища в черте города. Служитель претора, сопровождавший осужденного на казнь, доходил с ним до ворот городской стены, вешал на шею приговоренному приговор, который уже не подлежал обжалованию. Место пересечения выхода из города и стены получило название Судных врат: эти ворота и стена были разрушены римским императором Титом в 70 году и никогда потом не восстанавливались. Их следы удалось обнаружить только в 1859 году, когда царское правительство купило часть земли для постройки здания консульства, которое потом начали возводить в другом месте.

При расчистке купленного участка и были найдены старая стена (высотой до трех метров), римская мостовая и следы ворот с порогом, которые и были признаны Судными вратами. На месте раскопок были построены Александровское подворье и церковь во имя Святого Александра Невского.

Александровское подворье – это дом, выкрашенный белой и зеленой краской, и потому он кажется кусочком Эрмитажа. В Александровском подворье хранится картина И.Е.Репина «Голова Христа» и множество других даров от русских паломников. И сам дом, и картины принадлежат русским монахиням.

Деятельность Российского императорского палестинского общества навсегда прервала Первая мировая война. Весь его персонал, как и состав Русской духовной миссии, был выслан со Святой земли, храмы закрыты, а монастыри и приюты заняли турецкие солдаты. Только в 1919 году, после распада Османской империи, в Иерусалим стали возвращаться монашествующие, и возобновились богослужения в Троицком соборе, построенном в 1867 году.

Виа Долороза (Крестный путь) – одно из самых почитаемых христианских мест Иерусалима. Двадцать столетий наложили непроницаемую завесу на топографию святого города, а новые поколения перенесли путь, по которому Сын Человеческий шел на Голгофу. Но каждый попавший в Иерусалим непременно старается последовательно пройти путь страданий Спасителя от Гефсиманского сада, где Он был схвачен стражей, до места Его распятия.

Свою историю современный Иерусалим отсчитывает с середины XIX века, когда началось строительство **Нового** города за пределами городских стен. Это строительство связано с именем лондонского банкира Мозеса Монтефиоре, по происхождению сефардского еврея. В 1849 году он купил участок земли вне стен города, а потом по его инициативе и при его финансовой поддержке был основан «Мишкенот Шеананим» («Обитель мира») – первый район нового Иерусалима. Тот скромный одноэтажный дом, положивший начало Новому городу, сохранился до наших дней, и сейчас в нем размещена гостиница Иерусалимского муниципалитета.

В 1868 году был заложен еще один квартал Нового города – «Маханэ Исраэль» («Пританище Израиля»), через год еще один, и со временем за пределами Старого города возникло много жилых районов, попасть в которые можно было только через железные ворота, запиравшиеся с наступлением темноты.

Дома в Новом городе строились в виде каре, а обращенные внутрь двери квартир выходили на длинные террасы. Внешние окна с крепкими решетками были подняты над землей выше человеческого роста. Таким характерным кварталом является «Меа Шеарим» («Сто крат»), общий вид которого сохранился и до наших дней. Этот квартал был основан в 1874 году, когда еще одна группа евреев решила построить себе жилища вне пределов Старого города. Строительство его было начато в ту неделю, когда в синагогах читали раздел Торы, где сказано: «И сеял Ицхак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь».

К концу XIX века за пределами Старого города начали возникать также многочисленные церкви и монастыри различных христианских организаций. Сейчас в Иерусалиме развернуты строительные работы по воссоединению Старого и Нового города, но категорически запрещено строить слишком высокие здания, чтобы они не могли возвышаться над древними сооружениями.

Императорский Пекин

Слово «Пекин» – не собственное имя города, а нарицательное, и означает оно «Северная столица». Это название город носил, пока существовала «Южная столица» – город Нанкин. История не сохранила свидетельств о начале основания Пекина. Первым императором, который имел резиденцию на месте нынешнего Пекина, был потомок Хуанди, получивший страну в удел в 1121 году до нашей эры. Город тогда назывался Цзи, но с падением династии Янь в 922 году до нашей эры Пекин перестал быть столицей. С того времени в течение 11 веков в его истории было много перемен, и Пекин назывался по-разному – Дасин, Бэйцзин, Бэйпин и т. д. Это зависело от того, какая династия господствовала в Северном Китае в тот или иной исторический период.

В 936 году Пекин захватили кидане, и через два года Тхай цзун «одел» городские стены кирпичом, ибо до этого времени городскими стенами служили просто глиняные валы. Случалось и так, что город утрачивал свое имя после того, как в своей многовековой истории подвергался очередному разрушению. Например, император монгольской династии Хубилай приказал до основания разрушить город и на его руинах построить новый. Приказ был приведен в исполнение с той неумолимостью, с какой всегда действовали монгольские завоеватели: старый город назывался Дасин, новый получил имя Дайду.

Но несмотря на все опустошительные набеги, которым Пекин подвергался на протяжении многих столетий, он остается едва ли не единственным большим городом Китая, который сохранил свою древность. Ни один из городов страны не дает такого полного представления о древней китайской архитектуре, как Пекин. Одна из его архитектурных особенностей заключается в строгой геометричности планировки: улицы, словно стрелы, пронизывают китайскую столицу из конца в конец.

Пекин разделяется на две части – Внутренний город и Внешний. Во Внутреннем городе, в свою очередь, располагаются еще два – Императорский и Гугун («Запретный город»), спланированный с особой тщательностью.

Во Внутреннем городе были распланированы довольно широкие улицы, идущие с юга на север и с запада на восток. Главные из них застроены красивыми зданиями, окруженными зелеными деревьями. На боковых улицах располагаются постройки с небольшими дворами, скрытые от глаз прохожего глухими серыми заборами.

В прежние времена во Внутреннем городе жили только знатные феодалы. Простому народу запрещалось не то что селиться, но даже просто переночевать в нем. До сих пор еще сохранилась высокая каменная стена, которой с XV века была обнесена эта часть Пекина для защиты от вторжения неприятеля и от частых восстаний народа против своих правителей.

Весь Внутренний город принадлежал императору на правах частной собственности. Он жаловал дворцы, а иногда и целые кварталы своим придворным, особенно щедро награждал военных, возвращавшихся из победных походов. Военачальники, потерпевшие поражение или впавшие в немилость, если и оставались в живых, то лишались права жить во Внутреннем городе и вместе со своей свитой удалялись за его пределы.

Каждый из районов Внутреннего города был обнесен своей собственной крепостной стеной, а Императорский город – стеной, длина которой составляла около 24 километров, высота – 13 и толщина – 11 метров. Эту стену с девятью воротами возвели в 1421 году при Минской династии, а укрепили ее в 1439 году. Вдоль стены сооружено много башен с амбразурами и бойницами, а угловые и надвратные башни представляли собой многоэтажные сооружения – огромные дома с массивными кирпичными стенами, крытые многоярусной черепичной кровлей. Десятки квадратных окон прорезаны в стенах этих башен-крепостей.

«Запретный город», кроме того, был окружен глубоким рвом с водой. Берега этого рва отвесно выложены гранитом. Все площади в «Запретном городе» выложены тем же кирпичом, что и городские стены, а прямая дорога – большими плитами серого или беловатого гранита¹⁴.

В «Зале совершенной гармонии» Запретного города император принимал министров и военачальников и лишь иногда иностранных послов, но случалось это очень редко. Китайский император считался Сыном Неба, а все другие народы, не китайцы, относились к варварам. Поэтому иностранных послов и принимали в Пекине как представителей некультурных народов.

Жизнь европейцев в Пекине была совершенно обособлена от китайской общественной жизни вплоть до 1900 года. Китайское общество совершенно чуждалось европейцев, и отношения между ними складывались только деловые или служебные. Первый шаг к знакомству с европейцами сделала императрица Цы Си, пригласив к себе во дворец 1 декабря 1899 года супруг иностранных посланников, находившихся в Пекине. Но и после этого дело сближения китайского общества с европейцами мало продвинулось, и китайская жизнь оставалась для европейцев столь же чуждой и замкнутой, как и прежде.

Простые китайцы селились во Внешнем городе, основанном в середине XVI века на окраине Внутреннего города. Внешний город тоже был обнесен прочной крепостной стеной с башнями и несколькими большими воротами. Здесь проживали бедные рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, рикши и кули. Жили тут и крестьяне, привозившие для города продукты. Их поля и огороды располагались тогда на окраине Внешнего города, а иногда и прямо на его территории.

Знакомство с Императорским городом обычно начинается с площади Тяньаньмэнь, которая являлась своего рода административным центром Пекина. Здесь размещались военное министерство, министерства финансов, строительства и другие, среди которых особое место занимало министерство церемоний. Не только торжественные события и празднества должны были проходить по строго определенному ритуалу, но и каждый час жизни правителя «Поднебесной империи», каждый его шаг были обусловлены регламентированными правилами. Например, с высоты ворот Тяньаньмэнь спускали позолоченную фигурку птицы Феникс, которая в своем клювике приносила народу свиток с императорскими указами.

¹⁴ Подробнее о Запретном городе можно прочитать в книге «100 великих дворцов мира».

В конце 1980-х годов в архитектурный ансамбль площади Тяньаньмэнь органично вписался мавзолей Мао Цзэдуна. Этот «Дом Памяти», построенный в небывало короткие сроки (всего за 6 месяцев), сооружен в форме куба, высота которого равняется 33,6 метра. Это на 10 метров больше башни «Ворот небесного спокойствия», хотя по древним китайским канонам нельзя было возводить здания выше императорских сооружений.

Мавзолейный комплекс занимает территорию в 6 гектаров и весь утопает в зелени кипарисов, ив, боярышника и других растений. Перед фронтоном усыпальницы посажено 13 сосен, символизирующих число лет, которые Мао провел на революционной базе в Яньани. Всего в мавзолее 10 залов, но для посетителей открыты не все. Сначала они поднимаются в большой северный зал, который освещается 100 лампами, сделанными в форме соцветий подсолнечника. Здесь посетителей встречает мраморный Мао, сидящий в кресле. Стену этого зала украшает ковер небывалых размеров, общая площадь которого равняется 157 квадратным метрам. На нем изображены горы и реки, символизирующие просторы «Поднебесной империи».

Отсюда посетители направляются в центральный зал, в середине которого на высоком постаменте из черного гранита стоит хрустальный саркофаг: в нем, одетый в серый штатский френч, и покоится Мао Цзэдун.

В древнем Пекине есть много улиц, история которых восходит к временам правления императоров разных династий. Например, история улицы Люличан начинается в Танскую эпоху (618–907). Позже, во времена правления династии Юань, здесь стали появляться печи для обжига глазурованной черепицы, откуда и произошло название улицы. При династии Мин, когда Пекин превращался в императорскую столицу и шло бурное строительство дворцов и храмов, производство глазурованной черепицы расширилось. В люличанских мастерских стали изготавливать глазурованные навершия для крыш, керамические фигурки, наличники для обрамления окон и т. д. Здесь же можно было купить книги и «четыре драгоценности» для занятия каллиграфией – кисточку, тушь, тушечницу и бумагу.

Расцвет улицы Люличан пришелся на XVIII век, когда она стала местом встреч ученых, поэтов, а также людей, приезжавших для сдачи императорских экзаменов, чтобы получить государственную должность. Эти экзамены проводились только в Пекине, и к ним допускались лишь кандидаты, выдержавшие третью ученую степень. Экзамены проводились в специальном зале «чао-као», который представлял собой целый квартал, обнесенный каменной стеной. В зале располагалось около 20 каменных рядов, в которых помещались отдельные комнатки, не сообщающиеся друг с другом. В разных местах над этими комнатами возвышались открытые беседки, с которых надзиратели наблюдали, чтобы кандидаты писали свои работы самостоятельно и не могли общаться между собой. Принимались и другие меры предосторожности, чтобы экзамен был выполнен добросовестно, так как только получение высшей ученой степени открывало все двери для карьеры.

В этот период на улице Люличан было открыто около 30 книжных лавок, работали типографии. Особенно оживленно на улице становилось под Новый год – в Праздник фонарей, когда здесь во множестве продавались бумажные фонарики всевозможных форм и цветов, игрушки, лубочные картинки и т. д.

Сейчас старинная Люличан реконструируется: она расширяется, сносятся старые лавки и магазины и строятся новые здания. Каждый магазин старой Люличан имел свою специализацию, и сегодня над входами в современные магазины, на черных лакированных досках, с любовью выписаны иероглифы, воспроизводящие прежние поэтические названия: «Студия чарующей древности», «Кабинет изящной каллиграфии», «Храм счастливого облака».

В одном из районов Пекина бросаются в глаза наполовину красные столбы, а на них – окрашенные под золото двухъярусные крыши и многоцветные росписи. Это дворец «Юн

хэ гун», построенный в 1694 году и служивший резиденцией императора Юн Чжэна до того, как он вступил на престол.

В 1744 году на этом месте по повелению императора Цянь Луна начали возводить ламаистский монастырь. Монастырь представляет собой комплекс великолепных храмов и павильонов, в которых собраны шедевры буддийского искусства. Едва пройдешь под цветистой аркой этого храма, как сразу же почувствуешь терпкий запах курящихся ароматических палочек. Он присутствует в каждом зале, где восседают буддистские божества со своим окружением. Смешение красок и огромные размеры статуй просто потрясают. Вот, например, 25-метровая статуя Будды Майтреи, сделанная из цельного ствола южного кедра. Из провинции Юньнань это дерево везли в Пекин несколько лет, а потом еще три года продолжались работы над статуей. Сосредоточенно смотрит с высоты своего 18-метрового роста и другое изваяние Будды Майтреи, изготовленное из цельного сандалового дерева.

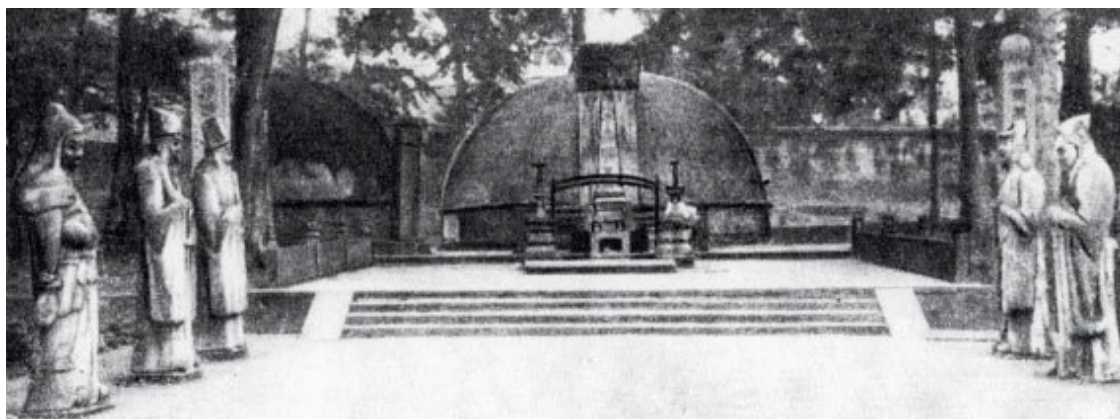
Есть в «Храме мира и спокойствия» (так переводится это название) изображения и не божественных деятелей. Держа перед собой ладони, сидит Цзонхава – основатель секты «желтошапочников» в Тибете. Голову его венчает подобие клобука, а с пальцев ниспадают ленты. На лице Цзонхавы выражение человека, который только что выполнил важное дело и теперь как будто постепенно приходит в себя...

В глубине одного из залов висит портрет и самого Цянь Луна. Висит очень высоко, а из-за расположенной внизу утвари подойти к нему поближе нельзя, словно «Сын Неба» держит всех на расстоянии. Изображение выдержано в бледных пастельных тонах, выражение глаз на этом портрете трудно различить: взгляд императора призрачен, как будто он и сейчас пребывает в состоянии медитации, которой предавался в стенах монастыря.

От верховного ламы император получил доспехи и освященный меч, они тоже находятся здесь, как и парчовая конная сбруя Цянь Луна. Охотясь в маньчжурских лесах, император уложил двух медведей весом почти 6000 килограммов: черные каменные изваяния этих гигантов стоят тут же – напротив друг друга. Их раскрытые пасти всегда наполнены бумажными деньгами, которые засовывают многочисленные паломники и туристы...

Невозможно рассказать во всех подробностях об истории и многочисленных достопримечательностях Пекина. Сейчас туристы со всего мира стараются побродить по старому городу ранним утром. В тумане пустынные буддистские пагоды и конфуцианские кумирни, словно сошедшие со старинных гравюр, напоминают о солидном возрасте китайской столицы – почти 3000 лет!

Ханчжоу – жемчужина Китая

Старинная китайская поговорка гласит: «Бог создал на небе рай, а на земле – Ханчжоу». И действительно, немного найдется на земле мест, которые бы живописностью своего расположения превосходили этот город. Редкое сочетание синеющих на горизонте горных вершин, обилие субтропических растений, безбрежная гладь озера Сиху уже 2000 лет назад привлекли внимание китайских градостроителей, основавших тут один из красивейших городов страны.

Некоторые путешественники считают Ханчжоу самым красивым городом Китая. А знаменитый венецианец Марко Поло, побывавший здесь в XIII веке, когда Ханчжоу был на вершине своей славы, назвал его самым великолепным городом мира.

Помимо живописных окрестностей, Ханчжоу интересен и в историческом отношении. В конце X века он был столицей княжества Уюе эпохи Пяти династий. Потом этот древний город был столицей Китая во времена правления династии Южная Сун (1127–1279).

Жемчужиной самого Ханчжоу является озеро Сиху (Западное), которым можно любоваться в любое время года и в любую погоду. Когда-то озеро было морским заливом, потом оно обустроивалось трудом многих поколений и превратилось в одну из самых прекрасных достопримечательностей Китая. Сиху – не очень большое озеро: с трех сторон к нему подступают горы, сплошь покрытые развесистыми кленами, гранатовыми, сливовыми и персиковыми деревьями. С четвертой стороны озера и расположился Ханчжоу. Вода в озере проточная, благодаря специальной гидросистеме она полностью обновляется за несколько недель.

К западу от озера расположился буддийский храм Линъиньсы (Убежище души) – один из самых больших и древних храмов к югу от реки Янцзы, к тому же он является прекрасным памятником безэтажной архитектуры. По преданию, храм этот был основан буддийским монахом Хуэй Ли в Циньскую эпоху (примерно 1650 лет назад). Он представляет собой целый архитектурный ансамбль, состоящий из трех огромных залов. Центральный зал «Дасюнбаодянь» увенчан трехъярусной черепичной крышей с изогнутыми ажурными консолями. Высота его равняется примерно высоте трехэтажного дома: в центре зала совершенно отсутствуют этажные перекрытия и нет ни одной колонны, поддерживающей тяжелую кровлю.

В первом зале храма стоят фигуры четырех небесных стражей, охраняющих вход. Проходящих мимо этих статуй приветствует будда Майтрея – будда грядущего, изображенный с большим животом и широкой улыбкой. Рассказывают, что такой образ будды появился во время правления династии Южная Сун и копирует он одного жизнерадостного монаха той поры.

В главном зале монастыря расположилась 19-метровая статуя Будды Шакьямуни, вырезанная из 24 стволов камфарного дерева. Будда восседает на огромном пьедестале, сделанном в форме цветка лотоса.

Напротив храма Линьиньсы расположился монастырь «Прилетевший хребет». По преданию, основал его монах из Индии, который очень скучал по своей родине и часто видел ее в снах. Проснувшись однажды утром, он обнаружил, что перед монастырем появился холм – точно такой же, какой он видел во сне. Холм этот образован скальными породами и весь покрыт вырезанными более 1000 лет назад фигурами буддийских божеств и святых.

Две узкие дамбы – Боти и Сути, названные в честь крупнейших поэтов средневекового Китая Су Ши и Бо Цзюйи, пересекают озеро Сиху. Во время своей службы в Ханчжоу поэты проводили здесь крупные гидротехнические работы. О красоте озера Сиху поэт Су Ши написал такие строки:

Легкая зыбь на озере
Прекрасна в ясный день.
Чудесен вид гор
Сквозь пелену дождя.
Сравнивая Сиху
С красавицей Сиши,
Видишь, что озеру, как и ей,
К лицу любой наряд!

Одна из дамб соединяет город с большим островом «Одинокая гора». Здесь находится знаменитый музей, где собраны исторические памятники провинции Чжэньцян. Недалеко от дамбы Сути находится усыпальница знаменитого героя Ио Фэя. В XIII веке, когда складывалась династия Южная Сун с центром в городе Ханчжоу, военачальник Ио Фэй совершил несколько героических походов против чжурчженей и нанес им не одно сокрушительное поражение. Но военные успехи Ио Фэя сильно обеспокоили знатных феодалов, и тогда продажные министры оклеветали народного героя. Под предлогом обсуждения обстановки Ио Фэя вызвали в столицу, где он в 1141 году был казнен по приказу именитого сунского феодала Цинь Гуя. Народ прославил своего героя в песнях, легендах и драмах: одно старинное предание повествует, что, когда казнили Ио Фэя, деревья у его дома окаменели, ужаснувшись этой чудовищной несправедливости.

Усыпальница Ио Фэя представляет собой небольшой комплекс сооружений из четырех беседок и нескольких групп каменных фигур. Сама куполообразная могила возвышается под сенью вечнозеленых деревьев. По обе стороны идущей к ней аллеи, словно охраняя сон боевого героя, стоят высеченные из камня фигуры его сподвижников. А поодаль под палящими лучами солнца за железной решеткой стоят коленопреклоненные фигуры предателей и их жен, погубивших Ио Фэя.

Сотни лет не зарастает травой эта аллея. Все приходящие сюда подолгу смотрят на тяжелую надгробную плиту, на которой высечено знаменитое изречение полководца: «Честно служить родине». Уходя отсюда, каждый считает своим долгом плюнуть в лица предателей, хотя таблички запрещают делать это. В центре храма, посвященного памяти Ио Фэя, установлена его огромная статуя – первая в Китае, имеющая портретное сходство.

За свою долгую историю Ханчжоу пережил немало и героических, и трагических событий. Во время тайпинского восстания город был сильно разрушен, а в 1895 году он был открыт для иностранной торговли; в дальнейшем, благодаря установлению парового сообщения с Сучжоу и постройке железнодорожного канала, город стал быстро разрастаться и богатеть.

Когда-то по берегам озера Сиху китайские богачи возвели десятки роскошных вилл и дворцов. На искусственных островках, под кущами ив и магнолий было выстроено много уютных дач с причудливыми беседками, тенистыми дорожками, открытыми аквариумами, в которых резвились сотни золотых рыбок... Однако в последние годы господства гоминдановского режима живописные уголки озера Сиху пришли в запустение. Старые хозяева перед освобождением Китая забросили свои поместья и сады, ил покрыл дно озер и водоемов, стали разрушаться многие исторические постройки, об охране которых никто не заботился. В июле 1949 года рухнули изъеденные муравьями колонны зала «Дасюнбаоянь», за ними рухнул и потолок храма. Ныне он полностью восстановлен и вновь обрел свое прежнее величие, гармонию и красоту.

Со времен далекой Сунской династии высоко поднялась в Ханчжоу знаменитая пагода «Лэйфэнсичжао». Народ считает эту пагоду священной: она приносит счастье, так как у нее 13 ярусов. Люди приходили к пагоде поклониться и вытаскивали из ее фундамента хоть маленький камешек на счастье. С веками фундамент пагоды был настолько разрушен, что в 1937 году она рухнула.

Сегодняшний Ханчжоу славится не только своими историческими памятниками. Сейчас это большой промышленный и культурный город: широкую известность получил лунцзинский чай, который считается одним из лучших сортов зеленого чая и выращивается в местечке под названием «Колодец дракона» близ озера Сиху. На весь мир знамениты производимые в Ханчжоу шелковые тканые портреты и пейзажи, а в библиотеке города хранится подлинник известной китайской энциклопедии «Сыкуцюаньшу».

Очень любил посещать Ханчжоу Мао Цзэдун, побывавший здесь более 40 раз. Сейчас его резиденция на берегу озера Сиху открыта для посещения и превращена в отель «Сицзы».

Карфаген должен быть...

Руины римских терм в Карфагене

Этот город возник на несколько столетий раньше маленького галльского поселения Лютеция, которое потом стало Парижем. Он существовал уже тогда, когда на севере Апеннинского полуострова появились этруски – учителя римлян в искусстве, мореходстве и ремеслах. Карфаген был городом уже тогда, когда вокруг Палатинского холма бронзовым плугом провели борозду, тем самым совершив ритуал основания Вечного города.

Как начало любого города, история которого уходит в глубь веков, основание Карфагена тоже связано с легендой. В 814 году до нашей эры корабли финикийской царицы Элиссы причалили около Утики – финикийского поселения в Северной Африке.

Их встретил вождь обитавших неподалеку берберских племен. У коренных жителей не было желания пускать на постоянное поселение целый отряд, прибывший из-за моря. Однако на просьбу Элиссы разрешить им обосноваться здесь вождь ответил согласием. Правда, оговорив одно условие: территория, которую могут занять пришельцы, должна покрываться шкурой только одного быка.

Однако финикийская царица нисколько не смутилась и велела своим людям разрезать эту шкуру на тончайшие полосы, которые потом разложили на земле в замкнутую линию – кончик к кончику. В результате получилась довольно большая площадь, которой хватило для закладки целого поселения, названного Бирса – «Шкура». Сами финикийцы назвали его «Картхадаит – «Новый город», «Новая столица». Потом имя это трансформировалось в Картаж, Картахену, в русском языке оно звучит как Карфаген.

После блестящей операции со шкурой быка Элисса совершила еще один героический шаг. Посватался к ней тогда вождь одного из местных

племен, чтобы укрепить союз с пришлыми финикийцами. Ведь Карфаген рос и стал завоевывать уважение в округе. Но отказалась финикийская царица от женского счастья, избрала иную судьбу. Во имя утверждения нового города-государства, во имя возвышения народа финикийского и чтобы боги освятили Карфаген своим вниманием и укрепили царскую власть, приказала Элисса развести большой костер. Ибо боги, как сказала она, повелели ей совершить обряд жертвоприношения...

И когда разгорелся огромный костер, бросилась Элисса в жаркое пламя. Пепел первой царицы – основательницы Карфагена – лег в землю, на которой вскоре выросли стены мощного государства, пережившего столетия расцвета и погибшего, как царица Элисса, в огненной агонии.

Эта легенда научного подтверждения пока не имеет, и наиболее древние находки, полученные в результате археологических раскопок, датируются VII веком до нашей эры.

Финикийцы принесли на эту землю знания, ремесленные традиции, более высокий уровень культуры и быстро утвердились как умелые и искусные работники. Наравне с египтянами они освоили производство стекла, преуспели в ткацком и гончарном деле, а также в выделке кожи, узорной вышивке, изготовлении изделий из бронзы и серебра. Их товары ценились по всему Средиземноморью. Хозяйственная жизнь Карфагена строилась в основном на торговле, сельском хозяйстве и рыбной ловле. Именно тогда по берегам нынешнего Туниса были посажены оливковые рощи и фруктовые сады, а равнины распаханы. Аграрным познаниям карфагенян дивились даже римляне.

Трудолюбивые и искусные жители Карфагена рыли артезианские колодцы, строили запруды и каменные цистерны для воды, выращивали пшеницу, разводили сады и виноградники, возводили многоэтажные дома, изобретали всякого рода механизмы, наблюдали за звездами, писали книги...

Их стекло было известно во всем древнем мире, может быть, в еще большей степени, чем венецианское в средние века. Красочные пурпурные ткани карфагенян, секрет изготовления которых тщательно скрывался, ценились необычайно высоко.

Огромное значение имело и культурное воздействие финикийцев. Они изобрели алфавит – тот самый алфавит из 22 букв, который послужил основой для письменности многих народов: и для греческого письма, и для латинского, и для нашей письменности.

Уже через 200 лет после основания города карфагенская держава становится процветающей и могущественной. Карфагеняне основали фактории на Балеарских островах, захватили Корсику, постепенно начали прибирать к рукам Сардинию. К V веку до нашей эры Карфаген утвердился уже как одна из крупнейших империй Средиземноморья. Эта империя охватывала значительную территорию нынешнего Магриба, имела свои владения в Испании и Сицилии; флот Карфагена через Гибралтар стал выходить в Атлантический океан, достигал Англии, Ирландии и даже берегов Камеруна.

Он не знал себе равных на всем Средиземном море. Полибий писал, что карфагенские галеры строились так, «что могли двигаться в любом направлении с величайшей легкостью... Если враг, ожесточенно нападая, теснил такие корабли, они отступали, не подвергая себя опасности: ведь легким судам не страшно открытое море. Если враг упорствовал в преследовании, галеры разворачивались и, маневрируя перед строем кораблей противника или охватывая его с флангов, снова и снова шли на таран». Под защитой таких галер тяжело нагруженные карфагенские парусники могли плавать без опаски.

Все складывалось удачно для города. В те времена значительно уменьшилось влияние Греции – этого постоянного врага Карфагена. Правители города свое могущество поддерживали союзом с этрусками: союз этот был своего рода щитом, который и преграждал грекам путь к торговым оазисам Средиземноморья. На востоке тоже дела складывались благопо-

лучно для Карфагена, но к тому времени в сильную средиземноморскую державу превратился Рим.

Известно, чем закончилось соперничество Карфагена и Рима. Заклятый враг знаменитого города Марк Порций Катон в конце каждого своего выступления в римском сенате, о чем бы ни заходила речь, повторял: «А все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен!».

Сам Катон побывал в Карфагене в составе римского посольства в конце II века до нашей эры. Перед ним предстал шумный, процветающий город. Здесь заключались крупные торговые сделки, в сундуках меняли оседали монеты различных государств, рудники исправно поставляли серебро, медь и свинец, со стапелей сходили суда.

Побывал Катон и в провинции, где увидел тучные нивы, пышные виноградники, сады и оливковые рощи. Имения карфагенской знати ничуть не уступали римским, а порой и превосходили их по роскоши и великолепию убранства.

Сенатор возвращался домой в самом ужасном настроении. Отправляясь в путь, он надеялся увидеть признаки упадка Карфагена – этого вечного и заклятого соперника Рима. Уже более 100 лет шла борьба между двумя могущественнейшими державами Средиземноморья за обладание колониями, удобными гаванями, за господство на море. Эта борьба шла с переменным успехом, но вот римляне навсегда вытеснили карфагенян из Сицилии и Андалузии. В результате африканских побед Эмилиана Сципиона Карфаген заплатил Риму контрибуцию в 10 000 талантов, отдал весь свой флот, боевых слонов и все нумидийские земли. Такие сокрушительные поражения должны были обескровить государство, но Карфаген возрождался и креп, а значит, снова будет представлять угрозу для Рима...

Так думал сенатор, и только мечты о грядущем мщении разгоняли его мрачные мысли.

Три года легионы Эмилиана Сципиона осаждали Карфаген, и как ни отчаянно сопротивлялись его жители, они не смогли преградить путь римлянам. Шесть дней длилась битва за город, а потом он был взят штурмом. На десять дней Карфаген был отдан на разграбление, а потом снесен с лица земли. Тяжелые римские плуги вспахали то, что осталось от его улиц и площадей. В землю была брошена соль, чтобы не плодоносили больше карфагенские поля и сады. Оставшихся в живых жителей, 55 000 человек, продали в рабство. Рассказывают, что Эмилиан Сципион, чьи войска взяли приступом Карфаген, плакал, глядя на то, как гибнет столица могущественной державы.

Победители забрали золото, серебро, драгоценности, изделия из слоновой кости, ковры – все, что веками накапливалось в храмах, святилищах, дворцах и домах. В огне пожаров погибли почти все книги и хроники о Пунических войнах. Знаменитую библиотеку Карфагена римляне передали своим союзникам – нумидийским князьям, и с тех пор она бесследно исчезла. Сохранился лишь трактат по сельскому хозяйству карфагенянина Магона.

Но алчные грабители, разорившие город и сровнявшие его с землей, не могли успокоиться на этом. Им все казалось, что карфагеняне, о богатстве которых ходили легенды, перед последней схваткой сумели спрятать свои драгоценности. И в течение еще долгих лет искатели сокровищ рыскали по мертвому городу.

Через 24 года после разрушения Карфагена римляне стали на его месте отстраивать новый город по своим образцам – с широкими улицами и площадями, с белокаменными дворцами, храмами и общественными зданиями. Все, что хоть как-то уцелело при разгроме Карфагена, было теперь использовано при строительстве нового города, который возрождался уже в римском стиле.

Не прошло и нескольких десятилетий, а восставший из пепла Карфаген превратился по красоте и значению во второй город государства. Все историки, описывавшие Карфаген римского периода, говорили о нем как о городе, в котором «царят роскошь и удовольствие».

Но и римское владычество не было вечным. К середине V века город оказался под властью Византии, а через полтора века сюда пришли первые военные отряды арабов. Ответными ударами византийцы опять вернули себе город, но всего лишь на три года, а потом он навсегда остался в руках новых завоевателей.

Берберские племена встретили приход арабов спокойно и не препятствовали распространению ислама. Во всех городах и даже небольших поселках открывались арабские школы, стали развиваться литература, медицина, теология, астрономия, архитектура, народные ремесла...

В период арабского владычества, когда враждовавшие между собой династии сменялись очень часто, Карфаген отодвигается на задний план. Разрушенный в очередной раз, он уже больше не поднялся, превратившись в символ величавого бессмертия. Ничего не оставили люди и безжалостное время от бывшего величия Карфагена – города, который властвовал над половиной античного мира. Ни Германского маяка, ни камня от крепостной стены, ни храма бога Эшмуна, на ступенях которого до последнего сражались карфагеняне.

Сейчас на месте великого города – тихий пригород Туниса. В подковообразную гавань бывшего военного форта врезается небольшой полуостров. Здесь видны обломки колонн и блоки желтого камня – все, что осталось от дворца адмирала карфагенского флота. Историки считают, что дворец был возведен так, чтобы адмирал всегда мог видеть корабли, которыми он командовал. А еще лишь груда камней (предположительно от акрополя) да фундамент храма богов Танит и Баала свидетельствуют, что Карфаген действительно был реальным местом на земле. И повернись колесо истории иначе, Карфаген вместо Рима мог бы стать владыкой античного мира.

С середины XX века здесь ведутся раскопки, и выяснилось, что недалеко от Бирсы под слоем золы сохранился целый квартал Карфагена. До сих пор все наши знания о великом городе – это в основном свидетельства его врагов. И потому свидетельства самого Карфагена приобретают ныне все большее значение. Со всего мира едут сюда туристы, чтобы постоять на этой древней земле и ощутить ее великое прошлое. Карфаген включен ЮНЕСКО в список Всемирного наследия, и потому он должен быть сохранен...

Многострadalный Ереван

Происхождение Еревана теряется в глубине веков, название же города, как принято считать, произошло от армянского глагола «эрэвель» – явиться. Это связывается с преданием, будто местность эта первой явилась взору спускавшегося с Арарата Ноя, который и построил здесь первый послепотопный город.

...В 1916 году на Ванской скале была найдена каменная летопись урартского царя Аргишти I, который взошел на престол в конце VIII века до нашей эры – в трудное для страны время, когда ее жителям пришлось вступить в борьбу с ассирийцами. Его отец царь Менуа, при котором началось возвышение Урартского царства, от других царей отличался своей строительной деятельностью, о чем говорят оставленные им многочисленные клинообразные надписи. Он строил крепости, дворцы и храмы, с его именем связано укрепление города-цитадели Тушпы и сооружение целой системы оборонительных крепостей на ближних и дальних подступах к нему. Царь Менуа соорудил множество ирригационных каналов, среди которых пользуется известностью канал Шамирам, до сих пор подающий воду в район города Ван.

Царь Аргишти I продолжил дело отца. На пятом году своего царствования, что было в 782 году до нашей эры, он построил крепость Эребуни и поселил в ней 6600 воинов.

По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: «город Эребуни я построил для могущества страны Биайнили (и) для усмирения вражеской страны. Земля была пустынной (и) ничего не было там (раньше) построено. Могучие дела я там совершил 6 (?) тысяч 600 воинов стран Хате и Цупани я там поселил...»

Но в каком именно месте царь Аргишти I возвел крепость и с нее ли начинался Ереван – на эти вопросы наука не могла ответить до 1950 года. В тот год археологические рас-

копки проводились на холме Арин-берд, который возвышается на окраине Еревана. Археологи нашли тогда множество великолепных фресок, сохранившихся на древних стенах, но сразу извлечь все было невозможно. И тогда они решили всё открытое на время засыпать землей – доверить ей бесценные фрески еще на год! Рядом лежала базальтовая плита, которая мешала брать землю. Когда рабочие отодвинули ее, то взорам ученых предстала клинописная надпись. Теперь надо было сравнить летопись, найденную на Ванской скале, с вновь обнаруженными сведениями. Факты совпали, и было установлено, что Эребуни – это первое название Еревана и что город был основан в 782 году до нашей эры. Так из далеких веков пришло в наше время каменное послание о том, как и когда возник один из древнейших городов мира.

При основании города царь Аргишти I несомненно учитывал свои стратегические цели, рассматривая Эребуни как военный плацдарм, укреплявший позиции Урарту в северной части завоеванных земель. Клинописные надписи указывают, что цитадель Эребуни постоянно расширялась, обрастая все новыми сооружениями.

Самым большим сооружением цитадели был дворец, который служил царю резиденцией, когда он бывал в этом районе Араратской равнины. Дворец сохранился настолько хорошо, что его уцелевшие стены, высота которых достигает четырех метров, вполне отчетливо обрисовывают его общий план – с парадными залами, культовыми сооружениями и т. д.

В нескольких километрах от Арин-берда возвышается другой холм – весь красного цвета. Он так и называется Кармин-блур – Красный холм. В конце 1930-х годов ученые обнаружили здесь клинопись, упоминавшую имя другого урартского царя – Русы. А на каменном фундаменте древнего храма было высечено название крепости и города – Тейшебаини, названного по имени бога войны Тейшебы. Город этот был моложе Эребуни, и потому археологические находки в нем оказались богаче. Из Эребуни в Тейшебаини перекочевали оружие, шлемы, колчаны, щиты, украшения из бронзы, золота и серебра. Тейшебаини была мощной крепостью, а город – крупным административным центром, окруженным садами, виноградниками и полями пшеницы.

Тейшебаини прожил одно столетие и погиб в начале VI века до нашей эры. Его штурмовали скифы, в крепости бушевал пожар, на века окрасивший холм в огненно-красный цвет. Жизнь в Эребуни продолжалась до V–IV веков до нашей эры. С падением Урартского царства на Араратской равнине возникли новые города – Арташат, Двин и другие, которые отодвинули Ереван на второй план, однако и при этом город продолжал играть важную роль в жизни страны.

Новое возвышение Еревана связано с ростом города Двина, который во второй половине V века стал столицей Армении. Двин быстро сделался крупным торговым центром, и одна из его торговых караванных дорог проходила как раз через Ереван, что и способствовало его расцвету.

Первые письменные источники о Ереване на армянском языке относятся к началу VII века. На церковном соборе, созванном в 607 году католикосом Абраамом в городе Двине, присутствовали (как сказано в «Гирк-Тхтоц» – «Книге писаний») два представителя от Еревана – настоятели Давид и Джаджик. К этому времени по своей территории и по числу жителей Ереван был уже выше обычных сельских поселений. В нем размещалась укрепленная крепость, из которой горожане не раз отражали натиски арабских завоевателей.

Иноземные нашествия приносили серьезный урон экономическому развитию Еревана и всей Армении. В XI веке начавшаяся было относительно мирная жизнь была вновь прервана чужеземным нашествием. Турки-сельджуки, а потом монголо-татары, огнем и мечом завоевывавшие Армению, разрушили многие города, а некоторые вообще стерли с лица земли. При монголах были сохранены только те из армянских городов, которые были превращены в административные центры, к их числу относился и Ереван. Со второй половины

XIII века он вновь становится важным узловым пунктом на путях из Араратской долины в Северное Закавказье.

Как «столица Страны Араратской» Ереван впервые упоминается в XV веке, однако в течение еще почти долгих четырех столетий городу не довелось идти по пути своего естественного развития. Средневековый Ереван по уровню своего развития так и не достиг масштаба большого города: всякий раз, как только появлялись сколько-нибудь заметные признаки оживления и созидательной жизни, город разорялся иноземцами, после чего ему приходилось возрождаться заново.

В конце XIV века Ереван подвергся нападению армии Тимура, в 1554 году турецкие войска заняли город, предали его огню, а над жителями учинили дикую расправу. Не прошло и 50 лет, как персидская армия под командованием Шах-Аббаса окружила Ереван, где укрепились главные силы турецких войск. Впереди своих войск к стенам осажденной крепости Шах-Аббас погнал безоружных армянских крестьян, в это же время в самом городе турки учинили резню оставшихся жителей. Кроме того, солдаты обеих армий охотились за людьми, брали в плен женщин и детей и продавали их на невольничьих рынках.

Военные действия между Турцией и Персией прекратились только в 1639 году – за счет раздела Армении: западная часть страны отошла к Турции, восточная вместе с Ереваном – к Персии. Восточной частью Армении управлял сардар (персидский губернатор), а Ереваном – назначаемый им полицмейстер, которому подчинялся огромный чиновничий аппарат, содержание которого тяжким бременем ложилось на жителей.

Основная часть населения Еревана состояла из коренных жителей – армян, которые традиционно занимались земледелием, животноводством и садоводством. К концу XVII века в их занятиях весьма значительную роль стали играть ремесла – гончарное, столярное, лудильное и др. Как и в других средневековых городах, ремесленники Еревана были объединены в цехи, призванные ограждать их от феодального притеснения. Однако огромные богатства ежегодно присваивал сардар, двор которого по роскоши своей мало чем отличался от шахского. Один из последних сардаров, известный под именем Гусейн-Кули-хана, несмотря на свой преклонный возраст, содержал гарем, в котором томилось более 60 женщин. Этот сардар был настоящим тираном: он казнил людей, выступающих против иноземного гнета, по его прихоти многих лишали языка, глаз, рук... Особой жестокостью отличался брат сардара – Гасан-хан, о котором в романе «Раны Армении» зачинатель новой армянской литературы Х. Абовян писал как о самом настоящем звере, от «одного шага которого трепетали горы и ущелья. Для него что голова человека, что луковица – было одно и то же». Гасан-хан тренировался в стрельбе, стреляя из своего дворца в сторону дороги, располагавшейся на правом берегу Раздана. И часто попадал в крестьян, когда они со своими волами возвращались из города в деревню...

Расправа по малейшему поводу, а часто и без всякого повода, подстерегала горожан на каждом шагу, поэтому каждый старался как можно тщательнее спрятаться от всевидящего ока сардарских погромщиков. Хотя ереванцы платили особый налог за ночную охрану, нередко в их дома ночью врываются бандиты, причем зачастую это были сами помощники сардара. Х. Абовян в упоминавшемся уже романе отмечал, что «люди... всякую минуту ждали, что вот-вот на них упадет огонь с неба, – так каждый содрогался и трепетал за себя, так боялся ненароком попасть в беду... Вечером человек не знал, наступит ли для него утро; на рассвете не надеялся, что здоровым и невредимым закроет к ночи глаза».

Однако жестокое иноземное иго не поработило свободолюбивый армянский народ. Стремление армян и грузин освободиться от персидской тирании совпало и с восточной политикой царского правительства России. Русские войска под командованием П.Д. Цицианова в 1804 году вступили на территорию Ереванского ханства, где армянские жители оказывали им всяческую помощь: снабжали их продовольствием и фуражом, а также сообщали

ценные сведения. Однако прошло еще долгих 20 лет, пока русские войска под командованием И.Ф. Паскевича не ворвались в Ереванскую крепость. План штурма Ереванской крепости был разработан декабристом М. Пуциным, а первым ворвался в осажденную крепость полк, которым командовал декабрист И. Шипов. Декабрист А. Лачинов, участник этого штурма, вспоминал впоследствии: «С трогательным энтузиазмом встречал нас везде угнетенный и измученный армянский народ. Как молились, плакали от радости... старые и молодые, мужчины и женщины – все бежали к русскому войску, восклицая: русь! русь! здрасти!»

Праздник в городе в честь падения персидского владычества продолжался несколько дней, а 6 октября состоялся торжественный военный парад, который завершился 101 залпом. В память одержанной победы в России была учреждена медаль «Взятие Ереванской крепости».

В честь многовековых свободолюбивых устремлений армянского народа на привокзальной площади Еревана установлен памятник Давиду Сасунскому – былинному герою с горячей и чистой душой, одаренному величайшей доблестью. Он изображен в стремительном порыве, готовый сразить коварного врага огненным мечом, разящим как молния. Джалали – сказочный конь, покоряющий в своем беге просторы небесные и глубины морские, – вздыблен на огромной базальтовой глыбе. В каменном пьедестале, поставленном в бассейне (диаметр его 25 м), высечена чаша, в которую стекаются выбивающиеся из глыбы струйки воды. Если кто-нибудь вздумает посягнуть на свободу Армении, тогда переполнится чаша народного терпения и Давид Сасунский вновь выступит на защиту угнетенных.

Ереван не похож на те города, по кварталам и улицам которых можно читать следы исторических эпох. Многого не сохранил этот город в тяжкие времена своего существования. Его грабили, сжигали, разрушали, а однажды даже выкупили у завоевателей-монголов. Об этом можно прочесть на стене церкви XIII века, которая приютилась во дворе одного из новых зданий на улице Абовяна. Армянин-негоциант, «сын Аветянов Сахмадин» из города Ани оставил такую надпись: «Купил Ереван с его землей и водой и превратил в наследственное владение. Год 1264».

Ереван является ровесником Вавилона, Ниневии и Персеполя – городов, которых сейчас нет. А он живет и молодеет, оставаясь древним и величественным. Просторный, сверкающий зеленью парков и чистыми струями фонтанов, город неотделим своими контурами, красками и характером от холмов, что высятся на его окраинах. Ереван – розовый, желтый, оранжевый, белый, красный, лиловый... Нельзя уловить все краски и оттенки туфа, базальта и гранита: каждую минуту все меняется от игры света и теней. Ереван, может быть, единственный город в мире, где никогда не красят фасады домов. Природа по своему разумению выкрасила эти чудо-камни и подсказала армянским зодчим самобытные и неповторимые архитектурные формы.

Легенды «вечного города»

Историческое возникновение Рима очень прозаично: спустились в долину горные пастухи и поселились на Палатинском холме. Потом поселения, возникшие на окружающих Палатин холмах, объединились и окружили себя укрепленной стеной. Так возник Рим, и было это в 753 году до нашей эры.

Однако античная традиция, как пишет профессор Московского университета Е.В. Федорова, утверждает, что римляне еще в древности знали: 753 год до нашей эры – дата весьма условная. Люди здесь обитали во времена столь давние, что римляне имели о них очень смутные представления. По мнению античных авторов, первыми вождями туземцев, живших на территории будущего Рима, были боги Янус (двуликий бог начала и конца, входа и выхода) и Сатурн – бог посевов и плодородия.

Сатурн... был человеком столь высокой справедливости, что никто при нем не был рабом и не владел частной собственностью, но все для всех было общим и неделимым, как будто бы все имели единое имущество.

В этой картине, нарисованной писателем II века Юстином, можно увидеть черты первобытнообщинного строя, но потом пришел злой бог Юпитер и прогнал доброго Сатурна с его холма, который стал теперь называться Капитолийским, а раньше назывался Сатурновым. Дальше, по мнению древних римлян, история развивалась так. После Юпитера царем на Капитолийском холме стал Фавн, во времена которого прибыли в эти места чужестранцы. Они обосновались на соседнем холме, который называли Паллантионом, возможно, отсюда впоследствии и появилось название «Палатин».

Вскоре после этих пришельцев появились еще одни – во главе с Гераклом – и обосновались на Капитолийском холме. Марика, дочь Фавна, родила от Геракла сына Латина, царствовавшего уже 35 лет, когда в будущий Рим прибыли новые переселенцы. Это были троянцы под предводительством Энея, которые после разгрома Трои пошли искать новые места для поселения.

Прибытие троянцев древние римляне считали бесспорным фактом и были убеждены в этом настолько твердо, что древнеримский писатель и поэт, мыслитель и историк Тит Ливий именно с этого факта начинает свою знаменитую «Историю Рима».

Эней, гонимый от дома... несчастьем, но ведомый судьбою к иным, более великим начинаниям, прибыл сначала в Македонию, оттуда... занесен был в Сицилию, из Сицилии на кораблях направил свой путь в Лаврентскую область... Высадившиеся тут троянцы, у которых после бесконечных скитаний ничего не осталось, кроме оружия и кораблей, стали угонять с полей скот. Царь Латин и аборигены, владевшие тогда этими местами, сошлись с оружием из города и с полей, чтобы дать отпор пришельцам...

Дальнейшую историю рассказывают по-разному, но по одной версии разбитый в сражении царь Латин заключил с Энеем мир и даже выдал свою дочь Лавинию замуж за него. После гибели Латина в битве с войсками царя рутулов Турна, за которого ранее была просватана Лавиния, местные жители оказались под властью Энея и слились с троянцами в единый народ.

Один из потомков Энея отстранил от власти старшего брата, убил его сыновей, а дочь Рею Сильвию сделал жрицей и обрек на безбрачие. Однако она родила двух младенцев, Ромула и Рема, и объявила, что их отцом является бог Марс. Тит Ливий с присущей ему рассудительностью замечает по этому поводу: «Или она действительно так думала, или сказала это потому, что бог, как виновник преступления, выглядел несколько приличнее, чем простой смертный». Однако отцовство Марса не произвело никакого впечатления на злодея Амулия: он заключил Рею Сильвию под стражу, а младенцев-близнецов повелел выбросить в Тибр, что и было исполнено.

Но близнецов выбросило на берег под смоковницей, посвященной Румине – богине вскармливания новорожденных. Там их охраняли и кормили дятел и волчица, а потом детей нашел пастух Фаустул, который вместе со своей женой воспитал их.

Став взрослыми и узнав о своем происхождении, братья-близнецы собрали отряд беглецов и разбойников, убили Амулия и вернули власть своему деду Нумитору, а сами решили основать новый город. Братьям, ожидавшим необходимого для начинания всякого дела знака божественной воли, явились кориуны: шесть – Рему на Авентине и двенадцать – Ромулу на Палатине, что предвещало двенадцать веков существования города.

Рем позавидовал предпочтению, оказанному брату, стал над ним насмехаться и в разгоревшейся ссоре был убит. Ромул основал город, дал ему свое имя и стал его первым царем. Чтобы увеличить население города, Ромул учредил в священной роще бога Лукариса убежище для беглецов, свободных и рабов, которые массами стали стекаться в новый город.

Окрестные племена не желали выдавать замуж за них своих дочерей, и тогда Ромул пригласил на праздник в честь бога Конса соседних сабиян с их женами и детьми и приказал римлянам по условленному знаку хватать девушек.

Римляне верили в историческое существование Ромула, о чем говорит следующий факт. На рубеже I века до нашей эры и I века нашей эры Октавиан Август, основатель Римской империи, повелел создать в Риме новую площадь – форум Августа. Он украсил ее статуями великих римлян, а на их пьедесталах приказал сделать элогии – официальные почетные надписи. Тогда же копии этих статуй были поставлены и в других городах Италии, и до наших дней в Помпеях сохранился элогий Ромула.

Ромул, сын Марса, основал город Рим и правил 38 лет. Он же, будучи первым полководцем, убив предводителя врагов Акрона, царя ценинов, посвятил снятые с него доспехи Юпитеру Феретрию и, принятый (после смерти) в число богов, именуется Квирином.

Хотя легендарная традиция утверждает, что Ромул прямо вознесся на небо, однако в Риме существовала его могила, о которой упоминают античные писатели. Среди многих памятников, украшавших римский форум, был еще и загадочный Lapis niger – «черный камень», отрытый во время раскопок в 1839 году. Недалеко от арки Септимия Севера археологи обнаружили что-то вроде пещеры, крытой черным мрамором, а внутри нее – фундаменты каких-то постаментов и колонн. Ученые предположили, что святилище это очень древнее, и древность его подтверждается небольшими идолами (глиняными и костяными), костями животных и плитой с архаической надписью. Грубые буквы идущей справа налево надписи были схожи с греческими и этрусскими буквами, но от надписи сохранилась только одна фраза: «Да будет священным!». Вот эту гробницу, на которой стояли два каменных льва, римляне и считали гробницей Ромула.

Рим времен Ромула располагался только на двух холмах: на Палатине жили истинные римляне, а на Капитолии поселились сабины. Пространство между этими холмами, окруженное в то время болотами, служило местом для их сходов и совещаний. На этом месте впоследствии и был образован Форум – самое замечательное место из всех мест древнего Рима.

Многие ученые считали, что «царский» период в истории Рима – это сплошная выдумка, не имеющая никаких реальных оснований. Однако первые же археологические исследования в Риме поколебали это убеждение, а раскопки XX века установили, что самые ранние культовые сооружения появились в городе между 720 и 630 годами до нашей эры, что вполне согласуется и с античной традицией. Древние источники сообщают, что второй римский царь Нума Помпилий, человек ученейший (то есть сведущий в религии и магии), учредил в Риме жреческие коллегии, ввел культы новых богов и построил святилища в честь двуликого бога Януса и Весты – богини огня в очаге.

В художественном отношении римляне находились в большой зависимости от своих соседей этрусков, которые обладали тогда более высокой материальной культурой. Во время раскопок археологи обнаружили в Риме так много этрусских предметов, что некоторые из ученых сделали вывод, что римляне в те времена пребывали под властью этрусских царей, хотя Тит Ливий и другие авторы об этом ничего не говорят. Но в значительной мере именно этрускам римляне обязаны тем, что стали великими мастерами скульптурного портрета, у них же они научились и многим приемам строительного дела.

Согласно древнему преданию, в VI веке до нашей эры в Риме работал выдающийся этрусский мастер Валка – единственный, чье имя дошло до нас. Именно ему приписывают создание знаменитой бронзовой статуи волчицы с младенцами Ромулом и Ремом. Фигурки малышей не сохранились и были сделаны заново много веков спустя.

В конце VI века до нашей эры римляне упразднили у себя царскую власть и учредили республику. Во времена Республики знаменитый Форум заметно меняет свой вид, становится центром политической, общественной и религиозной жизни Рима. Он был обставлен

великолепными зданиями, здесь ежедневно выступали ораторы, собиравшиеся на свои заседания римский сенат, здесь же упоенные победами триумфаторы получали награды от народа и здесь же решались судьбы всего древнего мира.

На Форуме располагался Комициум – площадка для народных собраний, рядом с ней расположились Курия (место заседаний сената) и Грекостатис, где находили себе кров чужеземные послы. Окраины Форума занимали храм Януса, Регия – жилище первосвященника, святилище Ютурны – богини целебной воды, Волканал – святилище бога огня и круглый храм Весты. Из этих сооружений немногие дожили до конца империи: много раз перестраивались храм Весты и дом весталок, а источник Ютурны дошел до нас в развалинах императорских времен. Только ораторская трибуна, несколько раз менявшая свое местоположение на Форуме, да храм неугасимого огня, менявший свои украшения и форму, прожили всю историю Форума.

Римский Форум существовал до 1080 года, а потом был разрушен воинами Р. Гискарда, которые были недовольны пригласившим их римским папой Григорием VII. В знак своих обманутых надежд они разрушили многие здания, превратив их в развалины. В течение долгого времени после этого Форум служил свалкой, и только к середине XVI века папа Павел III приказал перерыть форум – но не для того, чтобы отрыть его величественные здания, а чтобы извлечь из-под земли мрамор и другие материалы.

История Римской республики – это история побед римского оружия. Война была для римлян естественным состоянием, и деревянные двери храма бога Януса почти всегда были открыты в знак того, что сам бог выступил на помощь legionерам. С течением времени Рим креп и разрастался, соседние племена одно за другим покорялись его власти, и через пять веков вся Италия была уже в его руках. Победоносные римские войска стали постепенно переходить границы Италии и завоевывать уже не отдельные племена, а целые государства. Победы следовали одна за другой, и вскоре владычество Рима распространилось почти на весь известный тогда европейцам мир. А потом последовали падение и гибель римской культуры, и все периоды в истории города оставили в его облике свои следы.

Памятники Рима неисчислимы, для полного изучения их мало человеческой жизни. Колизей, «Золотой дом» Нерона, термы Каракаллы, конная статуя Марка Аврелия, колонна Траяна... Чтобы только описать их и связанные с ними легенды и предания, нужно составить не одну главу и даже не одну книгу, а целую библиотеку. Например, на площади Виктора Эммануила в старинной стене одного из зданий сооружен весьма оригинальный памятник. На мраморной плите, которую охраняют два пузатеньких чудовища, выбиты какие-то кабалистические знаки. Древняя легенда утверждает, что тот, кто разгадает их, получит весьма простую формулу для изготовления золота в неограниченном количестве. Многие люди в прошлые века пытались расшифровать таинственную надпись, но безуспешно.

Рим часто называют «городом фонтанов», и это действительно так. Фонтаны придают неповторимое очарование большим и малым римским площадям. Например, к знаменитому на весь мир фонтану Треви неизменно приходят тысячи туристов, чтобы бросить в него монетку, которая вновь приведет их в Рим. А неподалеку от Треви, на площади Навона, стоит украшенный скульптором Л. Бернини фонтан с гигантскими фигурами, олицетворяющими богов самых великих рек мира. И вам обязательно расскажут здесь забавную историю.

Еще до того, как Л. Бернини создал свое гениальное произведение, его конкурент, архитектор Барромини, возвел на площади церковь Санта-Аньезе с Мадонной наверху. Л. Бернини был весьма недоволен этим сооружением, которое, по его мнению, своей неказистостью портило художественный ансамбль площади. Поэтому одной из фигур своего фонтана, расположенной как раз напротив церкви, он придал выражение ужаса.

Барромини пришел в раздражение от шутки скульптора и распустил по Риму слухи, что вода из фонтана бить не будет. Л. Бернини сильно забеспокоился, так как не очень сильно разбирался в математических расчетах. Он узнал, что схему правильных расчетов Барромини прячет под семью замками в своей мастерской, и тогда скульптор попросил своего самого молодого и красивого ученика познакомиться со служанкой архитектора...

Когда множество народа собралось на открытие фонтана, он забил в полную силу. Посрамленный Барромини в отместку написал едкую эпиграмму на Л. Бернини, которая появилась на пьедестале так называемого памятника Паскуино, который скромно стоит на углу тихой улочки, примыкающей к площади Навона.

В XV веке жил в Риме веселый портной Паскуино, который ловко владел не только ножницами и иглой, но еще и сочинял злые эпиграммы на богатых вельмож и духовенство. Горожане покатывались со смеху, читая очередную «паскуинату». Святая инквизиция не раз пыталась подкопаться под бунтаря и остролова, но он был так ловок, что ухитрился прожить долго и умер своей смертью в кругу чад и домочадцев в весьма преклонном возрасте.

Когда после смерти Паскуино дом его снесли, то под полом обнаружили древнюю статую без носа, не известно как туда попавшую. С тех пор она и стоит на углу улочки, а с ее пьедестала в течение веков не исчезают знаменитые «паскуинаты». Меняются эпохи – меняются формы и содержание эпиграмм...

Века связали из легенд и былей, преданий и реальных событий удивительное кружево смешного и печального, фантастического и правдивого. Рассказывают, что в древние времена отличить истину ото лжи в Риме было очень просто.

Под портиком старинной римской церкви Санта-Мария ин Космедин до сих пор охраняется, как реликвия, вделанный в стену большой каменный круг с изображением оскаленной пасти тритона. Человека, в правдивости слов которого возникали сомнения, заставляли «класть руку в пасть правды» и повторять показания. Если он лгал, то... лишился руки. А все дело заключалось в том, что в давние времена за стеной стоял палач, который и отрубал руку тем, в чьей виновности не было никаких сомнений.

Нет на земле другого такого города, в котором скопилось бы столько памятников самых различных культур. Самое интересное в Риме – это как раз остатки величественной древности, памятники давно минувшим событиям. По всему городу рядом с современными зданиями рассыпаны развалины древних храмов и стадионов, дворцов и общественных зданий. Рим – особый город, это огромный музей, по которому с восхищением бродят туристы, зачастую забывающие о Риме современном.

В одной из своих поэтических импровизаций французский писатель Ф.Р. Шатобриан говорил, что

нельзя смотреть на древний Рим и не перебирать в голове своей истории, по крайней мере, двадцати столетий. Тут промелькнет перед вами и старый сабинец с деревянными своими сандалиями; и римский сенатор, покрытый весь пурпуром; воображению вашему представится медленнодвигающаяся фура древнего вольска и гордо мчащаяся колесница

римского триумфатора или прелестницы... Здесь пройдет мимо вас ритор или оратор, спешащие на народное судилище или в школу... Кровь первых христианских мучеников прольется перед вами, и живительная тиара первого папы... заблещет перед вами символом освобождения... Все давно прошедшее вступит в неудержимую борьбу с настоящим, и где предел этой неистощимой фантазии?

Под звездой Вифлеема

Рождество Христово.

Антонио Корреджо 1530

Небольшой городок Вифлеем находится в семи километрах от Иерусалима. И хотя история его очень древняя, незаметен он был между другими городами Израиля. Когда пат-

риарх Иаков шел со своим семейством из Вефиля, на некотором расстоянии от Еффрафы жена его Рахиль родила сына Вениамина. Сама она умерла, и ее похоронили на дороге в Еффрафу, то есть в Вифлеем. Иаков поставил над ее могилой памятник, который и сейчас можно увидеть в долине Вифлеемской, хотя он имеет совсем другой вид.

При разделении Земли обетованной между 12 коленами израилевыми при Иисусе Навине Вифлеем с некоторыми другими городами был отдан колену Иудину. В Вифлееме жил Иессей, у которого было восемь сыновей. Когда пророку Самуилу пришло повеление от Бога избрать из семейства Иессея царя для Израиля, пророк пришел в Вифлеем, принес жертву и по указанию Божию тайно помазал на царство Давида – младшего сына Иессея. В Вифлееме царь Давид провел свои детские годы. Этому царю и пророку было обещано от Бога, что из племени его родится Спаситель мира.

Однако потомки царя Давида продолжали царствовать в Иерусалиме, и вряд ли кто из них жил в Вифлееме. Поэтому никто и не думал, что в этом городе родится великий потомок царя Давида по плоти, сын Божий – по Божеству. Но пророк Михей открыл иудеям, что местом рождения Спасителя будет Вифлеем, и пророчески обратился к городу: «Вифлеем Еффрафа! Ты мал, чтобы быть наряду с тысячами (столицами) Иудиными: но из тебя произойдет у меня долженствующий быть владыкою Израиля!» Это было за 700 лет до рождения Иисуса Христа, но чуткие к предсказаниям иудеи запомнили слова пророка Михея и нисколько не сомневались, что Спаситель родится в Вифлееме.

Пролетали годы, проходили столетия, за это время город неоднократно подвергался нашествиям и опустошениям. Во время нашествия царя Навуходоносора жители Вифлеема были выселены из города и рассеяны в Вавилоне. И никто не мог указать на потомков рода Иессея, от которых можно было ожидать рождение Спасителя в Вифлееме. Само племя царя Давида впоследствии потеряло власть в Иудее: многочисленные потомки его, хоть и знали о своем происхождении от рода царского, были очень бедны и жили уже не в Вифлееме, а были рассеяны по всей земле Иудейской.

Но настало время рождения Спасителя, предначертанное Богом. В далеком от Иудеи Риме решили переписать всех подданных, и иудеи, дорожившие своим Богоустановленным разделением на 12 колен, дорожили и своим происхождением. Поэтому старцу Иосифу, бедному потомку царя Давида, и Деве Марии, принадлежавшей к тому же роду по отцу своему Иоакиму, надо были идти в Вифлеем – записаться в числе потомков Давидовых.

Прибыли они в Вифлеем поздно вечером и не могли найти себе место для ночлега, так как по случаю переписи было очень много приезжих и всем места в гостиницах не хватало. В библейские времена вокруг Вифлеема простиралась пустыня, где пастухи пасли овец и коз. Чтобы укрыться от дождя и зноя, пастухи вырубали в скалах пещеры, в которые загоняли свои стада в плохую погоду. Вот в одной из таких пещер, в так называемом «Вертепе», и нашло приют в ночь под Рождество Святое семейство. И здесь, в этой пещере, у Святой Девы Марии родился сын – обещанный Богом Спаситель мира. Божья Матерь спеленала младенца и положила его в ясли на сено.

Была тихая, ясная ночь. Все спало кругом, никто не знал и даже не догадывался о том, что произошло. Не спали только пастухи, охранявшие свои стада около Вифлеема. Вдруг им явился ангел Господень, окруженный невиданным светом. Пастухи испугались, но ангел сказал им: «Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость для всех людей. В Вифлееме родился обещанный Богом Спаситель мира. Вы найдете младенца, спеленатого и лежащего в яслях». Внезапно в небе появилось множество других ангелов, которые славили Бога и пели: «Слава в вышних Богу и на земли мир, и в человеках благоволение».

Когда ангелы скрылись, пастухи сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось и о чем нам говорили ангелы». Они поспешили к городу и нашли в пещере

Младенца Христа, лежащего в яслях, и поклонились ему как Богу. А матери Его рассказали о случившемся в поле.

Над этой пещерой в 326 году византийская императрица Елена воздвигла храм «Рождества Христова», а через два века император Юстиниан расширил и украсил его. С тех пор в главных очертаниях храма и в его архитектуре больших перемен не производили, о чем свидетельствуют и богомольцы в своих многочисленных описаниях разных времен. Храм «Рождества Христова» остается в Палестине единственным храмом, который в течение вот уже почти семнадцати столетий не претерпел значительных разрушений: на протяжении всего этого времени в нем непрерывно совершались богослужения.

В храм «Рождества Христова» когда-то вели три входа, потом два из них замуровали (следы эти видны и до сих пор). Но и оставшийся вход показался слишком широким, так как его трудно было защищать во время вражеских набегов. Поэтому во входе оставили только узкий проход, а все остальное пространство заложили камнями. В настоящее время о прошлой ширине входа можно судить по сохранившемуся овалному завершению портала. Внутри храм разделен четырьмя рядами колонн из розового гранита с коринфскими капителями на пять нефов. На колоннах и стенах храма заметны остатки росписи на библейские сюжеты, сделанной еще византийцами.

Слева и справа от алтаря с роскошным иконостасом находятся узкие лестницы, которые ведут в «Пещеру Рождества», в которой Дева Мария родила Божественного младенца. Площадь пещеры составляет 32 квадратных метра, и вся она отделана мрамором. В неглубокой нише храма устроен небольшой алтарь, в пол перед ним вделана серебряная звезда со священной надписью на латыни: «Здесь Девою Марией рожден Иисус Христос». Эта звезда более 2000 лет назад указала путь восточным мудрецам – волхвам, которые тоже пришли поклониться Иисусу Христу. Она вела их во время долгого пути и остановилась как раз над местом, над которым сейчас свисают лампы разных религиозных конфессий. Каждый верующий хочет приложиться к этой звезде или хотя бы дотронуться до нее рукой. В нескольких шагах от звезды три ступени ведут в грот, где находятся ясли Христовы – небольшая ниша в стене грота, куда Богородица положила Сына.

Рядом с церковью «Рождества Христова» находится монастырь францисканцев, расположившийся на том месте, где в библейские времена стоял дом Иосифа-плотника. Неподалеку от него – церковь Святой Екатерины, где находится часовня «Невинных душ» – на месте, где по приказу царя Ирода убивали младенцев и бросали их в колодезь.

Единственное место в Вифлееме, которое можно связать с именем царя Давида, – это двор и колодезь прославленного царя: раньше они располагались на одной из узких улиц города и были окружены стеной. Из этого колодца доставали воду для царя Давида, когда он сражался с филистимлянами на Рафаимской равнине. Сейчас на этом месте находится греческий монастырь, основанный византийцами в VI веке. Здесь же можно посетить катакомбы – подземные захоронения монахов, живших в этом монастыре.

На восток от церкви «Рождества Христова» идет улица «Млечного грота». На этой улице стоит францисканская церковь, воздвигнутая над пещерой, где у Богородицы, кормившей грудью Божественного младенца, упало несколько капель молока на черный камень, сразу же после этого сделавшийся белым. С тех пор считается, что этот камень обладает чудодейственной силой: сюда часто приходят матери, чтобы вымолить обильное питание для своих детей.

Само слово «Вифлеем» означает «место хлеба», и это самое подходящее название для места, где появился Сын Божий, который был живым хлебом, сошедшим с небес.

Мероэ

Историческую область в среднем течении Нила – от Асуана на севере до суданского города Дабба на юге – принято называть Нубией. Название это скорее всего происходит от древнеегипетского слова «нубу», что означает «золото». Примыкающие к Нилу невысокие скалистые горы действительно изобилуют золотоносным кварцем, из которого еще в глубокой древности научились добывать драгоценный металл.

Для древних египтян Нубия с ее узкой прибрежной долиной была своего рода «воротами в Африку». Когда египетское государство переживало периоды расцвета, фараоны захватывали Нубию; когда Египет ослабевал, нубийцы восставали и снова обретали независимость. В VIII–VII веках до нашей эры нубийцы даже сами образовали XXV династию правителей Египта и полвека правили страной. После этого в Нубии столетиями процветали государства со столицами в Куше, Напате и Мероэ.

Раскопки в долине Муссаварат-эль-Суфра помогли ученым приоткрыть завесу тайны над историей древнего государства Мероэ – некогда обширного и могущественного. Здесь сделано немало открытий, в частности, раскопаны и исследованы пирамиды правителей Куша, правда, ограбленные уже в незапамятные времена; найдены сложные подземные ходы, которые вели к усыпальницам цариц...

Английский историк Б. Дэвидсон так описывал этот город, мало изученный еще и сегодня: «В Мероэ и прилегающих к нему районах сохранились руины дворцов и храмов, представляющих собой порождение цивилизации, которая процветала более 2000 лет назад. А вокруг руин, все еще сохраняющих свое былое величие, лежат могильные курганы тех, кто создавал эти дворцы и храмы... Стены из красного базальта, испещренные таинственными письменами; фрагменты барельефов из белого алебаstra, некогда украшавших великолепные крепости и храмы; черепки окрашенной глиняной посуды, камни, не утратившие

еще своих ярких узоров, – все это следы великой цивилизации. Там и сям печально стоят заброшенные гранитные статуи Амон-Ра... и ветер пустыни носит над ними тучи коричнево-желтого песка».

Первые века в истории Куша были связаны еще с египетским владычеством: царский дом, аристократы и жрецы во многом перенимали египетские обычаи и моды, хотя, как считает И. Можейко, эти чужие традиции вряд ли глубоко проникали в кушитское общество. Оно не только этнически отличалось от египетского, но и занятия его населения были другими: нубийцы не были связаны с рекой, как египтяне с Нилом, большая часть их территории представляла саванну, на которой они занимались скотоводством.

Примерно к 800 году до нашей эры слабые фараоны XXII египетской династии вынуждены были предоставить Кушу независимость. Столицей государства стал город Напата – центр культа бога Амона, которого кушиты изображали в образе барана. Через некоторое время кушитские цари сами начали продвигаться на север, воевали они и в южных нотах Египта. Ряд завоевательных походов начал царь Пианхи, проявивший себя умелым полководцем: он находил слабые места в обороне противника, шел на союзы с враждовавшими между собой номархами, не забывая при этом чтить египетских жрецов.

Победив египетского фараона, кушитский царь основал XXV, «эфиопскую», династию. Однако вскоре их владычество в Египте было прервано ассирийцами, вооруженными железными копьями и мечами, против которых бронзовые и каменные орудия египтян и кушитов были бессильны. Однако ассирийцы не стали преследовать их вверх по Нилу, и, таким образом, кушиты сохранили свою независимость.

Полтора тысячелетия желтые пески пустыни скрывали руины города Мероэ – столицы загадочного нубийского «царства Мероэ». Об этом городе греки и римляне узнали в I тысячелетии до нашей эры, когда Мероэ стал столицей Нубии вместо расположенной севернее Напаты. Однако на вопросы: «Почему была перенесена столица? Когда это произошло точно и какова предшествующая история самого города?» – античные историки ответа не дают. Лишь крохи сведений о Мероэ донесли до нас сочинения римских и греческих писателей. Известно, например, что территорию города Мероэ называли «островом Мероэ», который имел форму щита. На картах его изображали в виде круглого участка суши, со всех сторон окруженного притоками Нила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.